Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

I.

Личность барона Розенкампфа.—Отзывы о немъ разныхъ лицъ.—Служба Розенкампфа въ Лифляндіи.—Прибытіе въ Петербургъ и знакомство съ Державинымъ.—Представленіе мое императору Александру 1-му.—Знакомство Розенкампфа съ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Чарторійскимъ и графомъ Строгановымъ.—Вопросъ о преобразованіи Сената.—Характеристика Александра I-го.—Аудіенція у императора.—Разговоръ объ освобожденіи крестьянъ.—Законодательная комиссія.

Въ императорской публичной библіотекѣ хранятся нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ листовъ на нѣмецкомъ языкѣ, собственноручно написанныхъ барономъ Густавомъ Андреевичемъ Розенкампфомъ, съ большими поправками, составляющихъ часть его автобіографіи, которую онъ, повидимому, писалъ на склонѣ своей жизни. Этотъ трудъ является неоконченнымъ, и трудно рѣшить вопросъ, былъ ли онъ доведенъ до конца или нѣтъ. Но надо полагать, что начало этой біографіи было написано и почему-то не дошло до насъ, такъ какъ трудно предположить, что Розенкампфъ началъ бы писать свою біографію съ середины.

Дополнивъ этотъ послѣдній пробѣлъ, мы помѣщаемъ въ переводѣ безъ измѣненій дошедшую до насъ часть автобіографіи Розенкампфа, представляющуюся во многихъ отношеніяхъ столь же любопытною, какъ и личность самого Розенкампфа, о которомъ по преимуществу дошли до насъ отзывы неблагопріятные. Такъ, напримѣръ, извѣстный графъ П. С. Мордвиновъ отмѣтилъ на поляхъ одной записки: «въ коммиссіи законовъ предсѣдательствуетъ Розенкампфъ, о которомъ молва народная

гласитъ, что онъ есть sans foi et sans loi. (Арх. графа Мордвинова, т. V, стр. 473). По словамъ В. А. Вильбасова, современники свои и чужіе, равно презирали этого нѣмца Розенкампфа. Бентамъ и Парротъ признавали его презрѣннымъ человѣкомъ. Мордвиновъ писалъ о немъ: «Розенкампфъ дуракъ и интриганъ, а такіе люди всегда умудряются выѣзжать впередъ, ибо ему никто не завидуетъ и онъ льститъ сильнымъ міра сего, которые относятся къ нему покровительственно, будучи такъ же невѣжественны, какъ и онъ самъ» («Рус. Стар.», томъ 106, стр. 202). По словамъ графа М. А. Корфа, одного изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Сперанскаго и уже по этому одному, рѣшительнаго противника Розенкампфа, «все, что писалъ Розенкампфъ, было безпощадно мараемо Сперанскимъ или передѣлываемо имъ совсѣмъ заново» [1]).

По словамъ того же барона Корфа [2]), Розенкампфъ обладалъ острымъ умомъ, обширными теоретическими свѣдѣніями въ юридическихъ наукахъ, но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скудны.

По словамъ же Ильинскаго, Розенкампфъ не только не зналъ русскаго языка, но и говорилъ по-русски съ великою нуждою только; свѣдѣнія же его о Россіи были вообще еще скуднѣе [3]). Нельзя, однако, не замѣтить, что этотъ отзывъ барона Корфа о его соотечественникѣ нѣмцѣ Розенкампфѣ, а также отзывъ Ильинскаго надо принять съ большимъ и большимъ ограниченіемъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то едва-ли поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и никакъ не могъ бы написать на русскомъ языкѣ статью: «Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи», помѣщенную въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 года, январь № 2, издаваемомъ Карамзинымъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то не могъ бы «перепечатать все касающееся нашего древняго права», какъ это заявляетъ извѣстный Погодинъ, дѣлающій при этомъ слѣдующее примѣчаніе, весьма характерное: «Розенкампфъ противъ нѣмцевъ; мы можемъ ходить уже не на помочахъ,—говоритъ онъ (т. е. Розенкампфъ, см. «Жизнь и труды Погодина»—Барсукова, т. III, стр. 35). Не отсюда ли гнѣвъ къ нему Корфа, хотя измѣнившаго вѣрѣ отцовъ своихъ, но считавшаго нѣмцевъ спасителями Россіи и русскихъ, не цѣнившихъ высоко.

Высказываемое графомъ Корфомъ, что Розенкампфъ былъ лицемѣрный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, что онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ

---

[1]) Это могло происходить не отъ того, что изложеніе было неудовлетворительно, но отъ того, что содержаніе изложеннаго Розенкампфомъ совершенно расходилось съ воззрѣніями Сперанскаго.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I.

[3]) См. „Русскій Архивъ“ 1879 г., т. III, стр. 423.

интересахъ (см. «Рус. Стар.» 1903 г., апрѣль, стр. 31), по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, потому что это только голословная брань. Корфъ ничѣмъ не доказываетъ своихъ словъ, точно такъ же, какъ и не приводитъ основаній, почему должно вѣрить скорѣе разсказу стараго шифрера Беку объ опредѣленіи на службу Розенкампфа, нежели разсказу самого Розенкампфа, изложенному въ его запискахъ, изъ которыхъ Корфъ приводитъ только нѣкоторыя отдѣльныя фразы и тѣмъ значительно измѣняетъ ихъ смыслъ и значеніе.

Это побуждаетъ насъ привести дословный переводъ дошедшихъ до насъ листковъ автобіографіи Розенкампфа, пополнивъ недостоящія въ нихъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни его преимущественно изъ его же рукописнаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Uebersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexanders I».—Обозрѣніе русскаго законодательства со временъ царствованія Петра Великаго до Александра I.

Потомокъ шведскаго офицера, возведеннаго королемъ Карломъ XII въ дворянское достоинство, Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ [1]) родился 6-го января 1764 года въ Лифляндіи, въ принадлежащемъ его отцу имѣніи Керзель, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ въ 1754 году родился и графъ Н. П. Румянцевъ, когда знаменитый его отецъ стоялъ въ Лифляндіи вмѣстѣ со своимъ полкомъ. Молодой Розенкампфъ обучался въ этомъ родительскомъ домѣ, а затѣмъ въ имѣніи Луденгофѣ [2]), подъ надзоромъ доктора философіи и автора многихъ сочиненій Финдейзена, геттингенскаго профессора. Свое образованіе Густавъ Розенкампфъ закончилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, куда отправился въ 1782 г. Онъ слушалъ лекціи извѣстныхъ тогда профессоровъ Замта, Зегера, Платнера и Эрхарда Клодіуса и сблизился въ это время съ Козодавлевымъ [3]), находившимся также въ Лейпцигѣ.

По выдержаніи экзамена въ 1785 году, Розенкампфъ получилъ предложеніе занять духовное мѣсто дворянскаго каноника въ архіепископствѣ Мерзебургскомъ [4]) (Hochstift als adliger Domheer). Но прави-

---

[1]) См. также Россійскую Родословную книгу кн. Долгорукова, часть III, стр. 379 и Recke und Napiersky—Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon.

[2]) Керзель и Луденгофъ—находятся въ Лифляндіи, Дерптскомъ уѣздѣ, не далеко отъ рѣки Эмбахъ по дорогѣ изъ Дерпта (Юрьева) въ Тапсъ.

[3]) Козодавлевъ Осипъ Петровичъ, р. 1753 г., обучался за границею и былъ при Павлѣ I сенаторомъ, а съ 1810 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1819 г. Козодавлевъ занимался литературою также и основалъ въ 1809 г. оффиціальную газету „Сѣверную Почту".

[4]) Мерзебургъ—одинъ изъ старинныхъ городовъ въ прусской Саксоніи, на р. Заале, въ которомъ часто собирался рейхстагъ. Онъ былъ очень

тельство не сочло возможнымъ утвердить это назначеніе, и Розенкампфъ возвратился въ Россію въ 1786 г. и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ чиновника при архивѣ. Въ Петербургѣ, однако, онъ служилъ недолго и въ 1789 г. уволился въ отставку съ чиномъ 9-го класса и отправился на родину въ Лифляндію, гдѣ занялся хозяйствомъ. Онъ скоро былъ избранъ на ландтагѣ лифляндскаго дворянства засѣдателемъ въ Дерптскомъ округѣ и посвятилъ себя службѣ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь одновременно различными частными дѣлами, какъ адвокатъ. Розенкампфъ, отличаясь знаніями и добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ своихъ обязанностей, былъ скоро избранъ дворянствомъ въ о к р у ж н ы е судьи (Kreisrichter), а, наконецъ, въ 1791 году и на важную должность ландрихтера округовъ Дерпта и Верро.

Трудно предположить, чтобы остзейское дворянство, непремѣнно, выбирало бы изъ среды себя на эту важную должность именно такое лицо, которое былъ бы лгунъ, мстителенъ, исполненъ коварства и желчной злобности, какъ пишетъ графъ Корфъ,—или лицо sans foi ni loi по отмѣткѣ графа Мордвинова.

Помѣщаемое ниже является буквальнымъ переводомъ дошедшихъ до насъ записокъ Розенкампфа.

Около 11-ти лѣтъ,—говоритъ Розенкампфъ,—я отправлялъ обязанности окружнаго судьи и ландрихтера въ очень большомъ округѣ Лифляндіи и нисколько не помышлялъ о перемѣнѣ своего положенія. Тѣмъ не менѣе явились обстоятельства, совершенно измѣнившія не только мое спокойное положеніе и мою дѣятельность, но и всю мою дальнѣйшую судьбу. Императоръ Павелъ I проѣзжалъ въ 1797 году по Лифляндіи, направляясь въ Петербургъ [1]).

По обязанности ландрихтера Дерпта (нынѣ г. Юрьевъ), я долженъ былъ встрѣчать его на границѣ моего округа. Мнѣ посчастливилось на нѣсколько предложенныхъ мнѣ его величествомъ вопросовъ дать удовлетворительные отвѣты, о которыхъ императоръ вспомнилъ даже позднѣе, когда губернаторъ лифляндскій, графъ Паленъ [2]), докладывалъ ему,

---

разоренъ въ крестьянскую войну 1525 г. и затѣмъ въ тридцатилѣтнюю войну. Въ Мерзебургѣ находится замѣчательный соборъ съ 4 колокольнями и рѣдкимъ органомъ.

[1]) Императоръ Павелъ I, послѣ коронованія въ Москвѣ 5-го апрѣля 1797 г., возвращался въ Петербургъ окружнымъ путемъ чрезъ Литовскія и Прибалтійскія губерніи.

[2]) Графъ Паленъ Петръ Людвиговичъ или Алексѣевичъ, р. 1745 г., управлялъ при Екатеринѣ II Рижскимъ намѣстничествомъ, пользовался неограниченною милостью Павла I и былъ въ его царствованіе членомъ совѣта и коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пожалованъ графомъ въ 1799 году. При Александрѣ I уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и умеръ въ 1821 году.

что возложилъ на меня исполненіе нѣсколькихъ важныхъ порученій, относившихся до положенія ввѣренныхъ ему въ то время губерній. Равнымъ образомъ его величеству угодно было вспомнить о моихъ отвѣтахъ и позднѣе при возложеніи на меня въ Гатчинѣ Мальтійскаго ордена [1]). Такъ какъ я удостоился быть рыцаремъ справедливости, то его величество выразилъ: «потомки древнихъ оруженосцевъ должны быть скорѣе рыцарями справедливости, нежели милости» (les descendants des anciens porte-glaives doivent plutôt être chevalier de justice que de guerre). На этомъ основаніи я удостоился быть зачисленнымъ въ такъ называемую высокую степень.

Графъ Паленъ, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, начальникъ гвардіи, завѣдующій почтами и т. д., предложилъ мнѣ перейти къ нему на службу въ Петербургъ, но я былъ настолько доволенъ и своимъ положеніемъ сельскаго судьи, и своею судебною дѣятельностью, что не отважился покинуть оную и пуститься въ бурное море столичной жизни.

Скоро послѣ этого свершилось событіе 11-го марта 1801 года, и новый императоръ вступилъ на россійскій престолъ.

Въ іюлѣ 1802 года императоръ Александръ I отправился въ Мемель [2]); я также встрѣтилъ его и сопровождалъ до самой границы округа. На предпослѣдней станціи его величество освѣдомился у меня о нѣкоторыхъ мѣстныхъ условіяхъ и высказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. Въ числѣ окружавшихъ его лицъ я болѣе всего замѣтилъ Новосильцова [3]) и графа Кочубея [4]). Осенью того же года я удостоился

---

[1]) Мальтійскій крестъ или орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго учрежденъ императоромъ Павломъ I въ 1798 году и состоялъ изъ различныхъ степеней и званій (пріорство, командорство и т. д.).

[2]) Въ 1802 г. императоръ Александръ I ѣздилъ въ Мемель на свое первое свиданіе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его супругою Маріею-Луизою, извѣстною красавицею.

[3]) Новосильцовъ Николай Николаевичъ, р. въ 1761 г., скоро пріобрѣлъ расположеніе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, а затѣмъ товарищемъ министра юстиціи и членомъ комиссіи законовъ. Съ 1804 года онъ является дипломатическимъ дѣятелемъ, а позднѣе завѣдывалъ комитетомъ по учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; онъ умеръ въ 1836 году.

[4]) Кочубей Викторъ Павловичъ, р. 1768 г., племянникъ гр. А. А. Безбородко, былъ вице-канцлеромъ и управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1812 г. Во время войнъ 1813—1814 годовъ былъ президентомъ центральнаго совѣта по совмѣстнымъ дѣйствіямъ германскихъ правительствъ противъ Наполеона I, а позднѣе, въ 1827 г.,—предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ умеръ въ 1834 году.

получить орденъ св. Владиміра по представленію князя Репнина, сдѣланному еще въ предшествовавшее царствованіе.

Лѣтомъ 1802 года я по своимъ домашнимъ дѣламъ поѣхалъ въ Петербургъ и возобновилъ знакомство съ Козодавлевымъ, уже сенаторомъ, получившимъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ. Козодавлевъ и также тайный совѣтникъ Державинъ [1]), вскорѣ назначенный министромъ юстиціи, приняли меня очень ласково и предложили составить записку о законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они говорили со мною о возобновленіи дѣятельности прежней законодательной коммиссіи, для которой знаменитая императрица Екатерина II написала нѣкогда свой извѣстный наказъ. Завѣдываніе этою коммиссіею было поручено въ 1802 году графу Петру Васильевичу Завадовскому [2]).

По возвращеніи моемъ въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ), я занялся сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ и получилъ въ то время отъ Козодавлева письмо, въ которомъ онъ мнѣ напоминалъ еще объ этомъ. Вскорѣ я послалъ ему составленную мною записку о законодательствѣ, которая, какъ я позднѣе узналъ, была напечатана въ журналѣ, издававшемся Карамзинымъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ моя записка дошла до свѣдѣнія государя императора.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Державина предложеніе прибыть въ Петербургъ, чтобы занять почетное мѣсто. Я не замедлилъ пріѣхать и явиться Державину, который, послѣ непродолжительнаго разговора, сообщилъ мнѣ, что докладывалъ обо мнѣ государю императору, и его величеству угодно было приказать представить меня ему лично въ кабинетѣ.

Нѣсколько дней ранѣе я имѣлъ случай познакомиться съ Новосильцовымъ, пользовавшимся въ то время большимъ довѣріемъ Александра I. Новосильцовъ принялъ меня очень благосклонно, говорилъ о моей статьѣ, напечатанной въ журналѣ Карамзина [3]), и предложилъ болѣе подробно изложить высказанныя въ ней предположенія, которыя

---

[1]) Державинъ Гавріилъ Романовичъ, р. 1743 г. въ Казани, извѣстный поэтъ, былъ позднѣе сенаторомъ, министромъ юстиціи и генералъ-прокуроромъ. Приверженецъ порядковъ временъ Екатерины, онъ сталъ приходить у молодаго императора Александра въ остуду, а у министровъ его во вражду и по прошенію своему уволенъ отъ службы въ 1803 году. Онъ умеръ въ 1816 году.

[2]) Завадовскій Петръ Васильевичъ, р. въ 1738 г., состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Екатерины II, а потомъ при Александрѣ I—былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 10-го января 1812 года.

[3]) Т. е. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 г., январь № 2. „Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи.

онъ намѣревался также представить его величеству. Вслѣдствіе этого я представилъ Новосильцову особый докладъ и выразилъ ему свое желаніе заниматься по преимуществу дѣлами законодательства, такъ какъ въ то время уже состоялось мое назначеніе на службу въ Петербургѣ. По словамъ Новосильцова, еще наканунѣ, въ разговорѣ съ государемъ императоромъ, былъ возбужденъ вопросъ, откуда можно достать человѣка, соотвѣтствующаго предпринимаемымъ законодательнымъ работамъ. Это, конечно, являлось обстоятельствомъ очень для меня благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что до этого шла рѣчь только о возложеніи на меня работы, которую я могъ также хорошо исполнить и въ провинціи; чего-либо положительнаго о моемъ назначеніи на службу въ Петербургъ тогда еще не было.

Первое мое представленіе его величеству въ кабинетѣ послѣдовало въ присутствіи Державина и было очень непродолжительно. «Я очень радъ съ вами познакомиться,—сказалъ императоръ, на французскомъ языкѣ,—и предлагаю вамъ продолжать ваши полезныя занятія, которыя намъ пригодятся. Гдѣ вы прежде служили? Надѣюсь, вамъ не составитъ непріятности посвятить себя другаго рода дѣятельности, которая откроетъ болѣе обширное поприще вашимъ познаніямъ и пріобрѣтенной уже вами опытности. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, который пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ». Представленіе мое этимъ и кончилось.

Мои послѣдовавшія, затѣмъ, объясненія съ Новосильцовымъ, о которыхъ онъ доводилъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, касались различныхъ предметовъ законодательства, какъ-то: о различныхъ сословіяхъ въ государствѣ, объ исключительныхъ правахъ каждаго изъ нихъ, о недостаткахъ судебнаго порядка въ Имперіи, о порядкѣ составленія законовъ, о Сенатѣ, какъ высшемъ судебномъ учрежденіи и т. д. Я просилъ Новосильцова дать мнѣ опредѣленныя указанія относительно возложенной на меня работы. На это онъ выразилъ мнѣ намѣреніе переговорить объ этомъ предварительно съ его величествомъ. Эти разговоры съ Новосильцовымъ привели меня къ заключенію, что онъ обладаетъ свѣтлымъ умомъ, большою проницательностью, яснымъ, сжатымъ разговоромъ и вполнѣ тою откровенностію, которую только можно было ожидать. Онъ спрашивалъ мое мнѣніе о различныхъ предметахъ, и я разстался очень довольный этимъ человѣкомъ, столь искренно преданнымъ государю.

Явившись къ Новосильцову снова чрезъ нѣсколько дней, я узналъ, что его величеству угодно было одобрить всѣ мои предположенія, назначить мнѣ содержаніе [1]) и особаго секретаря и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

[1]) Его величеству благоугодно было назначить мнѣ пожизненно 2.000 р. въ годъ.

велѣть, чтобы я предварительно занялся нѣкоторыми отдѣльными вопросами по законодательству, при чемъ мнѣ прежде всего повелѣвалось заняться вопросомъ о преобразованіи Судебнаго и Правительствующаго Сената.

Въ то время я познакомился близко съ княземъ Чарторыйскимъ, графомъ Кочубеемъ, графомъ Павломъ Строгановымъ, а также съ его отцомъ [1]), очень умнымъ старикомъ уже, годы молодости котораго совпадаютъ съ годами царствованія Елизаветы Петровны; онъ долгое время пребывалъ въ Парижѣ и вращался въ обществѣ Дидеро, Гримма, д'Аламбера и другихъ подобныхъ же лицъ. Строгановъ очень любезно приглашалъ меня къ себѣ.

Данное мнѣ порученіе заняться устройствомъ Сената до крайности меня изумило, потому что только въ сентябрѣ 1802 года было утверждено государемъ учрежденіе, въ которомъ подробно говорилось о значеніи и преимуществахъ Сената. Такимъ законодательнымъ актомъ являлось, основанное на совершенно иныхъ началахъ, учрежденіе Государственнаго Совѣта, произведеніе пера Трощинскаго [2]), при которомъ въ то время служилъ Сперанскій. Это обстоятельство доставило послѣднему мѣсто начальника одной изъ экспедицій въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, съ титуломъ статсъ-секретаря. Эта канцелярія раздѣлялась на нѣсколько экспедицій; одна была для дѣлъ юстиціи, другая—для дѣлъ финансовыхъ, третья—для дѣлъ внутрен-

---

[1]) Графъ Строгановъ Александръ Сергѣевичъ, р. 1773 г., извѣстный русскій меценатъ, покровитель талантовъ въ области живописи, ваянія и литературы, былъ съ 1806 г. президентомъ Академіи Художествъ и въ числѣ первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта при его учрежденіи. Онъ завѣдывалъ постройкою Казанскаго собора и по освященіи его въ 1811 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники I-го класса, послѣ чего вскорѣ скончался 27-го сентября 1811 года. Графъ Строгановъ Павелъ Александровичъ, р. въ Парижѣ, въ 1772 г., и воспитаніе его было поручено французу Рому. Онъ былъ видный дѣятель негласнаго комитета 1801 года и рѣшительный приверженецъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Позднѣе, онъ участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ 1805 года, въ кампаніи 1806—7 годовъ, а также въ войнѣ 1812 и слѣдующихъ годовъ. Графъ Строгановъ исполнялъ одно время дипломатическія порученія въ Лондонѣ, а также обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1817 году.

[2]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, р. 1749 г., служилъ гражданскимъ чиномъ у князя Репнина и Безбородко, и былъ позднѣе статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II, а при Павлѣ I сенаторомъ и предсѣдателемъ главнаго почтоваго управленія, но въ 1800 г. уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. При Александрѣ I состоялъ при особѣ его величества у исправленія возложенныхъ на него по особой довѣренности дѣлъ, былъ министромъ удѣловъ съ 1802 года, а позднѣе министромъ юстиціи съ 1814 года по 1817 годъ, когда былъ уволенъ по прошенію. Онъ умеръ въ 1829 году.

*

нихъ, а четвертая—для дѣлъ военныхъ. Начальникомъ первой былъ Сперанскій, второй—А. Оленинъ [1]), третьей—Энгель, а четвертой князь Цицiановъ [2]). Всѣ они находились подъ начальствомъ директора канцелярiи, тайнаго совѣтника Вейдемейера; Трощинскій же, какъ младшій членъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ засѣдали важнѣйшіе сановники имперiи, имѣлъ главное надъ ними начальство.

Но довѣрiе, которымъ пользовался Трощинскій въ самые первые годы царствованія Александра I, не могло долго держаться, потому что не столько онъ лично, сколько одна особа, называвшаяся Прасковья, проживавшая въ его домѣ, не пользовалась довѣрiемъ и уваженiемъ общества, и подозрѣвалась въ лихоимствѣ и взяткахъ. Проницательный и очень подозрительный императоръ постепенно лишилъ Трощинскаго своего довѣрiя.

Въ то время существовала еще прежняя административная система коллегiй, находившихся въ подчиненiи Сената, которымъ завѣдывалъ Беклешевъ [3]), генералъ-прокуроръ; ранѣе этого онъ былъ губернаторомъ въ Лифляндiи. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ еще въ 1788 г. въ Петербургѣ, а затѣмъ позднѣе въ Лифляндiи, гдѣ состоялъ подъ его начальствомъ, занимая должность окружнаго судьи. Беклешевъ былъ человѣкъ, обладавшiй очень большимъ умомъ, замѣчательный по своей дѣятельности и трудолюбiю; окружавшiя его лица также въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ компрометтировали его. Поэтому, когда Новосильцовъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыйскій [4]) предложили

---

[1]) Оленинъ Алексѣй Николаевичъ, р. 1763 г., былъ при Павлѣ I оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной для образованiя юристовъ. При Александрѣ I онъ былъ товарищемъ министра удѣловъ, въ 1811 г. директоромъ публичной библiотеки, а съ 1817 г. президентомъ императорской Академiи Художествъ. Онъ умеръ въ 1843 году.

[2]) Цицiановъ Петръ Дмитрiевичъ, князь, р. 1754 г., участвовалъ въ войнахъ 1787—1794 гг., а затѣмъ былъ астраханскимъ губернаторомъ въ 1802 г., а позднѣе главнокомандующимъ въ Грузiи; онъ былъ измѣнически убитъ въ 1806 году подъ Баку.

[3]) Беклешевъ Александръ Андреевичъ, р. 1745 г. и былъ при Павлѣ I произведенъ въ генералы-отъ-инфантерiи въ 1797 г. и назначенъ сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ въ 1799 г. 2-го февраля 1800 г. вовсе отъ службы уволенъ. При Александрѣ I Беклешевъ былъ снова генералъ-прокуроромъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ въ 1804 г. Онъ скоро по болѣзни вышелъ въ отставку и умеръ въ Ригѣ въ 1808 году.

[4]) Чарторыйскій князь Адамъ Адамовичъ, р. 1770 г., и пріѣхавъ въ Петербургъ, пріобрѣлъ расположенiе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, сопровождалъ императора въ походахъ 1807 и 1814 гг., былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. При началѣ возстанiя въ Польшѣ 1830 г., былъ президентомъ временнаго правительства, а затѣмъ удалился въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1861 году, находясь во главѣ польской аристократической партiи.

императору Александру I систему министерствъ, Беклешевъ остался не у дѣлъ, не получилъ министерскаго назначенія и не участвовалъ въ новой системѣ управленія.

Положеніе о министерствахъ вышло одновременно съ новымъ учрежденіемъ о Сенатѣ [1]), но вскорѣ, послѣдовавшее затѣмъ, лѣтомъ 1803 года, упраздненіе коллегій, мѣста которыхъ заняли различные департаменты и канцеляріи министерствъ, при чемъ степень власти

---

[1]) 8-го сентября 1802 г. (П. С. З. № 20405) былъ изданъ указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената, а того же числа и года (П. П. С. З. № 20406) изданъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

Необходимо припомнить, что существовавшіе до Петра Великаго различные приказы пришли къ концу XVII вѣка въ полное разстройство. Петръ Великій, сознавая необходимость въ государствѣ центральныхъ учрежденій, искалъ образцы для нихъ за границею и остановился на шведскихъ коллегіяхъ, считавшихся въ то время лучшими центральными учрежденіями въ Европѣ. Указомъ 1720 г. были учреждены у насъ коллегіи числомъ семь, состоявшія каждая изъ президента, совѣтниковъ и ассесоровъ (числомъ 4—5) и секретаря. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. За ходомъ дѣлъ наблюдалъ прокуроръ, и коллегіи были подчинены Сенату. Петръ придавалъ большое значеніе коллегіямъ, несравненно болѣе личнаго или бюрократическаго начала представляющимъ гарантіи къ устраненію административнаго произвола и къ достиженію законности и безпристрастія при рѣшеніи дѣлъ. Коллегіи существовали до Александра I, который, въ видахъ успѣшнѣйшаго теченія государственныхъ дѣлъ, и желая раздѣлить таковыя на разныя части, сообразно естественной ихъ связи, поручилъ манифестомъ 8-го сентября 1802 г. коллегіи вѣдѣнію избранныхъ министровъ, которымъ каждая коллегія по принадлежности посылала о дѣлахъ еженедѣльно меморіи, а по дѣламъ затруднительнымъ или спѣшнымъ—особыя представленія, на которыя министръ давалъ рѣшительные отвѣты т. е. прямо рѣшали дѣло. Министръ имѣлъ право личныхъ докладовъ у государя, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими министрами. Дѣятельность министровъ подлежала контролю Сената, который могъ требовать отъ нихъ объясненія и представлялъ объ этомъ его величеству. Но уже одинъ изъ первыхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, въ извѣстной запискѣ своей (составленной Сперанскимъ) въ 1803 г. указывалъ на недостатки коллегій (ихъ медленность въ дѣлопроизводствѣ, слабую отвѣтственность членовъ коллегій, избытокъ формъ дѣлопроизводства и т. д.) и на неудобства, вытекавшія изъ отношеній министровъ къ коллегіямъ. Эта записка имѣла послѣдствіемъ упраздненіе коллегій и замѣну ихъ департаментами при всѣхъ министрахъ (кромѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ). Затѣмъ 25-го іюня 1811 г. издано было новое учрежденіе министерствъ, при чемъ имѣлось въ виду объединить администрацію посредствомъ Сената, для чего предполагалось преобразовать Сенатъ; но это послѣднее не осуществилось. Розенкампфъ, подобно Трощинскому, являясь горячимъ приверженцемъ коллегій и ихъ подчиненія Сенату, выступалъ противникомъ учрежденія министерствъ, создателемъ которыхъ являлся Сперанскій. Отсюда и взаимное ихъ нерасположеніе другъ къ другу.

ихъ была значительно расширена, породило систему централизаціи и существенно измѣнило во многихъ отношеніяхъ дѣятельность и значеніе Сената.

Сенатъ пересталъ быть сосредоточіемъ различныхъ отраслей управленія государствомъ, и это вызвало необходимость изданное о немъ положеніе согласовать съ новымъ положеніемъ дѣлъ.

Я сталъ изучать обѣ системы управленія, при чемъ Козодавлевъ давалъ мнѣ полезныя указанія. Сперанскій, бывшій въ то время директоромъ у Кочубея, приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы власть министровъ усилить на счетъ другихъ учрежденій. Это было не трудно сдѣлать, потому что образцомъ, по которому составлялось учрежденіе нашихъ министерствъ, являлось учрежденіе министерствъ во Франціи. Я долженъ былъ при этомъ прежде всего изучить воззрѣнія на это дѣло самого Новосильцова, но я не могъ скоро обнять этотъ предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, а также постичь цѣль руководящей идеи царскаго совѣтника. Желаетъ ли онъ только упорядочить государственный строй или проложить вмѣстѣ съ тѣмъ путь конституціонной монархіи. Добивается ли онъ свободы для всего народа, а также участія всѣхъ сословій въ законодательствѣ и пользованія всѣми гражданскими правами для всѣхъ сословій, или только для нѣкоторыхъ изъ нихъ?

Насколько близки эти воззрѣнія Новосильцова съ воззрѣніемъ въ этомъ отношеніи государя императора?

Я долженъ былъ тщательно разсмотрѣть какъ эти, такъ и многіе другіе подобные имъ вопросы и затѣмъ уже съ полученными результатами сообразовать мою работу о Сенатѣ.

Я скоро замѣтилъ, что въ составленномъ положеніи о Сенатѣ многое было упущено, многое не такъ изложено, какъ бы слѣдовало, и многое требовало значительныхъ измѣненій и передѣлокъ. Ознакомившись съ источниками, послужившими основаніями для того или другаго правила, я въ моемъ докладѣ избѣгалъ входить въ подробное изслѣдованіе этихъ положеній и ограничивался изложеніемъ общаго впечатлѣнія, ими производимаго. Я не разъ толковалъ съ Новосильцовымъ. Онъ слушалъ внимательно и говорилъ хорошо. Познакомившись во время своего пребыванія въ Англіи съ практическою стороною государственнаго управленія, Новосильцовъ, бывшій также и въ Россіи управляющимъ юстиціею, зналъ въ общихъ чертахъ также сущность русскаго управленія. Чарторыйскій и Строгановъ въ этомъ отношеніи знали гораздо менѣе его.

Новосильцовъ изъ нихъ былъ безспорно всѣхъ болѣе научно образованъ, но только очень разсѣянъ. Онъ по временамъ, очень рѣдко, впрочемъ, проявлялъ проблески великаго ума. Кочубей зналъ

все совершенно поверхностно и смотрѣлъ на все преимущественно съ практической точки, въ особенности съ точки зрѣнія вліянія. Державинъ, министръ юстиціи, былъ очень хорошій поэтъ и затѣмъ ничего болѣе, какъ старый рутинеръ. Онъ находилъ, что я долженъ обратить вниманіе на принципы. Онъ скоро представилъ его величеству о назначеніи трехъ юрисконсультовъ, которые въ послѣдней инстанціи должны были рѣшать важные вопросы судебной практики и давать по нимъ свои заключенія. Державинъ предоставилъ мнѣ честь занять первое мѣсто среди этихъ означенныхъ лицъ, на что уже послѣдовало соизволеніе государя императора.

Но я счелъ нужнымъ отказаться отъ подобнаго назначенія. Бросивъ взглядъ на тотъ хаосъ, въ которомъ находилось современное мнѣ судопроизводство, можно было потерять всякую охоту подвизаться на этомъ поприщѣ.

Его величество, повидимому, остался доволенъ подобнымъ съ моей стороны отказомъ. Когда, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я имѣлъ честь откланиваться государю императору въ кабинетѣ, Александръ I изволилъ сказать мнѣ, также на французскомъ языкѣ: «вполнѣ одобряю, что вы отклонили отъ себя то назначеніе, которое предполагалъ дать вамъ министръ юстиціи. Вы получите другое и не будете имѣть недостатка въ занятіяхъ. Продолжайте по-прежнему имѣть сношенія съ Новосильцовымъ, и мы будемъ имѣть случаи видѣться».

Я едва успѣлъ выразить его величеству, что посвящу себя всецѣло работѣ и приложу всѣ силы, чтобы быть покорнѣйшимъ и признательнѣйшимъ слугою его величества, какъ государю доложили о комъ-то и моя аудіенція окончилась. Я былъ вполнѣ очарованъ императоромъ, его привѣтливостью, добротою, ласкою, его чувствомъ собственнаго достоинства и т. д., я былъ не единственный испытавшій подобное очарованіе.

Послѣ этого я отправился къ Новосильцову, Козодавлеву, министру юстиціи и т. д., и пробылъ въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, съ цѣлію взять съ собою указъ о назначеніи мнѣ содержанія, который сопровождался другимъ указомъ о назначеніи меня чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ.

2-го января 1803 года я покинулъ Петербургъ и поѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ всего того, что со мною произошло въ столицѣ. Дорогою я имѣлъ время обсудить подробно все со мною происшедшее въ столь короткое время.

По мѣрѣ приближенія къ родному Дерпту, меня все болѣе и болѣе тревожила мысль о предстоящей перемѣнѣ моего мѣстопребыванія. Предчувствіе подсказывало мнѣ, что я покину Дерптъ навсегда, и въ

этомъ случаѣ я долженъ былъ освободиться съ неизбѣжными пожертвованіями отъ множества различныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, требовавшихъ моего присутствія въ Дерптѣ, а также моего вліянія и вмѣшательства. Мнѣ предстояло покинуть мои обычныя занятія, мой уютный домъ, мой красивый садъ, мои земли и уже никогда болѣе ихъ не увидѣть. Я долженъ былъ разстаться съ матушкою моею, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ мовмъ очень любимымъ братомъ, моими сестрами, изъ коихъ младшая съ ея дѣтьми была очень ко мнѣ привязана. Всѣ они были очень опечалены моимъ отъѣздомъ, и въ особенности моя мать, которая высказывала мнѣ свое грустное предчувствіе, что никогда болѣе меня не увидитъ. Добродѣтельнымъ женщинамъ дано въ удѣлъ точнѣе предусматривать будущее, нежели намъ, поглощеннымъ смутными обстоятельствами настоящаго. Достигнувъ уже 40 лѣтъ и не считая себя легкомысленнымъ, я не могъ однако отрицать, что испытывалъ какое-то большое довольствіе, съ которымъ предавался новому неизвѣстному будущему. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ сильнѣе и глубже слышатся мнѣ скорби и тихіе упреки моей матери. Всѣ эти искреннія и дорогія участники въ моей судьбѣ отошли отъ меня въ вѣчность, но ихъ послѣднія письма и послѣ 15—20 лѣтъ терзали мою душу. Я принялъ, конечно, всѣ мѣры къ своему возвращенію на родину предковъ и къ тому, чтобы приготовить себѣ отчизну, и сдѣлалъ все отъ меня возможное, чтобы не остаться навсегда въ Петербургѣ. Но кто въ состояніи избѣжать назначенной ему судьбы?..

Въ концѣ апрѣля 1803 года я получилъ очень любезное письмо отъ Державина съ приложеніемъ копіи высочайшаго указа о производствѣ меня въ надворные совѣтники; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сообщалось высочайшее повелѣніе о доставленіи заключенія по какому-то дѣлу, производящемуся въ малороссійскихъ судахъ. Исполненіе этого порученія заняло меня нѣсколько дней.

Наконецъ, справивъ всѣ свои дѣла домашнія и служебныя, я рѣшился отправиться въ Петербургъ. 3-го мая покинулъ я мою должность и стулъ, на которомъ сидѣлъ 13 лѣтъ, со рвеніемъ занимаясь судебными дѣлами округа.

Выданный мнѣ Дерптскимъ гофгерихтомъ аттестатъ удостовѣрялъ: «что въ продолженіе всего времени отправленія моей должности, ни одно рѣшеніе, мною поставленное, не было отмѣнено и что всѣ, лежавшія на мнѣ, обязанности исполнялись мною съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и полною добросовѣстностью». Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, я съ большимъ напряженіемъ занимался, возложеннымъ на меня его величествомъ, составленіемъ положенія о Сенатѣ, къ которому присоединилъ еще положеніе о городовомъ управленіи. Я не любилъ дѣлать что-либо поверхностно,

писать пустые разборы различныхъ статей и положеній, приводить блестящія фразы и пр. и пр.

Я старался преимущественно выставить значеніе дворянскаго сословія въ порядкѣ управленія, выдвинуть основы и формы, которыя полагаютъ возможные предѣлы произволу, старался примѣнить эти начала ко всѣмъ сословіямъ и городовому управленію, которое требовало нормъ различныхъ, смотря по мѣстностямъ и народностямъ.

Въ составленіи проекта учрежденія Сената я встрѣтилъ различнаго рода затрудненія. Изученіе различныхъ законодательныхъ источниковъ вселило во мнѣ убѣжденіе, что организація Сената, установленная императоромъ манифестомъ 8-го сентября 1802 года, являлась своего рода хартіею, которая сверхъ подтвержденія правилъ о Сенатѣ, существующихъ со временъ Петра Великаго (основателя этого высшаго центральнаго учрежденія), придавала ему не малую власть въ государствѣ. Министры обязаны были представлять Сенату отчеты о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а Сенату было предоставлено право дѣлать представленія о замѣченныхъ имъ во вновь издаваемыхъ законахъ несообразностяхъ (incongruität) [1]). Таково было намѣреніе его величества и его совѣтниковъ Новосильцова, Чарторыйскаго .... судя по изложенію статей. Но скоро по одному возникшему дѣлу министръ юстиціи оспаривалъ это право Сената, и возникшее поэтому разногласіе было доложено государю императору.

Посѣтивъ какъ-то Новосильцова, я нашелъ его занятымъ составленіемъ проекта высочайшей резолюціи по этому поводу, изъ которой вытекало, что Сенату предоставлено пользоваться вышеозначеннымъ правомъ разъ навсегда, при всякой перемѣнѣ престола. Подобное рѣшеніе вызвало не малое смущеніе. Государь въ данномъ случаѣ поступилъ, повидимому, противъ своего убѣжденія, такъ какъ подобное разъясненіе уничтожало совсѣмъ право, предоставленное Сенату, весьма важнымъ для него учрежденіемъ 1802 года, но которое вытекало, впрочемъ, также изъ содержанія прежнихъ данныхъ ему указовъ. На меня это двоесмысліе произвело также глубокое впечатлѣніе, и я не зналъ, какимъ образомъ разъяснить оное его величеству.

Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно близко касается возложеннаго на меня порученія—разсмотрѣть положеніе о Сенатѣ. Я, конечно, не могъ обойти молчаніемъ такое важное право Сената и старался при толкованіи его держаться возможно ближе словъ манифеста 8-го сентября и позднѣйшей резолюціи его величества по сему

---

[1]) Отъ латинскаго слова incongruens, incongruentia—непристойность, несладность, несообразность.

предмету, намѣреваясь при разсмотрѣніи положенія о Сенатѣ возбудить вновь обсужденіе этого вопроса.

Въ моемъ проектѣ о Сенатѣ особенно характернымъ являлось полное отдѣленіе административной дѣятельности Сената отъ судебной. Въ отношеніи первой я развивалъ права Сената по надзору за административными установленіями имперіи, насколько это являлось возможнымъ съ соблюденіемъ установленныхъ порядковъ. Министры, по моему мнѣнію, являвшіеся докладчиками его величества, а также органы коллегіальнаго обсужденія дѣлъ въ каждой отдѣльной отрасли управленія, какъ таковые, должны были быть членами Сената (административнаго), который, кромѣ того, долженъ былъ состоять еще изъ десяти особъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. По моему предложенію этотъ же Сенатъ разрѣшалъ въ качествѣ высшей инстанціи различные споры по административнымъ дѣламъ (contentieux administratif) съ соблюденіемъ особыхъ охранительныхъ формъ.

Въ отношеніи дѣлъ судебныхъ, Сенатъ являлся послѣднею, высшею инстанціею и раздѣлялся по моему проекту на пять отдѣльныхъ округовъ. Въ основаніе этого дѣленія я принималъ различія правовыхъ понятій, отдѣляющія рѣзко различныя народности, входящія въ составъ имперіи. Такихъ сенатскихъ округовъ предполагалось имѣть пять въ имперіи, именно: три округа составляли 29 древне-русскихъ губерній, при чемъ центрами округа являлись: Петербургъ, Москва, Казань; одинъ округъ—всѣ сибирскія и бывшія польскія губерніи и одинъ—губерніи Остзейскаго края.

Пребываніе Сената должно было находиться въ центральномъ пунктѣ каждаго округа. Правосудіе въ Сенатѣ отправлялось съ соблюденіемъ подлежащихъ порядковъ судопроизводства въ каждомъ округѣ.

Всѣ эти предположенія являлись осуществленіемъ взглядовъ великой императрицы Екатерины II и оправдывались природою и свойствомъ самаго дѣла. Я старался дать этимъ взглядамъ возможную точность и опредѣлительность, избѣгая всякихъ не безусловно нужныхъ статей и параграфовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я полагалъ, что эти положенія о Сенатѣ явятся прежде всего предметомъ обсужденія въ совѣщаніи, такъ какъ отъ того обстоятельства, удостоятся ли они одобренія или нѣтъ, зависѣла уже разработка дальнѣйшихъ положеній.

Прибывъ въ Петербургъ, я узналъ, что императоръ Александръ I только наканунѣ поѣхалъ въ сопровожденіи Новосильцова въ Финляндію, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться со своимъ шуриномъ, шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и имѣть съ нимъ переговоры о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Я не замедлилъ съ первымъ фельдъегеремъ увѣдомить Новосильцова о моемъ прибытіи въ столицу, при чемъ, упомянувъ о составленныхъ мною проектахъ, просилъ его

довести о нихъ до свѣдѣнія его величества. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Новосильцова отвѣтъ, что государь императоръ изволилъ мнѣ приказать нанять помѣщеніе въ Петербургѣ и ожидать его прибытія. Когда же осенью собрались въ столицѣ мои доброжелатели, я приложилъ все мое вниманіе и стремленіе къ скорѣйшему обсужденію мною составленныхъ предположеній и каждому изъ упомянутыхъ представилъ копію съ моихъ предположеній съ особымъ изложеніемъ началъ, принятыхъ мною въ основаніе моего труда. Оба предмета представлялись необычайно важными; они касались всего государственнаго строя, и отъ тѣхъ воззрѣній, которыя будутъ при этомъ приняты, зависѣла возможность основательнаго устройства всѣхъ главныхъ и мѣстныхъ властей въ государствѣ и законное учрежденіе всего государственнаго порядка. Я это постоянно имѣлъ въ виду при ежедневныхъ совѣщаніяхъ съ этими достопочтенными людьми, происходившихъ у князя Чарторыйскаго въ присутствіи его величества, занимавшаго мѣсто среди нихъ. Занятія этихъ господъ (Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова) и въ особенности Новосильцова увеличивались съ каждымъ днемъ. Къ предметамъ вѣдомства послѣдняго принадлежали: 1) всякаго рода проекты (съ которыхъ онъ и началъ свою дѣятельность). При каждомъ новомъ царствованіи никогда не бываетъ недостатка въ многочисленныхъ, новыхъ предположеніяхъ и проектахъ, но въ особенности ихъ много при молодомъ государѣ, которому заранѣе была внушена мысль, что все существующее преисполнено недостатковъ и требуетъ преобразованія; его величество большею частію соглашался разсматривать проекты и одобрялъ ихъ; 2) академія наукъ, въ которой Новосильцовъ былъ президентомъ; 3) предсѣдательство и доклады по дѣламъ главнаго управленія училищъ [1]), состоявшаго изъ профессоровъ недавно основаннаго университета. Эта обязанность включала также и контроль надъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое ввѣрено было графу П. В. Завадовскому; 4) доклады всѣхъ представленій, поступавшихъ отъ Сената и генерала-рекетмейстера на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора; 5) доклады по дѣламъ Святѣйшаго Синода и православной церкви въ имперіи, представляемымъ отъ оберъ-прокурора Синода; —позднѣе это явилось предметомъ вѣдомства особаго министерства духовныхъ дѣлъ; 6) доклады по журналамъ Комитета мини-

[1]) Новосильцовъ былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа; статсъ-секретарь Муравьевъ—Московскаго, генералъ Клингеръ — Дерптскаго и Остзейскихъ провинцій и Выборгской; сенаторъ графъ Северинъ и Потоцкій—Харьковскаго, академикъ Румовскій Казанскаго и наконецъ князь Чарторыйскій — Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ бывшія польскія губерніи. (прим. Розенкампфа).

стровъ; 7) кромѣ этого, Новосильцовъ докладывалъ его величеству по многимъ дѣламъ, порученнымъ ему государемъ, и также по тѣмъ просьбамъ и ходатайствамъ частныхъ лицъ, по которымъ желалъ взять на себя починъ, на что онъ имѣлъ особое уполномочіе. Одни дѣла этого рода могли всецѣло поглотить всю дѣятельность самаго трудолюбиваго человѣка и вполнѣ занять его.

Казалось невѣроятнымъ, чтобы всѣ столь разнородныя дѣла сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, вмѣщались бы въ одной головѣ въ надлежащемъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Новосильцова до того разросталась и увеличивалась, что я называлъ его Атлантомъ, по миѳологіи грековъ, на плечахъ своихъ державшимъ весь земной шаръ, и шутя освѣдомлялся у него, не будетъ ли онъ завѣдывать также дѣлами адмиралтейства и флота. Въ дѣлахъ иностранной политики Новосильцовъ принималъ участіе, по крайней мѣрѣ только посредственное, путемъ дружбы своей съ Чарторыйскимъ, продолжавшейся впрочемъ недолго. Кромѣ того, съ нимъ же имѣлъ также частыя объясненія графъ Кочубей, по дѣламъ ему ввѣреннымъ. Въ совершенно иномъ положеніи были другіе министры, какъ-то: Державинъ, Васильевъ [1]), Вязьмитиновъ [2]), Н. П. Румянцевъ [3]) (министръ торговли и начальникъ водяныхъ сообщеній) и въ особенности Трощинскій (государственный секретарь, а также министръ удѣловъ и почтъ), Гурьевъ [4]), въ то время еще бездѣятельный товарищъ ми-

[1]) Васильевъ Алексѣй Ивановичъ, р. 28-го февр. 1742 г., служилъ при генералъ-прокурорахъ и въ 1793 г. былъ директоромъ медицинской коллегіи и сенаторомъ. При Павлѣ I—онъ назначенъ государственнымъ казначеемъ и возведенъ въ баронское званіе 5-го апрѣля 1797 г., а въ 1800 г. уволенъ отъ должности. При Александрѣ I вновь назначенъ государственнымъ казначеемъ 12-го марта 1801 г., а затѣмъ въ 1802 году—министромъ финансовъ. Онъ умеръ въ 1807 г., возведенный въ графское достоинство въ 1801 г.

[2]) Вязьмитиновъ Сергѣй Козьмичъ, р. 1749 г., находился въ военной службѣ и былъ при Павлѣ I пропзведенъ въ 1798 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, а затѣмъ уволенъ отъ службы. При Александрѣ I былъ министромъ военно-сухопутныхъ силъ и предсѣдателемъ Комитета министровъ. Въ 1816 г. онъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ умеръ въ 1819 году.

[3]) Румянцевъ Николай Петровичъ, р. 1754 г., бывшій при Александрѣ I министромъ коммерціи, директоромъ водяныхъ коммуникацій, управлялъ съ 1807 г. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Заключенный имъ фридрихсгамскій договоръ 1809 года доставилъ ему званіе государственнаго канцлера. Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи такъ его поразило, что его постигъ апоплексическій ударъ: онъ оставилъ службу и посвятилъ себя дѣлу русской исторіи, на пользу которой при его содѣйствіи и щедрыхъ поощреніяхъ издалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ. Онъ умеръ въ 1826 году.

[4]) Гурьевъ Дмитрій Александровичъ, р. 1751 г., былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кочубеемъ, Новосильцовымъ, Чарторыйскимъ и т. д. и назна-

нистра. Между всѣми этими лицами, придворными рутинерами, не существовало никакого единенія или даже общенія мысли, равно какъ и съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который былъ собственно ближайшимъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ и другомъ молодости императора, а также ежедневнымъ его собесѣдникомъ и умѣлъ очень занимать его. Еще далѣе отъ нихъ находился оберъ-гофъ-маршалъ графъ Толстой [1]), видѣвшій государя не только ежедневно, но чуть-ли не ежечасно и почти никогда его не покидавшій. Толстой былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Голицынымъ [2]) и Гурьевымъ. Равнымъ образомъ, графъ Ливенъ, завѣдывавшій экспедиціею дѣлъ военныхъ, былъ совершенно чуждъ новымъ дѣловымъ любимцамъ, которые во всѣхъ вышеназванныхъ лицахъ встрѣчали тайныхъ себѣ противниковъ у государя.

Каждому знакомому съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ должно было казаться немыслимымъ, чтобы одинъ человѣкъ, обладавшій даже великимъ трудомъ и большими умственными силами, могъ возложить на себя, какъ Новосильцовъ, подобное колоссальное бремя разнородныхъ дѣлъ и быть въ состояніи долгое время сносить его. Новосильцовъ обладалъ требуемымъ для этого мужествомъ и необходимыми умственными средствами, при условіи, однако, чтобы государь не только имѣлъ откровенное и постоянное желаніе его поддерживать, но и на самомъ дѣлѣ вполнѣ серьезною и непрерывною любовью къ труду поддержалъ бы его, Чарторыйскаго и Строганова. Когда я появился въ Петербургѣ и пріобрѣлъ довѣріе означенныхъ трехъ, выдающихся лицъ, я былъ увѣренъ въ постоянной благосклонности къ нимъ тремъ императора, распо-

---

ченъ въ 1802 г., товарищемъ министра финансовъ, затѣмъ въ 1806 г. министромъ удѣловъ, а въ 1810 — министромъ финансовъ. Онъ отправлялъ эту обязанность съ 1823 г., когда былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, оставаясь въ управленіи кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Онъ умеръ 30-го сентября 1820 года.

[1]) Толстой графъ Петръ Александровичъ, р. 1761 г., служилъ въ военной службѣ, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, откуда отозванъ послѣ свиданія въ Эрфуртѣ. Позднѣе онъ командовалъ ополченіемъ въ 1812 г., занялъ Дрезденъ въ 1813 г., былъ главнокомандующимъ въ 1825 г. и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Онъ умеръ въ 1844 году.

[2]) Голицынъ Александръ Николаевичъ, р. 1773 г., былъ съ раннихъ лѣтъ очень близокъ къ императору Александру I, пользовался его расположеніемъ и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода, главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1816 г.). При Николаѣ I—былъ только главноуправляющимъ надъ почтовымъ департаментомъ, а позднѣе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Въ 1843 г. Голицынъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Крыму въ своемъ имѣніи въ 1844 году.

лагавшаго къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ. Таково было впечатлѣніе, произведенное на меня императоромъ и всѣми окружавшими его лицами.

Если будешь составлять себѣ идеалъ сошедшаго съ небесъ на землю царя, который какъ высшій разумъ, являясь необходимымъ съ единодержавною властью и волею, а также всевѣдущимъ, чтобы управлять такимъ государствомъ, какъ Россія, то можно было допустить мысль, что появленіе подобнаго высшаго учредителя дѣлъ съ соотвѣтствующими орудіями исполненія близилось къ осуществленію въ такомъ государствѣ, какъ Россія, и вызвало бы къ жизни возможно совершеннѣйшее управленіе на землѣ.

Я намѣренъ упомянуть о впечатлѣніяхъ, которыя находившійся въ то время въ полномъ расцвѣтѣ своихъ жизненныхъ силъ, достойный императоръ производилъ своимъ разговоромъ, своими взглядами на каждаго, къ нему приближавшагося, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя затѣмъ, переходя изъ устъ въ уста и изъ сердца въ сердце, распространялись по всему государству. При этомъ я упомяну и о нераздѣльномъ уваженіи, которое оказывали мнѣ Новосильцовъ, облеченный въ то время высшимъ довѣріемъ монарха, и о томъ цѣломъ, которое онъ вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ и Строгановымъ въ тѣ дни составлялъ.

Мои первые шаги были до того рѣшительны и удачны, что я съ полнымъ довѣріемъ предался мысли, что осуществленіе и послѣдующихъ будетъ столь же легко. Я не имѣлъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ терпѣніи выжидать и могъ безъ всякаго тщеславія выдать себѣ удостовѣреніе, что соотвѣтствую возложенной на меня задачѣ не менѣе другихъ лицъ, съ коими приходилъ въ соприкосновеніе. Къ тому же мое самолюбіе было очень ограничено; я вовсе не мечталъ о министерствѣ, но желалъ положить въ Россіи основаніе законодательству, которое изучилъ и которому безгранично предался. На сколько это мнѣ удалось, докажетъ исторія, когда всѣ, оставленные мною труды, напечатанные и ненапечатанные, дадутъ возможность изложить мою дѣятельность безпристрастно.

Позволю себѣ сказать предварительно нѣсколько словъ о личности самого Александра I, насколько я могъ постичь его. Императоръ Александръ I не былъ человѣкомъ заурядным, обыкновеннымъ, его лицо и въ особенности профиль его въ молодые годы напоминали черты его великой бабки Екатерины II, съ которою имѣли не мало общаго также старшая сестра императора и даже младшій его братъ, великій князь Михаилъ Павловичъ. Но у этихъ двухъ лицъ недоставало той искры генія, которая такъ ярко высказывалась у Александра I. Счастливо одаренный природою, обладавшій большимъ остроуміемъ и при томъ умомъ очень проницательнымъ, императоръ Александръ I совмѣщалъ въ себѣ

при томъ еще необыкновенную способность предаваться различнымъ, не рѣдко совершенно противоположнымъ впечатлѣніямъ. Собственно разумъ его былъ не особенно великъ, и во всякомъ случаѣ сила его сужденія была не обширна. Сердце онъ имѣлъ такое же, какъ и императрица Екатерина II, и при томъ не безучастное къ другимъ. Но оба эти лица скорѣе охотно упускали, нежели искали случай проявить свое доброе сердце; они оба оказывали добро и благодѣяніе скорѣе изъ тщеславія, ради (ostentation) видимости, чванства, нежели по чувству любви и состраданія, но всегда исполняли это самымъ привѣтливымъ и ласковымъ образомъ. Оба они легко усваивали себѣ какое-либо мнѣніе другаго лица, но также скоро отказывались отъ него; они съ трудомъ прощали свое заблужденіе и рѣдко примирялись съ тѣми, кого послѣ благоволенія постигало ихъ нерасположеніе и опала. Александръ I, подобно Екатеринѣ II, обладалъ талантомъ разоблачать сокровенныя мысли другихъ лицъ и таить весьма тщательно свои собственныя. Чувственность онъ также унаслѣдовалъ отъ своей великой бабки.

Напротивъ того, онъ не унаслѣдовалъ ничего ни физическаго, ни нравственнаго ни отъ своихъ Голштинскихъ предковъ, по природѣ вспыльчивыхъ, но скоро примирявшихся, ни отъ своего отца, рыцаря по характеру. Равнымъ образомъ къ нему не перешло ничего и отъ его матери, Виртембергской принцессы, которая впрочемъ умѣла держать себя съ достоинствомъ и обладала доброю волею и особенною любовью къ порядку.

Природныя наклонности Александра I все болѣе и болѣе усиливались отъ воспитанія и тѣхъ различныхъ положеній, въ которыхъ онъ долго находился. Съ ранняго дѣтства онъ очутился среди двухъ началъ, враждовавшихъ между собою, и двойственность развивалась все болѣе и болѣе въ характерѣ юноши. При первоначальномъ своемъ воспитаніи Александръ I очутился между царственною своею бабкою, доставившею сама себѣ престолъ, и своимъ отцомъ, удаленнымъ отъ престола и находившимся въ постоянной оппозиціи съ своею матерью. Жизнь великаго князя Павла Петровича была непрерывнымъ, болѣе или менѣе громко выраженнымъ порицаніемъ дѣйствій и распоряженій императрицы Екатерины II и всего ея управленія.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (ровесникъ почти великаго князя) былъ самымъ вѣрнымъ домашнимъ другомъ его; онъ одно время былъ даже удаленъ отъ двора, ибо слишкомъ мало скрывалъ свое расположеніе и участіе къ великому князю. Его младшій братъ, Алексѣй Куракинъ [1]), поддерживалъ это критическое настроеніе вели-

---

[1]) Куракинъ Алексѣй Борисовичъ, р. въ 1759 г., былъ при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I сперва генералъ-губернаторомъ Малороссіи

каго князя разными замѣчаніями, обыкновенно очень поверхностными, которыя онъ ему читалъ въ Гатчинѣ. Они предположили составить порядокъ престолонаслѣдія, который и былъ позднѣе объявленъ закономъ съ тѣмъ Гатчинскимъ числомъ. Великій князь очень хорошо запомнилъ эти замѣчанія и, вступивъ на престолъ, передалъ ихъ Куракину, назначенному генералъ-прокуроромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ осуществилъ бы на дѣлѣ всѣ эти предполагавшіяся улучшенія. Но они оба, и Куракинъ и государь, не могли слѣдовать долго этому пути.

Конечно, правленіе Екатерины II имѣло свои слабыя стороны и свои недостатки; этого отрицать нельзя. Но это правленіе имѣло и сильную сторону, которую не могли постичь такія поверхностныя и односторонніе лица, какъ Куракинъ и многія ему подобныя. Императрица Екатерина II была удивительная артистка въ искусствѣ управлять государствомъ (что̀ совершенно иное дѣло, чѣмъ слѣдовать всякому впечатлѣнію) и при томъ умѣла обходиться съ народомъ и достигать многаго малыми средствами. Къ тому же она умѣла хорошо выбирать людей, ей необходимыхъ. Рѣшеніе ея передать престолъ Имперіи не сыну своему, а внуку Александру I, фактъ несомнѣнный. Однажды, когда смотритель царскаго гардероба показывалъ мнѣ стоящую въ этомъ помѣщеніи мебель, снесенную изъ покоевъ императрицы послѣ ея кончины, онъ двинулъ изъ письменнаго стола открытый ящикъ, и мы въ немъ увидѣли подлинное, подписанное рукою императрицы Екатерины II объявленіе, въ которомъ была выражена вышеупомянутая воля императрицы, на случай ея кончины.

Тотъ же смотритель нашелъ въ гардеробѣ самую древнюю доселѣ извѣстную рукопись XI вѣка, именно такъ называемое Остромирово Евангеліе [1]), которое позднѣе было препровождено въ Императорскую публичную библіотеку. Гдѣ же хранится первый упомянутый документъ, мнѣ не извѣстно.

затѣмъ съ 1807 по 1811 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ умеръ въ 1829 году, а Куракинъ Александръ Борисовичъ, р. въ 1752 г., воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, былъ позднѣе посломъ въ Вѣнѣ, сенаторомъ и посломъ въ Парижѣ въ началѣ 1812 г. Онъ умеръ въ 1818 г.

[1]) Написанное въ 1056—57 гг. дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира недѣльное Евангеліе было отправлено изъ Москвы, гдѣ хранилось въ ризницѣ Воскресенской дворцовой церкви, въ Петербургъ по указу Петра Великаго и перешло къ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ историческій памятникъ. По ея кончинѣ это Евангеліе было найдено въ ея гардеробѣ Я. А. Дружининымъ и поднесено императору Александру I, приказавшему отдать оное въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ оно хранится и по настоящее время. (См. Жур. М. Нар. Просв. № 5, отд. 2, статья г. Каринскаго).

Окружавшіе великаго князя Александра Павловича, начиная съ главной няньки до послѣдняго его министра, съ самаго дня рожденія его до кончины, являли постоянно рѣзкую противоположность, какъ между собою, такъ и по отношенію къ самому князю. Не должно также упускать изъ виду, что въ немъ въ полномъ объемѣ укоренилось глубокое впечатлѣніе, которое тяготѣетъ на наслѣдіи русскаго престола вообще и которое влечетъ за собою для него господство неограниченной власти, а для другихъ безграничное повиновеніе. Одинъ изъ его учителей, главный, имѣвшій большое на него вліяніе, былъ Фредерикъ Лагарпъ [1]), очень либеральный, пылкій швейцарецъ, другимъ былъ—скромный, разумный, любившій литературу болѣе, нежели придворную жизнь, ученый Эпинусъ [2]), а также Остервальдъ [3]); все прекрасные люди. Прочіе учителя также отличались благородными воззрѣніями, какъ, напримѣръ, Карамзинъ.

Во главѣ всего воспитанія Александра I стоялъ Салтыковъ, впослѣдствіи графъ и князь, одинъ изъ тончайшихъ царедворцевъ своего времени, дававшій молодому великому князю наилучшія наставленія и прекраснѣйшій примѣръ, какимъ образомъ можно всего лучше понравиться державной бабкѣ его и злорадостному отцу. Являясь въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и камзолѣ, а въ Павловскѣ и Гатчинѣ—въ солдатскомъ мундирѣ, съ ружьемъ, съ военною выправкою, царственный юноша принималъ каждаго съ особеннымъ достоинствомъ. Окружавшіе его придворные кавалеры, оба князя Чарторыйскіе, Александръ Голицынъ, Павелъ Строгановъ, Александръ Салтыковъ, Муравьевъ, Будбергъ, Ахвердовъ и т. д., отличались каждый различною степенью образованія, но, вообще говоря, выборъ ихъ, сдѣланный императрицею Екатериною II, былъ недуренъ.

Большой дворъ и великокняжескій (т. е. Павла Петровича и его супруги) являли собою самую рѣзкую противоположность. Въ первомъ царила величественная придворная жизнь императрицы, великолѣпіе, пышность, расточительность, общественность (т. е. стремленіе жить въ

---

[1]) Лагарпъ Фредерикъ-Цезарь, р. 1654 г. въ Швейцаріи, извѣстный воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, позднѣе членъ правительства Гельветической республики съ 1798—1800 годы. Онъ умеръ въ 1838 году.

[2]) Эпинусъ Францъ-Ульрихъ, р. 13-го дек. 1724 г. въ Ростокѣ, былъ членъ академіи наукъ въ Петербургѣ и Берлинѣ, тайный совѣтникъ въ 1797 г., онъ умеръ въ Дерптѣ 10-го августа 1802. Эпинусъ занимался медициною, магнетизмомъ и электричествомъ.

[3]) Остервальдъ Дидрихъ, р. 1727 г., былъ офицеромъ въ Шляхетномъ корпусѣ, преподавалъ вел. кн. Павлу Петровичу исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки, позднѣе былъ сенаторъ и умеръ въ 1794 году.

сообществѣ людей), развязность и даже разнузданность со всѣми ея принадлежностями; всякій пребывалъ и въ надеждѣ, и въ трепетѣ; каждый отъ мала до велика находился во овѣтѣ славы Екатерины II, освѣщенный къ тому же ея любимцами; при томъ же всѣ являлись обожателями великой императрицы.

При великокняжескомъ дворѣ въ Павловскѣ и Гатчинѣ царили только полковыя ученья, строгая солдатская дисциплина, небольшіе парады и всякаго рода лишенія. Императрица Екатерина II смѣялась надъ этимъ; Александръ же не только принималъ участіе во всемъ этомъ, но и совершенно соотвѣтствовалъ всему этому. Всякій былъ какъ бы увѣренъ въ немъ. Лагарпъ часто твердилъ ему, что будущій монархъ никогда не долженъ вполнѣ предаваться чему-либо.

Екатерина II сочла полезнымъ побудить его рано вступить въ бракъ. Она избрала ему супругою великодушную, благородную, мало понятую людьми принцессу Баденскую, Елизавету Алексѣевну; благородство души ея далеко превосходило прелестную ея наружность. Въ началѣ супружеской жизни обѣ стороны были въ высшей степени счастливы. Этотъ бракъ въ началѣ очень благотворно вліялъ на настроеніе духа Александра I и, если бы онъ могъ оставаться долѣе въ этихъ вѣрныхъ узахъ, то въ немъ укрѣпилось бы еще болѣе благодушіе и благожеланіе и изгладились бы болѣе, быть можетъ, скрытыя наклонности его характера. Его братъ, великій князь Константинъ, не хуже его былъ одаренъ отъ природы, но былъ совершенно испорченъ воспитаніемъ и сдѣлался страшилищемъ.

Принужденіе, подъ вліяніемъ котораго Александръ находился, при вступленіи его родителя на престолъ, развивало въ немъ все болѣе и болѣе двойственность его воли и довело его притворство до высшей степени. Все царствованіе великой императрицы являлось ненавистнымъ ея державному сыну. Онъ хотѣлъ все измѣнить, передѣлать всю Россію и не упустилъ бы дать другое направленіе даже рѣкѣ Невѣ, если бы былъ въ силахъ это сдѣлать. Въ его кратковременное царствованіе Александръ, казалось, раздѣлялъ всѣ эти воззрѣнія, которыя не замедлили произвести на него не малое впечатлѣніе, такъ какъ никто никогда, ни въ какое время не взялъ на себя труда изложить и объяснить молодому князю основныя начала правленія великой императрицы и ея законодательныя воззрѣнія; это требовало подробнаго изученія и совершенно безпристрастнаго взгляда и на ея управленіе, и на ея особу.

Никто такъ не расположенъ къ нововведеніямъ и всякимъ новшествамъ, какъ лица, не обладающія основательными познаніями и терпѣніемъ. Чрезвычайно привлекательно прошедшее, которое себя болѣе не защищаетъ, замѣнить нѣчто совершенно новымъ, имѣющимъ за себя

всегда сотни приверженцевъ. Всякій вводитель новаго ласкаетъ себя мыслію, что онъ вполнѣ и всесторонне обдумалъ и обсудилъ свое могучее слово.

Преобразованіе и полная реорганизація арміи являлись главною заботою императора Павла и его сына, который былъ не что иное, какъ первый адъютантъ своего отца, съ 18—20-лѣтняго возраста находился подъ непрестаннымъ давленіемъ, принужденіемъ и нерѣдко испытывалъ даже подозрѣнія отца. Очень частыя перемѣны лицъ, окружавшихъ императора Павла I, принуждали Александра I постоянно притворяться и быть насторожѣ.

Царствованіе Павла I съ начала до конца онаго являлось какою-то опрометчивостію (безразсудностію). Незаслуженныя милости и выраженія благоволенія, незаслуженныя награды, незаслуженныя опалы и немилости, незаслуженныя наказанія и т. д. Все это изливалось непрерывно и постоянно все измѣняло. При этомъ никто съ большею готовностію не желалъ устранять учиненныя несправедливости, исправлять свои ошибки и заблужденія, какъ самъ государь. Тѣмъ не менѣе всѣ слуги и сановники прежняго царствованія были имъ устранены или сами удалились отъ дѣлъ. Всѣ были одинаково обижены. Появились на сцену новые слуги и также скоро исчезли. Только двое изъ нихъ съумѣли удержаться въ продолженіе всего царствованія, именно камердинеръ Кутайсовъ, сдѣлавшійся графомъ, шталмейстеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея, и Аракчеевъ, который, не будучи геніемъ и не обладая талантами, превосходилъ всѣхъ твердостію своего характера, неутомимою дѣятельностью и рѣдкою выносливостью. Императоръ слѣдовалъ весьма опасному пути.

Давно невѣдомый гнетъ и насиліе наступили послѣ многолѣтняго снисхожденія и терпѣнія. Съ Сенатомъ обходились круто; дарованное лицамъ дворянскаго происхожденія освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія было отмѣнено; смертная казнь снова стала примѣняться. Князь Сибирскій, почтенный генералъ, начальникъ провіантскаго вѣдомства, былъ отставленъ отъ должности и какъ простой рядовой, въ оковахъ на ногахъ, отправленъ въ Сибирь. Министръ финансовъ Васильевъ смѣщенъ съ должности. Совершенно необдуманная война съ Англіею привела въ разстройство русскую торговлю, причинила большіе убытки и нанесла тяжкія неизлѣчимыя раны благосостоянію Прибалтійскихъ губерній. Всѣ эти и другія подобныя имъ дѣла были такого рода, что къ большему или меньшему участію въ нихъ привлекался и великій князь, чѣмъ все болѣе затруднялось и его положеніе, и его отношенія. Въ непрерывныхъ своихъ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ, Кутайсовымъ, Паленомъ—тремя лицами, совершенно между собою различными, великій князь Александръ I находился въ постоянномъ напряженіи и за-

трудненіи, но мастерски умѣлъ однако сохранять съ каждымъ изъ нихъ хорошія отношенія и не давать имъ повода къ какимъ-либо столкновеніямъ, неудовольствіямъ и даже порицаніямъ. Другъ его, Чарторыйскій, былъ скоро удаленъ отъ двора. Вспыльчивость императора не знала предѣловъ, и самому Александру предстояла горькая доля . . . .

. . . . . .

Никто изъ соучастниковъ 11-го марта не подвергся преслѣдованію; никто изъ нихъ не былъ даже чѣмъ-либо огорченъ. Только не много позднѣе графъ Паленъ былъ совершенно удаленъ отъ двора за свою непослѣдовательность и за попытки свои вліять на молодаго самодержца и внушать ему различныя распоряженія. Паленъ пострадалъ изъ-за характера Александра I, который самъ и еще болѣе вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна не пожелали его болѣе видѣть.

На престолѣ Александру I открывалась совершенно иная жизнь, укрѣплявшая въ немъ все болѣе и болѣе тотъ складъ характера, который былъ пріобрѣтенъ имъ ранѣе. Одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе довѣренныхъ слугъ, Геслеръ, разсказывалъ за достовѣрное, что императоръ въ самые первые дни царствованія своего, просмотрѣвъ уже бумаги умершаго государя, очень измѣнился; лицо его приняло совершенно иное выраженіе, совершенно для него, Геслера, чуждое, такъ что всѣ ранѣе нарисованные его портреты перестали походить на него. Александръ I совсѣмъ отрѣшился отъ всего прошлаго и явился совершенно инымъ человѣкомъ, оставаясь съ тѣми же природными свойствами, но въ совершенно иной обстановкѣ и при совсѣмъ иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Съ этого времени онъ во всемъ рѣзко перемѣнился, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутренномъ. Перемѣна произошла и въ его наружномъ представительствѣ, въ прежнихъ манерахъ, въ привычкѣ нашѣвать, въ окружающихъ его лицахъ и т. д.

Словомъ, все вдругъ измѣнилось.

Даже изъ числа военныхъ лицъ, бывшихъ своихъ сослуживцевъ, Александръ I удержалъ теперь весьма не многихъ, да и тѣ принуждены были долго выслуживаться. Никто собственно его не угадалъ. Наиболѣе вѣрно судилъ о новомъ императорѣ Аракчеевъ и былъ въ милости у него немного болѣе другихъ. Военный духъ Павла I произвелъ сильное впечатлѣніе на Александра, никогда въ немъ не ослабѣвавшее.

Надѣявшіеся, что императоръ Александръ I возвратится къ системѣ правленія и законодательства великой императрицы, жестоко ошиблись, не менѣе тѣхъ, которые были облагодѣтельствованы Павломъ I. Александру I были противны обѣ системы управленія, при чемъ братъ его, Константинъ, имѣлъ немалое въ томъ участіе. Но даже и въ этомъ отношеніи всѣ дѣйствія Александра I являютъ собою какое-

то постоянное колебаніе, какой-то постоянный выборъ между двумя противоположностями, при чемъ онъ постоянно переходилъ отъ однихъ воззрѣній къ другимъ, но только эти колебанія не всегда были одинаково сильны. Въ то время, какъ проницательный умъ Александра I и его недовѣріе къ людямъ возбуждали въ немъ все новыя сомнѣнія, его способность сужденія не всегда была настолько достаточно сильна, чтобы изыскать средства къ отстраненію сомнѣній. Только иногда внезапныя впечатлѣнія оказывали на него сильныя вліянія, но на него не дѣйствовала никогда какая бы то ни была сила убѣжденій. Кругъ, въ которомъ Александръ I вращался, не былъ всегда одинъ и тотъ же, но въ каждомъ данномъ кругу онъ являлся нѣкоторое время всегда крайнимъ (ultra), до тѣхъ поръ, пока недовѣріе или подозрѣніе или иное обстоятельство перемѣщали его изъ даннаго круга въ новый, который начинался и заканчивался такимъ же образомъ, какъ и первый.

Въ послѣднее, очень удрученное время его велико-княжеской жизни, онъ имѣлъ еще досугъ заниматься чтеніемъ вмѣстѣ съ своею супругою, которая чрезвычайно охотно предавалась всякимъ умственнымъ занятіямъ и искусствамъ. Если бы онъ въ это время и въ этомъ именно отношеніи пожелалъ бы держаться ближе научно-образованнаго Чарторыйскаго, то круговоръ его знаній значительно бы расширился. Но это время было имъ упущено; оно прошло и никогда болѣе не возвратилось. Александръ I пренебрегъ примѣромъ Петра Великаго, который и на престолѣ стремился постоянно къ знаніямъ.

Отъ этихъ великихъ предметовъ обращаюсь снова къ мелкимъ.

Обсужденія возложеннаго на меня проекта организаціи Сената и тѣсно связаннаго съ нимъ преобразованія губернскаго учрежденія были чрезвычайно близки моему сердцу, но къ сожалѣнію очень затягивались. Впрочемъ, причиною этого являлись ни Новосильцовъ, ни Чарторыйскій, ни Строгановъ; они всѣ выражали полную готовность собираться для обсужденія новыхъ предложеній и утромъ и вечеромъ, и высказывали свои по нимъ замѣчанія, которыми я охотно пользовался или для установленія новыхъ началъ или для измѣненія уже выставленныхъ въ моемъ проектѣ. Все главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ того, какъ это будетъ доложено государю императору.

Изданное въ 1802 г. учрежденіе министерствъ и, въ особенности, учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, представляло нѣкоторыя затрудненія моимъ предположеніямъ; графъ Кочубей еще не вполнѣ высказалъ свои въ этомъ отношеніи воззрѣнія. Я выставлялъ впередъ вопросъ о системѣ коллегіальнаго управленія, какъ наиболѣе существенной, и предполагалъ сохранить эту систему. Манифестъ 8-го сентября 1802 г. не упразднялъ коллегій, но сохранялъ ихъ на прежъ-

нихъ основаніяхъ, министры же должны были быть только верховными ихъ руководителями въ дѣлахъ администраціи вообще; онъ не касался ни предмета вѣдомства (компетенціи) коллегій, ни ихъ іерархическихъ отношеній. Все это я намѣревался сохранить и въ моемъ проектѣ, какъ существующее со временъ Петра I и Екатерины II, потому что я имѣлъ въ виду какъ можно менѣе измѣнять существующее и по возможности держаться установленныхъ уже учрежденій.

Тѣмъ временемъ наступилъ іюль мѣсяцъ. Я получилъ квартиру и все для меня необходимое. Жена моя [1]) прибыла изъ Дерпта, и я настолько устроился, что могъ принимать у себя графа Строганова, Новосильцова и Чарторыйскаго. Мое положеніе было очень удовлетворительно; я ни въ чемъ не нуждался, и всѣ мои стремленія были направлены къ тому, чтобы быть полезнымъ и возможно менѣе терять времени при возложенныхъ на меня работахъ.

Лично отъ себя я не имѣлъ права явиться къ государю, но очень желалъ имѣть съ нимъ личное объясненіе и всего болѣе добивался этого, потому что былъ въ это время убѣжденъ, что его величество приметъ живое участіе въ моихъ трудахъ, такъ какъ они касались той высшей сферы государственнаго организма, которая не была еще затронута и требовала, по моему убѣжденію, различныхъ дополненій, неизбѣжно предшествующихъ всякому дальнѣйшему его развитію. Его величество самъ обратилъ вниманіе на это и приказалъ мнѣ заняться этимъ.

Я очень хорошо зналъ, что государь былъ въ это время чрезвычайно занятъ военными дѣлами; къ тому же наступившее лѣто гораздо менѣе способствовало занятіямъ, нежели осень и зима, особенно въ Петербургѣ. Было чрезвычайно трудно уловить удобное время, чтобы доложить его величеству о ходѣ моихъ работъ. Происходившія въ Петербургѣ при дворѣ собранія представлялись случаемъ мало для того удобнымъ, но я посѣщалъ ихъ, чтобы доставить удовольствіе женѣ моей. Это послѣднее побудило меня отправиться также на собраніе въ іюлѣ мѣсяцѣ. День былъ чудный. Мнѣ представилась та же картина, которую я видѣлъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1780 году); я нашелъ залу, въ которой только-что начался польскій, безъ всякаго наружнаго измѣненія, только лица были уже почти всѣ другія. Государь императоръ шелъ въ первой парѣ и, проходя мимо меня, очень любезно нѣсколько разъ привѣтствовалъ присутствующихъ; я конечно не могъ отнести этого исключительно къ себѣ, потому что въ толпѣ было много

---

[1]) Розенкампфъ вступилъ въ 1797 г. въ бракъ съ Маріею-Анною фонъ-Бларамбергъ, дочерью одного лифляндскаго помѣщика. Графъ Корфъ нисколько не стѣсняясь говоритъ, что Розенкампфъ вступилъ въ бракъ съ француженкою („Рус. Стар." 1903 г., апрѣль, стр. 32).

другихъ лицъ, которымъ это могло преимущественно относиться. По окончаніи польскаго его величество, подойдя также и ко мнѣ, сказалъ по-французски:

— Я васъ привѣтствовалъ три раза, но вы не удостоили это замѣтить.

— Ваше величество, я не дерзалъ льстить себя мыслію, что этотъ привѣтъ относится ко мнѣ.

— Но конечно! Что же вы дѣлаете?—Я воспользовался этими словами, чтобы обратиться къ предмету моихъ занятій и отвѣтилъ:

— Я прибылъ уже нѣсколько времени съ возложенными на меня работами, но не осмѣливался испрашивать у вашего величества аудіенціи, которая сдѣлала бы меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Я буду очень радъ,—отвѣтилъ государь,—при моемъ возвращеніи мы увидимся.—При этомъ я воспользовался случаемъ представить его величеству, стоявшую со мною рядомъ, мою супругу. Государю угодно было сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, послѣ чего онъ удалился.

Это монаршее ко мнѣ вниманіе не осталось конечно незамѣченнымъ присутствовавшими въ залѣ. Министръ юстиціи подошелъ ко мнѣ немедленно и выразилъ желаніе, чтобы я представилъ ему мою жену, и замѣтилъ при этомъ, что онъ былъ первымъ, представившимъ меня его величеству. Это побудило меня выразить ему искреннюю мою за это признательность. Послѣ этого очень многіе изъ числа моихъ знакомыхъ поздравляли меня съ столь лестнымъ для меня монаршимъ вниманіемъ. Новосильцовъ мнѣ въ тотъ вечеръ не повстрѣчался, и я только чрезъ два дня имѣлъ возможность передать ему все вышеизложенное, такъ какъ онъ возвратился въ городъ лишь на слѣдующій день, поздно вечеромъ. Я просилъ его дать мнѣ указаніе, что мнѣ дѣлать, но онъ предоставилъ это вполнѣ моему усмотрѣнію, повидимому желая выждать, чтобы его величество выразилъ ему что-либо въ этомъ отношеніи. Однако ожиданіе не осуществилось, и я поэтому отправился самъ доложить о себѣ его величеству.

21-го іюля я отправился въ пріемную его величества, гдѣ встрѣтилъ меня тотъ же камеръ-лакей, ранѣе уже обо мнѣ докладывавшій. Онъ немедленно направился въ кабинетъ государя и, скоро возвратясь, объявилъ мнѣ, чтобы я явился къ пріему государемъ на другой день въ то же самое время. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что можно явиться къ пріему во фракѣ.

Я не замедлилъ все это выполнить въ точности и, явившись на другой день (22-го іюля), былъ черезъ четверть часа позванъ къ его величеству въ кабинетъ, гдѣ и послѣдовалъ слѣдующій разговоръ на французскомъ языкѣ:

— Я очень доволенъ, что васъ вижу, намъ необходимо познакомиться.

— Ваше величество, мнѣ представлялось важнымъ возможно скорѣе повергнуть благоусмотрѣнію вашего величества мои предположенія о Сенатѣ, составленіе которыхъ было на меня уже возложено г. Новосильцовымъ по приказанію вашего величества. Я присоединилъ къ этому и другой трудъ объ учрежденіи мѣстныхъ властей. Мнѣ казалось, что эти предметы должны необходимо подлежать совмѣстному разсмотрѣнію и что возможныя въ нихъ улучшенія должны предшествовать тѣмъ, которыя могутъ быть совершены въ другихъ отрасляхъ управленія и законодательства.

— Это также мое мнѣніе, вы уже приступили къ разсмотрѣнію вашихъ трудовъ съ нами?

— Мои предположенія были уже прочтены, но какъ всѣ указанія исходятъ отъ вашего величества, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше величество соблаговолили разрѣшить мнѣ прочесть вамъ мои предположенія.

— Очень хорошо, я выслушаю ихъ со вниманіемъ, но они тѣмъ не менѣе будутъ подлежать разсмотрѣнію Сената или Государственнаго Совѣта.

— Благоугодно ли будетъ вашему величеству дозволить мнѣ выразить замѣчаніе?

— Говорите.

— Сенатъ при разсмотрѣніи моихъ предположеній явился бы одновременно и судьею, и стороною. Въ составъ Государственнаго Совѣта входятъ гг. министры, права и власть которыхъ затрогиваются также моими предположеніями. Мнѣ казалось бы, что подобное основное положеніе должно исходить единственно отъ вашего величества, коль скоро оно удостоится высочайшаго одобренія.

— Это трудно сдѣлать, но я посмотрю. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, а я переговорю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я замолчалъ, но былъ неудовлетворенъ результатами разговора, что не ускользнуло отъ вниманія его величества. Государь предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ.

— Что думаете вы объ освобожденіи крестьянъ?

— Полагаю, ваше величеотво, что это было бы въ высшей степени полезно не только крестьянамъ, но также и всѣмъ помѣщикамъ.

— Но повѣрятъ ли они тому?

— Осмѣлюсь утверждать это, потому что трудъ свободнаго человѣка вдвое лучше, нежели трудъ крѣпостнаго; земля останется по-прежнему за ея собственниками (владѣльцами), и никогда не будетъ недостатка рукъ для ея воздѣлыванія. Россія будетъ производить и воздѣлывать

по крайней мѣрѣ вдвое болѣе; но трудно будетъ побудить согласиться на это нынѣшнихъ собственниковъ, предписавъ это или общими законами или указами.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Необходимо начать это въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, которыя надо къ тому подготовить, опросивъ мнѣніе отдѣльныхъ мѣстностей и опредѣливъ правовое положеніе этого класса населенія совершенно для него особыми кодексами законовъ: гражданскихъ, полицейскихъ, сельско-хозяйственныхъ и положеніемъ объ общинахъ сельскихъ. Эти три небольшіе кодекса, составленные исключительно для того класса населенія съ измѣненіями, смотря по мѣстнымъ условіямъ каждой провинціи, убѣдятъ землевладѣльцевъ и крестьянъ въ ихъ взаимныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, чтобы съ успѣхомъ осуществить это дѣло, необходимо, я полагаю, дѣйствовать постепенно, въ одной губерніи послѣ другой.

— Это длинный путь.

— Но однако наивозможно короткій и въ то же время самый надежный.

— Можно сдѣлать опытъ въ балтійскихъ провинціяхъ, и мнѣ кажется, что тамъ уже этимъ занимались.

— Всѣ губерніи одинаково къ этому пригодны, и русскіе крестьяне смышленѣе и понятливѣе эстонцевъ и ливонцевъ, у которыхъ уже сдѣланы первые шаги къ замѣнѣ барщины (обязательныхъ работъ) и другихъ поборовъ произвольныхъ и неопредѣленныхъ другими обязательными работами и поборами, опредѣленными Положеніемъ, но еще не достигли желаемаго.

— Ландратъ Сиверсъ мнѣ писалъ объ этомъ и прислалъ весьма недавно объемистый томъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я еще не прочелъ.

Его величество далъ мнѣ при этомъ очень хорошо переплетенную тетрадь въ большой листъ. Просмотрѣвъ сопровождавшее эту тетрадь письмо, я сейчасъ увидѣлъ, что эта тетрадь заключаетъ въ себѣ матеріалы для составленія Положенія о лифлявдскихъ крестьянахъ. Я раскрылъ тетрадь и въ оглавленіи, напечатанномъ крупнымъ шрифтомъ, прочелъ, что я авторъ этого Положенія.

— Это только первый шагъ, ваше величество,—сказалъ я,—но на немъ останавливаться не надо, необходимо идти далѣе.

— Дѣла этого рода будутъ подлежать разсмотрѣнію комитета. Я желалъ бы вообще даровать участіе всей націи, всѣмъ моимъ народамъ въ пользованіи правами гражданъ на сколько это возможно. Это должно быть опредѣлено общимъ кодексомъ (книгою законовъ), который мои предшественники, начиная съ Петра I, обѣщали націи. Вотъ, мнѣ ка-

жется, чѣмъ бы надлежало заняться прежде всего, потому что оно будетъ обнимать все остальное. Сядьте здѣсь рядомъ со мною поближе и сообщите мнѣ ваши объ этомъ взгляды.

Императоръ худо слышалъ вообще и напрягалъ все свое вниманіе, чтобъ меня слушать.

— Ваше величество, мои воззрѣнія объ этомъ довольно просты. Соблаговолите разрѣшить мнѣ вполнѣ выразиться по этому предмету. Чтобы составить то, что называется кодексъ (code), необходимо прежде всего начать съ изученія состоянія дѣйствующаго законодательства во всѣхъ его отрасляхъ государственнаго и частнаго права, и имѣть его передъ глазами.

— Развѣ государственное право и политическія права должны также войти въ составъ кодекса?

— Я не имѣлъ въ виду ни представительство, ни какое-либо другое политическое право. Я разумѣю подъ словомъ государственное право (droit public) организацію властей, предметы ихъ вѣдомства, допущеніе къ пользованію гражданскими правами и даже права сословій, которыя не всѣ изложены въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, ни въ проектахъ, составленныхъ при императорѣ Петрѣ I и императрицѣ Екатеринѣ II.

Государь меня прервалъ, сказавъ:

— Ахъ, да, когда были созваны депутаты здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ.

— Ваше величество совершите нѣчто болѣе для счастья вашихъ народовъ, нежели созваніе сотни депутатовъ, которые не понимали другъ друга.

— Я всегда былъ того мнѣнія и высказывалъ его моему преподавателю и другу Лагарпу, очень хорошую записку котораго я вамъ сообщу.

— Очень буду счастливъ воспользоваться ею. Вашему величеству извѣстно лучше меня, сколько предметовъ надо разсмотрѣть и сколько предметовъ принять въ соображеніе при составленіи одного какого-либо закона, одного положенія органическаго; тѣмъ болѣе необходимо все это взвѣсить, когда идетъ дѣло о кодексѣ, т. е. о пересмотрѣ или переработкѣ всей массы законовъ. Сдѣлать это не является невозможностью, но надо поступать съ увѣренностію при посредствѣ предварительныхъ работъ, которыя имѣютъ еще особенное преимущество — оправдывать (т. е. подтверждать) содержаніе кодекса, и все зависитъ отъ предварительно установленныхъ началъ, послѣдующая затѣмъ редакція окажется болѣе легкою.

— Я понимаю, необходимо изложить побудительныя причины са-

мыхъ законовъ, какъ во Франціи, гдѣ всегда имѣются искусные къ тому люди.

— Каждая страна, государь, имѣетъ свои мѣстныя начала. Новый кодексъ не можетъ быть составленъ иначе, какъ на основаніи началъ существующаго уже права, которое уже знаютъ и въ которомъ ваше величество изволите приказать сдѣлать необходимыя по усмотрѣнію вашему измѣненія и перемѣны. Кодексъ не что иное, какъ книга законовъ. Но какъ законы и право не были созданы за разъ, но сложились постепенно, путемъ времени и какъ никто не можетъ предусмотрѣть будущихъ обстоятельствъ, то необходимо начать составленіе кодекса по началамъ уже существующимъ.

— Но все ежедневно мѣняется; нѣтъ ничего безусловно постояннаго, ни законовъ, ни началъ.

— Безъ сомнѣнія, ваше величество. Съ этого я и начинаю. Государство—это собраніе семействъ, общинъ, провинцій,—слѣдуетъ тѣмъ же органическимъ законамъ, какъ тѣло отдѣльнаго лица въ маломъ. Если сіе послѣднее изъ года въ годъ измѣняется и возобновляется по частямъ и было бы невозможно возобновить его въ полномъ составѣ заразъ, тѣмъ болѣе это совершается тѣмъ же порядкомъ и въ политическомъ организмѣ, великомъ общественномъ тѣлѣ, которое пополняется такимъ же образомъ. Великое начало единства началъ покоится на началахъ особенностей у народностей. Властитель является вершиною пирамиды, повелитель, покровитель, защитникъ законовъ и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ихъ отрасли.

Администрація, частное право и даже, могу сказать, вѣроисповѣданія имѣютъ каждое свое начало. Существеннымъ поэтому является познать анатомію этого великаго общественнаго тѣла, составленнаго изъ другихъ тѣлъ и частей. Но изучить и познать его хорошія и худыя стороны. Послѣ этого, государю, какъ верховному законодателю, предстоитъ указать тѣ измѣненія, которыя онъ признаетъ соотвѣтствующими. Ваше величество изволите усмотрѣть, какія части нуждаются въ какомъ-либо новомъ жизненномъ началѣ.

Вашему величеству извѣстенъ французскій кодексъ. Онъ не содержитъ въ себѣ какихъ-либо правилъ кромѣ существовавшихъ очень давно въ законодательствѣ различныхъ провинцій Франціи. Не должно также упускать изъ виду, что во Франціи и Германіи законовѣдѣніе является наукою, которою занимаются уже вѣками. Въ такихъ странахъ легко постигаютъ содержаніе и смыслъ различныхъ постановленій кодекса, въ немногихъ статьяхъ своихъ содержащаго все, что разсѣяно во множествѣ предшествовавшихъ ему законовъ. Но я опасаюсь, что такой отвлеченный трудъ не будетъ понятъ въ Россіи. Чтобы сдѣлать

понятнымъ кодексъ, надо изложить самые источники, изъ которыхъ извлечены его положенія, и предоставить времени совершить остальное.

— Это глубокая мысль, это изумительное дѣло!

— Во время самой работы обнаружится, что очень много прекрасныхъ правилъ, которыя должны быть сохранены, смахнувъ съ нихъ покрывающую ихъ пыль и отстранивъ несоотвѣтствующее имъ. Другія правила требуютъ новаго жизненнаго принципа. Понемногу будутъ устранены всѣ препятствія. Это все сдѣлать просто и не трудно, но сдѣлавъ доступнымъ для всѣхъ и каждаго посредствомъ оправдательныхъ документовъ. Если нѣкоторыя части и потребуютъ отмѣны, другія останутся неприкосновенными. Вамъ будетъ предстоять большой трудъ.

— Но за то и зданіе будетъ. Петръ I началъ его сто лѣтъ тому назадъ, а Екатерина II лѣтъ сорокъ; они желали строить, не установивъ самыхъ началъ того права государственнаго и частнаго, а потому и не могли закончить работу. Всякій вѣкъ порождалъ то, что ему всего болѣе соотвѣтствовало, но наука и методъ постоянно дѣлали успѣхи, которыми необходимо воспользоваться.

— Начнемте, я надѣюсь, что дѣло пойдетъ Принимайтесь за работу, и когда вы составите свой планъ, пришлите его прямо ко мнѣ. Я хочу его видѣть прежде другихъ.

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ; результатъ будетъ зависѣть отъ непосредственныхъ попеченій такого монарха, какъ Александръ I, который очень сильно желаетъ этого; въ препятствіяхъ и затрудненіяхъ недостатка не будетъ, вашему величеству это извѣстно. Вы найдете людей болѣе меня годныхъ для подобной работы, но, будь это наиспособнѣйшіе люди въ мірѣ, они могутъ имѣть успѣхъ только при непосредственномъ руководствѣ вашего величества, при особенномъ съ вашей стороны надзорѣ. Глазъ повелителя долженъ руководить и поддерживать наоъ. Простите меня, ваше величество, за такое откровенное съ моей стороны объясненіе; я не умѣю льстить, я умѣю исполнять свой долгъ.

— Очень хорошо, я удовлетворенъ. Принимайтесь за работу; обѣщаю вамъ полное мое покровительство, лишь бы только былъ успѣхъ.

— Дозвольте мнѣ, ваше величество, добавить еще нѣсколько словъ, которыя въ этомъ отношеніи мнѣ кажутся существенными. Вы изволили уже основать народное просвѣщеніе на прекрасныхъ началахъ; необходимо было бы также основать школу права, потому что пока мы займемся предварительными работами, основными началами кодекса, необходимо также подготовить людей, которые бы примѣняли ихъ на дѣлѣ.

— Безъ сомнѣнія; но гдѣ же мы найдемъ людей для обученія?

— Мы ихъ найдемъ, мы ихъ даже подготовимъ; достаточно для этого одного желанія вашего величества. При появленіи солнца недостатка въ свѣтѣ не бываетъ. Мы начнемъ съ кадровъ, а затѣмъ сформируется уже и сама армія.

— Хорошо, займитесь всѣмъ этимъ. Прощайте. Мы еще со временемъ увидимся.

Съ этими словами государь всталъ и вдругъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ, который я никакъ не ожидалъ.

— Знаете ли вы сочиненія знаменитаго нѣмецкаго философа Канта? [1])

— Я читалъ нѣкоторыя его сочиненія; онъ писалъ также и о правѣ, но исключительно съ философской точки зрѣнія. Полагаю, что ваше величество изволите говорить о его «Критикѣ чистаго разума»?

— Именно объ этомъ.

— Я не изучалъ этого сочиненія, но оно считается образцовымъ; онъ основалъ новую школу въ философіи, но его сочиненіе читается съ чрезвычайно большимъ трудомъ, хотя бы и съ технической стороны

— Что это за техническая сторона?

— Я разумѣю подъ этимъ различныя встрѣчающіяся въ книгѣ наименованія, опредѣленія, терминологію, которая измѣнилась, введеніе и значеніе множества словъ.

— У меня есть эта книга, я постараюсь, чтобъ мнѣ ее разъяснили.

Я колебался конечно выразить на это свою готовность и замолчалъ. Только спустя нѣсколько лѣтъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что государь имѣлъ особенно великое расположеніе къ этому сочиненію Канта. Кто доставилъ эту книгу его величеству и съ кѣмъ онъ ее читалъ, этого я никогда узнать не могъ.

Когда я собирался уходить, государь приблизился ко мнѣ еще на нѣсколько шаговъ и сказалъ: — Это было предварительное объясненіе, которымъ я очень доволенъ. Я хочу, чтобы все это осталось между нами, понимаете, вы никому не должны объ этомъ сообщать.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено. Соблаговолите удостоивать меня по временамъ счастьемъ являться къ вашему величеству. Это доставитъ мнѣ необходимыя для работы силы и указанія.

Я поблагодарилъ камеръ-лакея за его услужливость и затѣмъ въ передней комнатѣ или корридорѣ встрѣтилъ незнакомаго мнѣ адъютанта, за которымъ шелъ совершенно запыленный курьеръ. Явись онъ

[1]) Кантъ Иммануилъ р. въ Кенигсбергѣ 22-го апрѣля 1724 г. и умеръ 12-го февр. 1804 г., знаменитый философъ, написавшій много сочиненій по философіи, въ томъ числѣ и „Kritik der reinen Vernunft“ (Критику чистаго разума) въ 1788 г., пріобрѣвшее громкую извѣстность.

часомъ ранѣе, я не былъ бы допущенъ до его величества и не было бы никакого со мною разговора о законодательствѣ.

Направившись изъ дворца прямо по набережной, я встрѣтилъ въ каретѣ Чарторыйскаго, ѣхавшаго ко дворцу. Вѣроятно курьеръ прибылъ съ политическими извѣстіями. Позднѣе я узналъ дѣйствительно, что были получены весьма важныя извѣстія изъ Франціи. Я поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе записать весь разговоръ мой и всѣ слова, сказанныя при этомъ его величествомъ.

Приступивъ къ внимательному обсужденію всего слышаннаго мною, я встрѣтилъ много поразительныхъ для меня сомнѣній и неопредѣленностей. Главная цѣль моего свиданія съ его величествомъ—обсужденіе проекта о Сенатѣ и губернскомъ учрежденіи, была совершенно упущена изъ виду; въ этомъ отношеніи я очутился еще въ бо́льшей неизвѣстности, а между тѣмъ это дѣло являлось наиболѣе существеннымъ, не столько для меня, который вовсе не былъ къ тому призванъ, сколько для всего государства. Взамѣнъ этого явились новыя задачи еще бо́льшаго объема. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости! Вся сфера законодательства. Все это представлялось дѣломъ очень блестящимъ, ослѣпительнымъ, но гораздо болѣе неизвѣстнымъ и труднымъ, чѣмъ предварительно на меня возложенная практическая задача. Въ первыхъ же словахъ его величества объ этихъ новыхъ задачахъ я примѣтилъ гораздо болѣе уклончиваго и какъ бы препятствующаго, нежели содѣйствующаго; но не совсѣмъ могъ уяснить себѣ это съ перваго раза. Я долженъ былъ обо всемъ переговорить съ Новосильцовымъ; государь же хотѣлъ потолковать съ Кочубеемъ и узнать его мнѣніе.

Все это представлялось мнѣ только затрудненіями для дѣла. Къ тому же, по послѣднимъ словамъ императора, я никому не долженъ былъ говорить чего-либо о моемъ разговорѣ съ его величествомъ!

Весь слѣдующій день я просидѣлъ дома. Моя жена отправилась къ супругѣ Козодавлева на дачу; я обѣщался за нею пріѣхать вечеромъ. Только на третій день, въ субботу, отправился я къ Новосильцову, жившему на дачѣ Строганова; онъ былъ окруженъ множествомъ посѣтителей и не имѣлъ возможности много говорить со мною. Однако онъ успѣлъ мнѣ сообщить, что его величество наконецъ самъ далъ ему поводъ переговорить подробно о моихъ занятіяхъ, и добавилъ, что на слѣдующій день, въ субботу, передастъ мнѣ содержаніе этого разговора, послѣ доклада своего у государя (въ то время Новосильцовъ имѣлъ три или четыре раза въ недѣлю такой докладъ).

Я прибылъ по приказанію около 2-хъ часовъ дня, и вслѣдъ за мною пріѣхалъ фельдъегерь съ портфелемъ, а затѣмъ и самъ Новосильцовъ. Онъ подробно передалъ мнѣ, что напоминалъ его величеству

два или три раза о моемъ трудѣ, лежавшемъ у него въ портфелѣ, но по множеству другихъ различныхъ дѣлъ не имѣлъ возможности вновь утруждать этимъ государя, тѣмъ болѣе, что графъ Кочубей выразилъ желаніе отдалить всякое обсужденіе и разсмотрѣніе предположеній о Сенатѣ и губернскихъ учрежденіяхъ до тѣхъ поръ, пока не завершитъ полную организацію ввѣреннаго ему министерства, утвержденную въ послѣдніе дни мѣсяца, которому сіе послѣднее получало еще большее развитіе.

Я испугался этого сообщенія и старался представить Новосильцову, до чего все направленіе этого учрежденія, сдѣлавшагося мнѣ извѣстнымъ нѣсколько дней тому назадъ, именно принципъ централизаціи, разрушающій систему коллегіальнаго управленія, несовмѣстимъ съ вновь предполагаемымъ мною строемъ и что именно отъ того, будутъ ли держаться началъ централизаціи или нѣтъ, зависитъ участь всего моего проекта, на который я при воззрѣніяхъ графа Кочубея долженъ смотрѣть, какъ на составленный совсѣмъ напрасно. Я напоминалъ ему главныя основанія, принятыя въ нашихъ совѣщаніяхъ, согласныя вполнѣ съ манифестомъ о министерствахъ и положеніемъ о Сенатѣ. Но я замѣтилъ, что и самъ Новосильцовъ очень восхищенъ и увлеченъ блестящимъ принципомъ централизаціи и министерствами, занимавшими мѣсто прежнихъ коллегій; мнѣ было очевидно, что онъ вполнѣ высказался въ пользу этой системы, чего я, послѣ моихъ разговоровъ съ нимъ ранѣе, никакъ не могъ себѣ представить.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—сказалъ мнѣ наконецъ Новосильцовъ, и будемъ говорить о планѣ занятій новой законодательной коммиссіи, о которой помышляетъ государь. Именемъ его величества, поручаю я вамъ заняться составленіемъ этого плана, потому что, повидимому, это рѣшительная его воля. Этимъ путемъ можно также осуществить и другія предпріятія. Государь освѣдомлялся у меня о васъ и, повидимому, очень къ вамъ расположенъ.

Я обѣщалъ Новосильцову начать и эту новую работу и испросилъ его разрѣшенія на послѣдовательныя съ нимъ обсужденія моихъ трудовъ, по мѣрѣ ихъ подготовленія.

На слѣдующій день я отправился къ Чарторыйскому, чтобы начать съ нимъ подобный же разговоръ, и нашелъ его вполнѣ къ нему уже подготовленнымъ. Я также разъяснялъ ему подробно необходимость обсужденія моего проекта о Сенатѣ и учрежденіи губернскаго управленія, потому что былъ вполнѣ убѣжденъ, что эти проекты, какъ основанія правильнаго монархическаго строя, необходимо подробно и основательно разсмотрѣть прежде другихъ проектовъ; иначе возникающая теперь по французскому образцу система централизаціи такъ сильно разовьется, что нельзя будетъ найти и слѣдовъ прежнихъ порядковъ.

По моему мнѣнію, при сохраненіи коллегій ничего не утрачивалось ни въ средствахъ хорошаго управленія, ни въ средствахъ контроля надъ ними; напротивъ того, министры, какъ верховные ихъ руководители и представители ихъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и передъ государемъ, могли точнѣе и полнѣе знать о положеніи ввѣренныхъ имъ дѣлъ, нежели когда издавна установившаяся у насъ система коллегій и центръ управленія будетъ замѣненъ такъ называемыми департаментами или канцеляріями. Степень власти и сфэра дѣйствій департаментовъ и канцелярій гораздо самопроизвольнѣе, они будутъ зависѣть во многомъ отъ личныхъ воззрѣній того или другаго лица,—министра,—часто мѣняющагося, чего при коллегіяхъ, въ которыхъ нѣсколько лицъ участвуютъ при разсмотрѣніи дѣлъ, случиться не можетъ. При министерскомъ управленіи все зависитъ отъ воззрѣнія лица о д н о г о, поставленнаго во главѣ департамента или канцеляріи; это влечетъ за собою не только произволъ, но непослѣдовательность и безпорядки, потому что опытность, хранящаяся въ прошедшихъ дѣлахъ, совсѣмъ утрачивается [1]). Это все удаляетъ отъ основныхъ началъ истинно монархическаго учрежденія. Чарторыйскій все это выслушивалъ, но говорилъ самъ очень мало.

Въ тотъ же вечеръ я повторилъ всѣ мои доводы у Новосильцова въ совѣщаніи, при чемъ присутствовали также князь Чарторыйскій, графъ Строгановъ и графъ Кочубей, но не могъ однако ихъ убѣдить въ правильности моихъ взглядовъ. На всѣ мои доводы они возражали единственно тѣмъ, что Положеніе о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и сопровождавшая оное записка удостоились высочайшаго утвержденія въ іюлѣ 1803 года, и указывали при этомъ на преимущества управленія путемъ канцелярій и департаментовъ предъ управленіемъ коллегіями. Тѣмъ не менѣе я остался при своемъ, находя, что воззрѣнія моихъ противниковъ имѣютъ слабыя основанія и покоятся болѣе на софизмахъ, въ основательности которыхъ легко убѣдиться, сопоставивъ ихъ съ сильными доводами Петра Великаго, высказанными имъ въ предисловіи къ генеральному регламенту [2]). Но всѣ эти господа, высказавъ

---

[1]) Эти не вполнѣ ясныя строки должны по всей вѣроятности выражать ту мысль, что коллегія (т. е. присутствіе изъ нѣсколькихъ лицъ), весьма рѣдко измѣняемая въ своемъ полномъ составѣ одновременно, руководствуется болѣе однообразными правилами при рѣшеніи дѣлъ, нежели одно лицо; болѣе или менѣе сохраняетъ преемственность въ своихъ стремленіяхъ, лучше знаетъ прошлое своей дѣятельности и настойчивѣе въ своихъ взглядахъ, нежели отдѣльное лицо, поставленное во главѣ учрежденія, съ устраненіемъ котораго исчезаютъ и его стремленія, взгляды и познанія.

[2]) Розенкампфъ очевидно имѣетъ въ виду Генеральный Регламентъ Петра Великаго 28 февр. 1720 г. (№ 3534 П. С. З.), въ которомъ была особая глава (2-я) о преимуществахъ коллегій.

уже однажды всѣ эти свои взгляды передъ государемъ, и не расположены были отступиться отъ нихъ, всего менѣе графъ Кочубей, потому что на этомъ одномъ было основано расширеніе предоставленной ему власти. Я также очень хорошо зналъ, что истиннымъ творцомъ этого преобразованія былъ служившій у Кочубея М. М. Сперанскій, пользовавшійся у него большимъ значеніемъ и большимъ вліяніемъ, который былъ также заинтересованъ въ томъ, чтобы ниспровергнуть совершенно всю старую систему коллегіальнаго управленія и ввести управленіе департаментское. Все это я зналъ, но уповалъ еще на силу доводовъ, на интересы въ пользу самаго дѣла и наконецъ на убѣжденія самого государя; но въ этомъ я ошибся.

Скоро я еще болѣе убѣдился въ томъ, что императора склонили въ пользу министерствъ и что цѣль, для которой я собственно былъ вызванъ, была отодвинута рѣшительно на задній планъ. Если бы Новосильцовъ ранѣе меня объ этомъ поставилъ въ извѣстность, то я имѣлъ бы ранѣе случай наглядно изложить основанія моихъ воззрѣній, теперь же это все было уже поздно. Новосильцовъ, а также Чарторыйскій и Строгановъ, не считали коллегіи главными частями въ устройствѣ министерствъ, какъ это implіate [1]) было выражено въ манифестѣ 8-го сентября, и даже не желали сохранять ихъ далѣе; не упоминая о коллегіяхъ во всемъ ихъ объемѣ, они содѣйствовали тому, что старая система была низвергнута. Воззрѣнія ихъ были шатки до чрезвычайности. Графъ Кочубей убѣдилъ ихъ и всѣ трое полагали, что иначе и быть не можетъ; они думали, что иначе министерства и существовать не могутъ, какъ по образцу французскому, хотя уже въ то время министерства по учрежденію 8-го сентября 1802 г. существенно отличались отъ французскаго. Это отличіе являлось своеобразнымъ, основнымъ, твердымъ правиломъ, которое отнюдь не надлежало колебать и низвергать.

Мнѣ предстояло теперь или, рѣшительно отрѣшившись отъ всего, возвратиться къ себѣ въ Лифляндію, или попытать еще разъ явиться его величеству. Но скоро спокойное обсужденіе показало мнѣ, что, поступая такимъ образомъ, я ставлю на карту всю мою будущность и, тѣмъ не менѣе, изъ этого для пользы дѣла ничего не выйдетъ, коль скоро его величество окажется иного по этому вопросу со мною мнѣнія. Ководавлевъ, съ которымъ я говорилъ о моихъ воззрѣніяхъ, хотя и склонялся на мою сторону, но тѣмъ не менѣе находилъ, что такъ какъ недавно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, было принято противоположное моему воззрѣніе, то теперь едва-ли можно осуществить высказываемые мною взгляды.

---

[1]) Т. е. не ясно, неопредѣленно, включительно въ чемъ-нибудь.

Кромѣ того онъ мнѣ замѣтилъ, что ни одно изъ выше названныхъ мною лицъ не изучило основательно все дѣло. Мнѣ не возможно было ему не замѣтить, что если мои основанія не будутъ приняты, то учрежденіямъ государства и его управленію будутъ предстоять большія перемѣны, которыя всѣ трудно предусмотрѣть. Чѣмъ болѣе я размышлялъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ правильности моего мнѣнія, которое оправдалось и временемъ. Я не могъ себя упрекнуть, что не настаивалъ, на сколько могъ, на моемъ мнѣніи, но если бы былъ въ состояніи все предвидѣть, то попыталося бы написать подробно его величеству. Все это мнѣ казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что мнѣ очевидно было, что авторъ записки министра внутреннихъ дѣлъ, при ея составленіи, несомнѣнно имѣлъ предъ глазами мои предположенія, основныя начала которыхъ и опровергалъ, при чемъ держался противоположныхъ, которыя я въ свою очередь могъ также легко опровергнуть.

Новосильцовъ уклонялся отъ дальнѣйшихъ со мною объясненій о моемъ проектѣ и при каждой встрѣчѣ говорилъ единственно о планѣ новой законодательной коммиссіи. Онъ сообщилъ мнѣ, что его величество неоднократно начиналъ съ нимъ говорить объ этой коммиссіи, что министръ юстиціи вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (каковымъ былъ назначенъ въ это время Новосильцовъ) должны составлять дирекцію этой коммиссіи, и что его величество, находя Державина (въ то время министра юстиціи) не соотвѣтствующимъ для этихъ новыхъ занятій, призналъ нужнымъ назначить министромъ юстиціи князя Лопухина [1]), пребывавшаго въ то время въ Парижѣ.

Такимъ образомъ единственнымъ предметомъ моихъ занятій являлось составленіе проекта устройства новой законодательной коммиссіи. Новою, побудительною причиною къ устройству такой коммиссіи явилось появленіе на французскомъ языкѣ, въ переводѣ Дюмона [2]), съ до-

---

[1]) Лопухинъ Петръ Васильевичъ, р. 1753 г., былъ при Екатеринѣ II генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I—министромъ юстиціи и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости въ 1799 году, онъ умеръ въ 1827 году.

[2]) Дюмонъ Петръ-Стефанъ, р. въ Женевѣ 18-го іюля 1759 г., былъ протестантскій пасторъ и замѣчательный проповѣдникъ, жившій въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ близко сошелся съ Фокомъ, Шериданомъ и особенно съ Бентамомъ; онъ раздѣлялъ всѣ взгляды и ученія послѣдняго и старался очень о ихъ распространеніи. Съ этою цѣлью онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1809 году. Возвратясь въ Женеву въ 1814 г., Дюмонъ сложилъ съ себя духовное званіе, сдѣлался членомъ представительнаго правленія и умеръ 29-го сентября 1829 г. въ Миланѣ.

полненіями, сочиненія Бентама [1]) о законодательствѣ. Дюмонъ, ранѣе уже пользовавшійся большимъ расположеніемъ общества, какъ прекрасный проповѣдникъ реформатской церкви въ Петербургѣ, обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ. Позднѣе онъ былъ приглашенъ въ Англію руководить воспитаніемъ сына богатаго лорда, а затѣмъ, появившись снова въ Петербургѣ, распространялъ сочиненія и взгляды знаменитаго Бентама и въ особенности его предположеніе основать на общихъ философскихъ началахъ законодательство и кодификацію. Дюмонъ былъ представленъ Новосильцову, Строганову, Чарторыйскому и поднесъ имъ свой переводъ означеннаго сочиненія Бентама. Означенныя лица пожелали имѣть и мое мнѣніе объ этой книгѣ. Я прочелъ ее, кромѣ того лично познакомился и встрѣчался съ ея издателемъ Дюмономъ у его племянника Френа (Fraen), также и Дюваля, очень почтенныхъ и достойныхъ уваженія людей, которыхъ я часто посѣщалъ и ранѣе съ большимъ удовольствіемъ и былъ очень радушно ими принятъ. Графъ Строгановъ пригласилъ меня однажды къ себѣ къ обѣду въ его саду вмѣстѣ съ Дюмономъ, имѣвшимъ при этомъ случай подробно изложить всѣ свои взгляды, а также и теорію Бентама. Примѣненіе этихъ теорій на дѣлѣ нигдѣ конечно не являлось большею исторической выдумкою, какъ въ Россіи. Едва-ли въ Россіи возможно было содержаніе дѣйствующаго русскаго законодательства изложить и разъяснить по началамъ, предлагаемымъ Бентамомъ. Книга Дюмона въ томъ видѣ, какъ она лежала предъ нами, являлась невозможною для чтенія и совершенно непонятною для русскаго историческаго міра [2]). Самый языкъ русскій, въ то время, не разработанный еще для изложенія философскихъ и юридическихъ опредѣленій и выраженій, являлъ непреодолимыя къ тому препятствія, хотя нельзя не замѣтить, что

---

[1]) Бентамъ Іеремій, р. 15-го февраля 1748 г., умеръ 1832 г., знаменитый англійскій публицистъ и философъ, въ основаніе всей своей системы положившій начало пользы. Его сочиненія были изданы на французскомъ языкѣ Дюмономъ и нашли почитателей среди наиболѣе вліятельныхъ людей того времени въ нашемъ отечествѣ. Кочубей, Салтыковъ, Чарторыйскій, Сперанскій и въ особенности Н. С. Мордвиновъ принадлежали къ ихъ числу.

[2]) Нельзя при этомъ не упомянуть, что по словамъ Дюмона Розенкампфъ былъ великій почитатель Бентама; онъ по моемъ пріѣздѣ, говоритъ Дюмонъ, поспѣшилъ увидѣться со мною, и мы много разъ съ нимъ бесѣдовали. Онъ нѣсколько поверхностенъ; но у него есть свѣдѣнія, и я полагаю, онъ могъ бы сносно вести редакцію, которую ему поручили, если бы имѣлъ мужество нѣсколько жертвовать своимъ самомнѣніемъ. Бѣда въ томъ, что онъ боится, что его назовутъ плагіаторомъ, если онъ будетъ пользоваться мыслями, которыя самъ не выдумалъ и т. д. (см. „Вѣстникъ Европы“ 1896 г. № 2, стр. 769—805 и слѣд.), статья А. Н. Пыпина „Русскія отношенія Бентама“.

*

вскорѣ явился опытъ перевода этого сочиненія на русскій языкъ [1]). Я съ большимъ удовольствіемъ видѣлся съ Дюмономъ, такъ какъ онъ былъ образованный человѣкъ, но не могъ усмотрѣть, какимъ образомъ проводимыя имъ начала могутъ быть имъ примѣнены при улучшеніяхъ, необходимыхъ для русскаго права вообще. Онъ, какъ я послѣ слышалъ, былъ этимъ не доволенъ, сердился на меня за это и позднѣе вручилъ Новосильцову, во время его пребыванія въ Лондонѣ, рѣзкую критику составленнаго мною плана трудовъ законодательной комиссіи. Эти воззрѣнія Бентама, приводимыя Дюмономъ, являлись въ Петербургѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, предметомъ оживленныхъ разговоровъ образованнаго общества. Всѣ не упускали случая отдавать должную справедливость автору и его переводчику за ихъ великій талантъ, большое остроуміе и проницательность, съ которыми изложены многія отдѣльныя главы, составляющія съ теоретической стороны само по себѣ прекрасно разработанное цѣлое.

Въ Россіи неоднократно возникала рѣчь о составленіи новой книги законовъ. Потребность въ точно опредѣленномъ управленіи проявляется иногда и въ деспотическихъ странахъ; не рѣдко масса населенія полагаетъ, что все заключается въ одной книгѣ законовъ, не зная вовсе, что можетъ произвести подобная книга и что можетъ она (масса населенія) въ ней найти въ отношеніи собственныхъ ея правъ и улучшенія положенія, такъ какъ масса населенія не всегда знаетъ, въ чемъ собственно кроется зло. Что Петръ Великій сдѣлалъ для государства и что онъ именно хотѣлъ сдѣлать — извѣстно народу только въ самыхъ общихъ чертахъ и при томъ только по преданіямъ. О томъ, насколько различныя его правительственныя мѣропріятія сохранились въ основанныхъ имъ учрежденіяхъ, доселѣ существующихъ, знаютъ всего менѣе, такъ какъ со временъ Петра I не только Петербургъ, но и вся Россія до того измѣнились, что изъ существовавшаго при Петрѣ I почти ничего нельзя узнать въ настоящее время. Также о большой комиссіи депутатовъ, созванной Екатериною II, и о знаменитомъ Наказѣ, составленномъ для нея великою императрицею изъ очень хорошихъ ис-

---

[1]) Вѣроятно, Розенкампфъ имѣетъ въ виду вышедшій на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Бентама „Traités de législation civile et penale“, подъ заглавіемъ „Разсужденія о гражданскихъ и уголовныхъ законоположеніяхъ съ предварительнымъ изложеніемъ началъ законоположеній и всеобщаго начертанія полной книги законовъ и съ присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно законовъ. Сочиненіе Бентама, переведенное Михаилъ Михайловымъ (вѣроятно Сперанскимъ?) съ прибавленіемъ дополненій, отъ Дюмона сообщенныхъ.“ По высочайшему повелѣнію въ 3-хъ томахъ. С.-Петербургъ, 1805 г. въ типографіи Шнора. Эта книга имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ.

точниковъ и не безъ прилежнаго ихъ изученія, — масса публики едвали что помнитъ; только весьма немногіе могутъ основательно судить о нихъ. Отъ одного правительства до другаго издавались отдѣльныя узаконенія, не составляющія одного законченнаго цѣлаго, а теперь, при молодомъ государѣ, подающемъ прекрасныя надежды, снова возникли въ большомъ размѣрѣ различнаго рода ожиданія, и болтуны нашли себѣ новый обильный матеріалъ для громкихъ разговоровъ. Такъ какъ слова государя и окружавшихъ его лицъ быстро распространялись въ публикѣ, а въ этихъ словахъ не рѣдко упоминалось и мое имя, то благодаря этому я мое положеніе обратило на себя вниманіе публики.

Послѣдній мой разговоръ съ его величествомъ въ особенности увеличилъ мои заботы о возложенномъ на меня порученіи. Въ то время я еще не зналъ ни государя, ни вообще положенія дѣлъ въ той мѣрѣ, въ какой имѣлъ случай изучить то и другое позднѣе, но тѣмъ не менѣе имѣлъ достаточно основаній къ тому, чтобы болѣе опасаться за прекрасную цѣль, которой посвятилъ всю свою жизнь, нежели надѣяться достигнуть желаннаго успѣха. Но какъ люди вообще никогда не перестаютъ надѣяться, то и я слѣдовалъ тому же и приложилъ всѣ свои силы, чтобы съ наибольшею дѣятельностью подвигаться впередъ при исполненіи возложеннаго на меня новаго порученія. Осень является благопріятнымъ для такихъ работъ временемъ. Мои покровители возвратились въ городъ со своихъ дачъ, и я, вполнѣ погрузившись въ работы, пересталъ даже думать о той запискѣ, о которой намекнулъ мнѣ его величество въ послѣднемъ разговорѣ. Между тѣмъ 3-го ноября вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь, который, вручивъ мнѣ пакетъ съ надписью рукою его величества, сообщилъ мнѣ, что получилъ приказаніе вернуться ко мнѣ по истеченіи недѣли, чтобы получить обратно присланное съ нимъ и доставить его величеству, который изволилъ отправиться въ Царское Село.

Этотъ пакетъ меня очень обрадовалъ; онъ доказывалъ, что государь помнилъ о разговорѣ со мною, такъ какъ въ пакетѣ заключалась, повидимому, та записка Лагарпа, которую его величество выразилъ намѣреніе прислать мнѣ. Новосильцовъ, ранѣе упомянувъ мнѣ о ней, находилъ, что записка имѣетъ слишкомъ либеральное направленіе. Я прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ. Авторъ высказывалъ въ ней свои воззрѣнія на обязанности русскаго властителя, который долженъ вывести подвластные ему народы изъ крѣпостной зависимости, привести ихъ къ законно-правому порядку, преобразовать многія учрежденія и законы и прилагать всѣ свои силы и наибольшую настойчивость къ осуществленію этой возвышенной цѣли, которая одна уже доставитъ ему безсмертіе и душевное спокойствіе. Авторъ писалъ съ великою

откровенностію и ничѣмъ не стѣсняясь. Но видимо зналъ Россію во всѣхъ ея отношеніяхъ очень мало; внутреннее положеніе государства было также ему не извѣстно, но основныя начала государственнаго строя имперіи, а также ея управленія были ему въ общихъ чертахъ довольно хорошо знакомы. Любовь и наклонность автора къ централизаціи вообще, къ господствовавшимъ идеямъ того времени, и въ особенности къ французской централизаціи, проглядывали въ каждой строкѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія и затрудненій, представляемыхъ внутренними обстоятельствами и отношеніями страны къ достиженію государемъ указанныхъ имъ цѣлей. Все это имѣло безспорно свою цѣну, и записка имѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на воззрѣнія Александра I. Если онъ впослѣдствіи едва-ли остался ей вѣренъ, то, тѣмъ не менѣе, произведенныя ею на императора впечатлѣнія не остались безслѣдными для того времени и даже для будущаго. Чрезъ восемь дней точно явился ко мнѣ фельдъегерь снова, и я возвратилъ съ нимъ записку его величеству, при слѣдующемъ краткомъ письмѣ:

«Ваше величество соизволили доставить мнѣ большое удовольствіе чтеніемъ прилагаемой интересной записки. Я совершенно согласенъ съ изложенными въ ней началами и чувствами автора, которому завидую, но впрочемъ въ запискѣ встрѣчаются взгляды объ устройствѣ административныхъ властей, которые я не могу вполнѣ раздѣлять. Пребываю у ногъ вашихъ».

Взявъ изъ архива бывшей законодательной комиссіи необходимыя для меня бумаги, я сталъ заниматься проектомъ устройства новой законодательной комиссіи, и работа моя настолько быстро подвигалась впередъ, что скоро было приступлено къ ея разсмотрѣнію моими благожелателями. Новосильцовъ, Строгановъ и Чарторыйскій относились очень благосклонно и терпѣливо ко всѣмъ моимъ вопросамъ и разъясненіямъ. По поводу доклада его величеству о какихъ-то двухъ канцелярскихъ чиновникахъ и переписчикахъ, я узналъ, что государь императоръ освѣдомлялся, насколько подвинулась уже моя работа. Въ началѣ декабря мой проектъ былъ готовъ и представленъ совсѣмъ Новосильцову. Согласно полученному мною ранѣе приказанію его величества, я заготовилъ одновременно и другой экземпляръ этого проекта и вручилъ его въ секретаріатѣ, бывшемъ передъ царскимъ кабинетомъ. Его величество не находился въ кабинетѣ, а потому я оставилъ мой проектъ камеръ-лакею для представленія его величеству, при слѣдующихъ строкахъ: «Согласно приказанію вашего императорскаго величества, пріемлю смѣлость представить проектъ учрежденія комиссіи и планъ ея занятій для составленія законовъ».

Чрезъ нѣсколько дней я узналъ отъ Новосильцова, что онъ докладывалъ государю императору мой проектъ и что таковой съ незначи-

тельными измѣненіями удостоился вообще одобренія его величества. Такимъ образомъ предстояло только изложить эти измѣненія и исполнить прочія формальности. Государь предоставилъ все это сдѣлать Новосильцову. Передъ самымъ новымъ годомъ или немедленно послѣ его наступленія долженъ былъ состояться послѣдній докладъ, а затѣмъ послѣдовать и самое обнародованіе утвержденнаго проекта. Такимъ образомъ самое существенное дѣло было окончено. Однако различныя, отдѣльныя подробности, относительно устройства помѣщенія для новой коммиссіи и содержаніе онаго заняли болѣе времени, нежели я предполагалъ, въ продолженіе котораго князь Лопухинъ, возвратявшійся изъ своего заграничнаго путешествія, былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это побудило Новосильцова вмѣстѣ со мною поѣхать къ князю и познакомить его съ составленнымъ проектомъ. Князю Лопухину было уже извѣстно, что его величество остался доволенъ моею работою, и онъ соглашался со всѣмъ, мною изложеннымъ.

Лопухину было по моему мнѣнію въ то время лѣтъ 60; онъ обладалъ очень красивою наружностью и постоянно веселымъ словомъ и запасомъ забавныхъ анекдотовъ. Онъ постоянно говорилъ о себѣ «я добрый малый», что во многихъ отношеніяхъ было вѣрно. Однако общество, публика почему-то его не долюбливали. Фамилія Лопухиныхъ татарскаго происхожденія[1]); по разнымъ историческимъ спискамъ XV столѣтія одинъ изъ ея членовъ переселился въ Россію и принялъ христіанскую вѣру. Князь происходилъ, по боковой линіи, отъ извѣстнаго въ Петровскія времена семейства Лопухиныхъ, изъ среды котораго была избрана первая супруга Петра Великаго, мать несчастнаго царевича Алексѣя и бабка Петра II. При дѣтяхъ императрицы Екатерины I эта фамилія не была въ чести и милости, но ей возвращены были отобранныя ранѣе имѣнія. Во времена Екатерины II существовалъ одинъ потомокъ этой вѣтви, именно сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ[2]), покровитель религіозныхъ возрѣній, ревностный мартинистъ, щедрый благотворитель бѣднымъ, подаяніями разстроившій свое состояніе. Онъ пользовался большою извѣстностью въ Россіи. Князь Лопухинъ принадлежалъ къ другой вѣтви того же семейства, не столь богатой. Еще будучи унтеръ-офицеромъ гвардіи, онъ стоялъ однажды въ 1763 году на караулѣ въ Ригѣ, во время пребыванія императрицы,

---

[1]) Самое названіе происходитъ отъ татарскаго слова—лопухъ.
Примѣч. Розенкампфа.

[2]) Лопухинъ Иванъ Владиміровичъ, р. 1756 г., внукъ царицы Евдокіи, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей масонства въ Москвѣ, былъ сенаторомъ, отличался сострадательностью и непреклонностью мнѣній въ пользу смягченія участи преступниковъ. Онъ авторъ нѣкоторыхъ философско-религіозныхъ сочиненій. Лопухинъ умеръ въ 1816 году.

и герцогъ Бирон, находившійся въ передней комнатѣ, обративъ вниманіе на красиваго молодаго солдата, заговорилъ съ нимъ по-русски. Лопухинъ, служившій ранѣе рядовымъ въ Лифляндіи и владѣвшій довольно порядочно нѣмецкимъ языкомъ, отвѣтами своими понравился герцогу, который и рекомендовалъ его императрицѣ. Она скоро произвела Лопухина въ офицеры гвардіи, а затѣмъ онъ скоро дослужился до чина полковника. Вступивъ въ бракъ съ богатою особою, Лопухинъ вышелъ въ отставку бригадиромъ. Позднѣе онъ снова вступилъ въ службу и былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, а затѣмъ и губернаторомъ въ Москвѣ. Государыня очень подозрѣвала, что и онъ принадлежитъ къ мартинистамъ или масонамъ, удалила его изъ Москвы, назначивъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославль. Во время пребыванія Лопухина въ Москвѣ, при коронованіи Павла I, красивая дочь его, позднѣе вышедшая въ 1805 году за князя Гагарина, очень понравилась молодому императору. Лопухинъ прибылъ въ Петербургъ, былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, пожалованъ графомъ, потомъ княземъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго, одаренъ большими помѣстьями и украшенъ портретомъ императора. По удаленіи Державина, Лопухинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи и отправлялъ эту должность до 1810 года, когда былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта, и наконецъ и предсѣдателемъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, послѣ кончины князя Салтыкова. Кромѣ того Лопухинъ былъ возведенъ въ число особъ перваго класса и былъ фельдмаршаломъ. По его собственнымъ словамъ, онъ родился въ 1746 году, по словамъ же Н. Новикова—въ 1744 году. Мнѣ придется впослѣдствіи не разъ упоминать объ этомъ лицѣ, занявшемъ, какъ министръ юстиціи, также почетное мѣсто предсѣдателя въ дирекціи законодательной коммиссіи, въ которой главнымъ начальникомъ и руководителемъ ея дѣятельности былъ Н. Новосильцовъ. Отъ самого императора я лично не получалъ никакихъ указаній по дѣламъ коммиссіи.

Всѣ предварительныя распоряженія по открытію означенной коммиссіи не могли быть окончены ранѣе февраля мѣсяца 1804 г., и только 28-го числа этого мѣсяца она приступила къ своимъ занятіямъ, когда былъ посланъ Сенату указъ о ея учрежденіи вмѣстѣ съ приложеніями для ихъ распубликованія.

Помѣщеніе для коммиссіи было пріискано какъ разъ противъ дома Козодавлева, это обстоятельство дѣлало для меня еще пріятнѣе прекрасное помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что и мой другъ Кампенгаузенъ [1]) жилъ также въ домѣ Козодавлева.

[1]) Кампенгаузенъ, баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, р. въ 1772 году въ Лифляндіи, обучался въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, состоялъ при нашемъ

Мѣсяцы мартъ и апрѣль прошли въ перевозкѣ въ это помѣщеніе архивовъ прежнихъ законодательныхъ коммиссій, а также въ различныхъ приспособленіяхъ къ предстоящимъ занятіямъ вновь учрежденной коммассіи составленія законовъ.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

посольствѣ въ Стокгольмѣ въ 1796 году, а позднѣе завѣдывалъ коммерческимъ училищемъ въ Москвѣ, былъ государственнымъ казначеемъ въ 1810 г. и въ 1811 г.—назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1823 г. онъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ томъ же 1823 году сентября 11-го умеръ.

Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

II [1]).

Охлажденіе къ работамъ законодательной комиссіи со стороны императора.—Школа правовѣдѣнія.—Еще характеристика Александра и Наполеона.—Чарторыйскій и Будбергъ.—Ухудшеніе матеріальнаго положенія Розенкампфа.—Нерѣшительность Александра.—Охлажденіе къ Новосильцову.—Перемѣна политики послѣ Прейсишъ-Эйлау.—Новое порученіе комиссіи законовъ.—Сперанскій по описанію Розенкампфа.—Паденіе Новосильцова.—Возвышеніе Сперанскаго.—Преобразованіе комиссіи законовъ.—Закрытіе школы правовѣдѣнія.—Государственный Совѣтъ.—Невзгоды и смерть Розенкампфа.

На основаніи высочайше утвержденнаго положенія о комиссіи законовъ, 28-го февраля 1804 года (I. П. С. З. № 20171), подписаннаго княземъ Лопухинымъ и Новосильцовымъ и скрѣпленнаго мною какъ главнымъ секретаремъ и первымъ ея референдаріемъ, комиссія находилась въ полной независимости отъ Сената и другихъ учрежденій и получала приказанія только отъ его императорскаго величества. Она занималась единственно законами, устарѣлый слогъ которыхъ представлялъ собою не мало затрудненій, очень не многія лица могли хотя отчасти понимать законы и еще меньшее число—толковать ихъ. Положенія о комиссіи законовъ были въ 1805 г. переведены на иностранные языки и напечатаны, кромѣ русскаго языка, еще на англійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и французскомъ [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1904 г.

[2]) Упоминаемыя Розенкампфомъ положенія были напечатаны въ 1805 г. въ типографіи Шнора подъ заглавіемъ «Труды комиссіи составленія законовъ» и при томъ въ двухъ видахъ: въ одну 8 долю листа, а другое въ

Англійскій переводъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ ганноверскаго посольства въ Петербургѣ, въ то время, Таттеромъ или скорѣе самимъ графомъ Мюнстеромъ; я имѣю у себя оригиналъ его руки. Императоръ не разъ бесѣдовалъ о законодательствѣ съ весьма образованнымъ графомъ. Латинскій переводъ сдѣлалъ Гаубольдъ (Haudold). Я охотно признаю себя авторомъ этого положенія и сопровождающаго оное плана со всѣми приложеніями и разъясненіями, положившихъ начало историко-практическому методу разработки права въ Россіи, который я съ тѣхъ поръ проводилъ и въ моихъ лекціяхъ по русскому праву, во многихъ моихъ разсужденіяхъ о правѣ и въ совѣщаніяхъ законодательной коммиссіи, особенно въ происходившихъ въ 1812 году. Нѣкоторыя мѣста утвержденнаго въ 1804 году плана могли бы быть изложены обстоятельнѣе на русскомъ языкѣ, но не должно забывать, что это было не обстоятельное изслѣдованіе, а только программа для большой работы, относящейся къ области юридической литературы.

Правильныя засѣданія дирекціи коммиссіи происходили еженедѣльно по субботамъ въ ея помѣщеніи. Докладчики представляли дирекціи свои работы по мѣрѣ ихъ исполненія, я же составлялъ общіе ежемѣсячные отчеты занятіямъ, изъ которыхъ составлялись доклады его величеству, представляемые княземъ Лопухинымъ. Новосильцовъ попрежнему являлся главнымъ руководителемъ нашей дѣятельности. На сколько было возможно, я пользовался случаемъ обсуждать съ нимъ и княземъ Чарторыйскимъ разнообразные, возникавшіе при нашихъ работахъ вопросы. Чарторыйскій обыкновенно говорилъ очень мало, выражался кратко, односложными словами и казался разсѣяннымъ, но это потому, что предавался вполнѣ предмету и болѣе обдумывалъ, нежели говорилъ. Онъ высказывался только въ рѣдкихъ случаяхъ, обуреваемый различными воззрѣніями, и при томъ въ сильныхъ, образныхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя должно было тщательно улавливать, такъ какъ рѣчь его быстро прекращалась. Онъ обладалъ большою проницательностію, въ полномъ значеніи этого слова, но не могъ тягаться въ преніяхъ съ Новосильцовымъ, говорившимъ очень хорошо, потому что обращалъ вниманіе исключительно на главную мысль, оставляя все прочее безъ вниманія. Его письменныя произведенія чужды всякихъ литературныхъ украшеній и отличаются силою выраженій. Въ этомъ всякій можетъ легко убѣдиться, прочтя со вниманіемъ записки его на французскомъ языкѣ о политикѣ въ отношеніи Франціи. Я читалъ

одну 4, и въ этомъ послѣднемъ, кромѣ высочайше утвержденнаго доклада 28-го февраля 1824 о преобразованіи коммиссіи составленія законовъ и различныхъ выписокъ изъ журналовъ коммиссіи за время съ 26-го марта по 13-е сентября 1804 г., имѣются и переводы ихъ на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій. Польскаго перевода не оказывается.

также въ рукописи его основательныя сужденія объ англійскихъ учрежденіяхъ и рѣчь его при погребеніи графа Бѣлинскаго [1]), а также примаса Польши—Воронича [2]); все это написано рукою мастера. Въ многочисленныхъ совѣщаніяхъ нашихъ я имѣлъ не слишкомъ много съ нимъ объясненій, но достаточно, чтобы оцѣнить его способности. Я получилъ отъ него непосредственно порученіе составить проектъ конституціи для Іоническихъ острововъ [3]), принадлежавшихъ одно время Россіи; министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда графъ Каподистріа. Не могу сказать, чтобы эта работа была удачна, но я старался на сколько могъ сохранить своеобразность этой страны и ея обывателей.

Его величество обратилъ вниманіе на нѣкоторыя части составленнаго мною плана по русскому государственному праву, и въ началѣ іюня князь Лобановъ, потребовавъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ высочайшее приказаніе—заняться закономъ о престолонаслѣдіи и проектомъ конституціи для Россіи! Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ...

Коммиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами существующаго государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный ихъ выводъ, конституцію. Это вѣнецъ великаго зданія, который должно не только нарисовать на бумагѣ, но основать на прочномъ русскомъ фундаментѣ. Между тѣмъ, не только не были еще собраны многіе законы, относящіеся до различныхъ сословій подданныхъ въ государствѣ, до городскаго и общиннаго правленія, до правъ и преимуществъ дворянства, городскихъ обывателей, до крестьянскаго населенія, гражданскихъ правовыхъ ихъ отношеній и т. д.,

---

[1]) Бѣлинскій (Петръ), р. 1754 г., служилъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, былъ членомъ Гродненскаго сейма и большой патріотъ. Послѣ 3-го раздѣла Польши удалился въ деревню, но въ 1807 г. былъ снова членомъ временнаго правительства, составлялъ польскую конституцію 1807 года, участвовалъ въ Байонской конвенціи; былъ сдѣланъ графомъ въ 1825 г. и умеръ въ Варшавѣ въ 1829 году. Онъ отличался замѣчательною справедливостью.

[2]) Вороничъ, р. 1757 г. въ Волыни, былъ сперва въ орденѣ іезуитовъ и потомъ миссіонеромъ варшавскимъ и достигъ званія епископа краковскаго въ 1815 г., а затѣмъ и архіепископа варшавскаго въ 1827 г. Онъ совершалъ обрядъ коронованія въ Варшавѣ императора Николая въ 1829 г. и въ томъ году умеръ. Вороничъ занимался много литературою и оставилъ много сочиненій въ стихахъ и прозѣ и былъ замѣчательный проповѣдникъ.

[3]) Іоническіе острова близъ береговъ Греціи, принадлежавшіе Турціи были завоеваны въ 1797 г. Франціею, затѣмъ были заняты въ 1799 году Россіею и составили особую республику подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. По Тильзитскому миру 1807 г. эти острова уступлены опять Франціи и находились въ ея владѣніи до 1815 года, когда на основаніи Парижскаго мира были преобразованы въ полусамостоятельное государство подъ покровительствомъ Англіи.

все это предстояло еще разобрать по народностямъ и различнымъ мѣстностямъ, разсмотрѣть и вызвать къ большей жизни,—прежде, нежели докладывать государю о конституціи. Неужели же намъ предстояло, какъ прежнимъ кодификаторамъ или эмпирическимъ смѣльчакамъ прожекторамъ, составить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только весьма поверхностный очеркъ, остовъ, который ничего въ точности опредѣлять не будетъ. Исполняя подобное порученіе, можно было только набросать очеркъ. Однако и для составленія хорошаго очерка необходимо по крайней мѣрѣ изучить анатомію всего организма и имѣть предъ собою хорошій манкенъ. Тутъ же однако рѣчь шла не о рисованіи, но объ основательномъ начертаніи строя всего государственнаго организма, составленнаго изъ весьма разнообразныхъ частей. Все это я высказалъ Лопухину быть можетъ для него не достаточно ясно, а затѣмъ обязанный повиноваться, составилъ ему общій желаемый очеркъ съ необходимыми подраздѣленіями, заполнивъ ихъ ссылками на различныя государственныя правовыя положенія, почерпнутыя изъ разнообразныхъ узаконеній. Тѣмъ не менѣе и этотъ очеркъ имѣлъ множество пробѣловъ; я въ немъ не касался вовсе правъ низшаго (крестьянскаго) сословія, предоставивъ себѣ изложить это впослѣдствіи.

Что же касается закона о престолонаслѣдіи, то онъ не могъ представлять собою что-либо иное, какъ постатейное систематическое изложеніе акта избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и указовъ Петра I, Анны Іоанновны и Павла I; онъ могъ имѣть за собою ту заслугу, что соединялъ въ одно цѣлое всѣ разновременно изданныя объ этомъ узаконенія.

Мои труды являлись по истинѣ дѣйствительно какими-то спѣшными, незрѣлыми, въ которые я едва-ли могъ вложить какія-либо начала къ будущему ихъ развитію. Мнѣ было очень прискорбно, что его величество, повидимому, уже забылъ происходившій со мною разговоръ и, такъ какъ, по словамъ князя Лопухина, государь остался моими трудами очень доволенъ, то меня заботила все болѣе и болѣе мысль, что и прочіе отдѣлы законодательства будутъ разсматриваться столь же поверхностно.

Чѣмъ болѣе я свыкался съ Петербургомъ, чѣмъ болѣе знакомился съ людьми и его величествомъ, тѣмъ болѣе меня безпокоило то особенное направленіе, которое принимало дѣло вообще. Я замѣчалъ ясно сомнѣнія, безпокойство, проявлявшіяся въ ближайшихъ къ государю лицахъ, какъ напр. у Новосильцова, Чарторыйскаго, Кочубея, Строганова и прочихъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе частыя сношенія съ его величествомъ и окружавшими его лицами. Не только измѣнились дворъ и все высшее управленіе, но даже всѣ стремленія и направленія. Старое и новое какъ-бы таились въ темнотѣ. Никто по истинѣ не

зналъ, что собственно желаетъ государь. Замѣчали только, что не господствовалъ болѣе ни духъ царствованія Екатерины II, ни духъ временъ Павла I и что не будетъ болѣе господствовать. При дворѣ не было прежней торжественности. Только вдовствующая императрица (Марія Ѳеодоровна) держалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старыхъ традицій; но она лучше всякаго другаго знала непреклонность государя. Разныя канцеляріи умножились, но уваженіе къ нимъ исчезло, такъ какъ онѣ сами относились съ меньшимъ уваженіемъ къ возложеннымъ на нихъ занятіямъ. Ощущался недостатокъ въ общемъ руководящемъ принципѣ правленія. Все раздробилось на мелкія части. Толчекъ, ранѣе исходившій непосредственно сверху, не руководилъ уже общественное мнѣніе, какъ это было во времена великой императрицы. Правда, на обществѣ не тяготѣлъ уже страхъ, отличавшій дни Павла I; положеніе вообще не было уже столь жестко; но отсутствіе опредѣленныхъ правилъ и началъ стало не только менѣе, но гораздо болѣе. Съ введеніемъ министерствъ, нападкамъ новыхъ преобразованій подверглось все старое управленіе, своимъ столѣтнимъ существованіемъ достигшее извѣстной устойчивости. Эти новаторы, опираясь на взгляды, выраженные въ запискѣ 1803 года іюня, выдвинули изъ колеи всю основу государственнаго зданія.

Вниманіе его величества было скорѣе обращено на другіе предметы, казавшіеся ему во всякомъ случаѣ болѣе важными, нежели моя дѣятельность въ коммиссіи, и хотя онъ по-прежнему благосклонно читалъ представляемые ему мною отчеты, но пересталъ уже обращать свое непрерывное вниманіе на самый ходъ работъ коммиссіи. Я еще находился въ заблужденіи, что мой докладъ разъяснитъ ему сущность дѣла, и только позднѣе покинулъ я эту мою вѣру и надежду.

Неправедные захваты Бонапарта съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе. Проницательный, искренно преданный своему другу и державному повелителю, Чарторыйскій давно уже подмѣтилъ это и настаивалъ на необходимости заключить союзъ съ Англіею. Оцѣняя вѣрно способность Новосильцова въ изложеніи дѣлъ, Чарторыйскій предлагалъ избрать его орудіемъ для заключенія подобнаго союза. Дѣйствительно, поздно осенью Новосильцовъ отправился въ Готеборгъ, откуда на ожидавшемъ его фрегатѣ «La Chiffone» переѣхалъ въ Англію. Строгановъ долженъ былъ замѣщать его въ совѣщаніяхъ, касавшихся различныхъ дѣлъ по законодательной коммиссіи. Государю по-прежнему докладывали о всемъ происходившемъ въ коммиссіи. Лопухинъ очутился единственнымъ моимъ начальникомъ по виду. Онъ дѣлался выдающимся человѣкомъ; мнѣ предстояло его изучать и обучать новымъ для него занятіямъ, чтобы склонить его въ пользу моихъ воззрѣній. Онъ скоро съ ними согласился, сталъ приглашать къ себѣ

редакторовъ, шутилъ надъ маргиналами, предложенными мною для выписокъ опредѣленій изъ законовъ, я все шло очень хорошо. Послѣ перваго своего доклада государю, онъ очень изумилъ меня предъявленіемъ указа, которымъ мое содержаніе увеличивалось прибавкою 3.000 руб. столовыхъ денегъ. Я напрягалъ до чрезвычайности мои силы къ работѣ, мое умственное достояніе достигло высшаго развитія, и мнѣ въ настоящую минуту все улыбалось. Государь остался очень доволенъ первымъ годовымъ отчетомъ о трудахъ коммиссіи и пожаловалъ мнѣ 1-го января 1805 г. орденъ св. Анны 2-й степени. Въ чемъ же состояли мои занятія? Въ томъ, чтобы собрать и привести въ порядокъ весь матеріалъ для пересмотра нашего законодательства и тѣмъ положить основаніе такъ называемымъ въ римскомъ правѣ институціямъ. Все въ дѣлѣ этомъ зависѣло однако отъ воли его величества и отъ его воззрѣній. Такъ какъ мнѣ не представлялось случая имѣть какое-либо вліяніе на эти воззрѣнія лично или непосредственно, то мнѣ оставалось только вліять на нихъ очень посредственно, и нерѣдко самыя цѣлесообразные предположенія и проекты оставались безъ той жизненной силы, исходящей въ Россіи только отъ монарха. Всѣ эти проекты являлись прекрасными желаніями (pia desideria), которыя, до дѣйствительнаго ихъ осуществленія проходя рядъ посредствующихъ инстанцій, встрѣчаютъ на пути своемъ неопреодолимыя препятствія.

Отъ меня императоръ могъ требовать обстоятельно обдуманной работы и при этомъ большаго вниманія, ему же, какъ и моему начальнику, предстояло не только ее разсмотрѣть, но и точно также провѣрить, взвѣсить и серьезно обсудить представляемое; недостатка въ проницательности, для этого необходимой, не было.

Читающій въ сердцахъ людей знаетъ, что я при своихъ трудахъ не руководился никакими посторонними побужденіями или стремленіями. Я не искалъ ни чиновъ, ни почестей и не добивался имѣть вліяніе; я хотѣлъ быть только полезнымъ; это была единственная цѣль моихъ стремленій. Домашнія заботы меня не тревожили, я не имѣлъ дѣтей которыхъ бы предстояло мнѣ воспитывать.

Бесѣды съ моею высоко образованною супругою отрадно и пріятно заполняли время, не посвященное служебнымъ занятіямъ. Какъ счастлива была бы моя старость, если бы я съумѣлъ предотвратить первый мой шагъ на скользкомъ поприщѣ петербургской службы! Но мнѣ недостало тогда ни зрѣлаго обсужденія, ни твердаго рѣшенія, а между тѣмъ представлялись ежедневно новые соблазны. Уже въ то время, когда я цѣлые вечера просиживалъ съ моими благожелателями, считавшимися тогда любимцами государя, имѣвшими со своими докладами всегда открытый къ нему доступъ, уже въ то время я примѣтилъ, что имъ также предстояло преодолѣвать не мало затрудненій, изъ числа

которыхъ однимъ изъ самыхъ главныхъ являлось то, что они стояли на зыбкой почвѣ и не на вполнѣ соотвѣтствующей имъ ступени. Въ то время мнѣ легко было бы съ полнымъ почетомъ возвратиться къ моимъ сельскимъ занятіямъ въ Лифляндіи, снова жить для себя и посвятить себя любимымъ историческимъ занятіямъ, ранѣе мною уже начатымъ. Я по временамъ читалъ тогда сочиненіе Цицерона De officiis,—богатое сокровище жизненныхъ истинъ, полное утѣшеній при неудавшемся жизненномъ поприщѣ. Занятія исторіею несравненно болѣе удовлетворяютъ человѣка, нежели законодательныя работы, при которыхъ всегда находишься въ борьбѣ съ дѣйствительностію и отвлеченностію.

Весною Новосильцовъ возвратился изъ Англіи, съ которою былъ заключенъ въ то время союзъ. Война съ Франціею становилась неизбѣжною. Я опасался не безъ основанія, какъ того вліянія, которое такая война окажетъ на ходъ нашего законодательства вообще, такъ и того, которое занятія по дипломатической части могутъ оказать на Новосильцова. Послѣдствія подтвердили мои опасенія и доказали, что таковыя были болѣе или менѣе основательны.

По возвращеніи своемъ изъ Англіи, Новосильцовъ уже не сталъ обращать, какъ прежде, напряженнаго вниманія на законодательныя работы и въ особенности на самую важную часть ихъ, на основныя начала государственныхъ учрежденій. Я очень часто повторялъ ему и также друзьямъ его, Чарторыйскому и Строганову, съ которыми теперь встрѣчался гораздо рѣже, что работа коммиссіи законовъ отнюдь не можетъ ограничиваться однимъ составленіемъ, такъ называемой, книги законовъ, что частное гражданское право, какъ это ясно и кратко высказано въ предварительномъ объясненіи къ французскому кодексу, можетъ основаться на государственномъ публичномъ правѣ, на которое и должно обратить особенное вниманіе, потому что иначе нельзя многое исправить и улучшить въ гражданскихъ законахъ, что законодательныя работы должны главнымъ образомъ коснуться пересмотра законовъ о состояніяхъ, какъ-то закономѣрнаго положенія нижняго класса населенія Имперіи, составляющаго $^{9}/_{10}$ всего ея населенія, городскаго общественнаго управленія, положенія о дворянскихъ собраніяхъ и т. д. Между тѣмъ коммиссія пока занимается только выясненіемъ современнаго положенія различныхъ частей дѣйствующаго права. Основныя начала частнаго права были намъ настолько достаточно извѣстны, что самыя важныя изъ нихъ не были бы отодвинуты на задній планъ. Вниманіе его величества, какъ я всегда утверждалъ, должно непрестанно обращаться на учрежденія государственныя, какъ наиболѣе постоянныя, всѣ же остальныя подвергались непрерывно измѣненіямъ. Должно было опасаться, что неизбѣжно долгій ходъ нашихъ подготовительныхъ работъ будетъ казаться государю скучнымъ. Но мои слова

оказывали мало вліянія... Самый существенный предметъ законодательства былъ отстраненъ отъ глазъ, и предстояло заняться только механическою стороною дѣла, которая и находилась въ моихъ рукахъ.

Тѣмъ временемъ я жилъ очень пріятно. Пріѣздъ въ столицу двухъ очень интересныхъ лицъ, каждый въ своемъ родѣ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе; это были: совѣтникъ финансовъ Гекингъ [1]), извѣстный ветеранъ среди писателей, и Піатоли, прибывшій по тяжебному дѣлу [2]) курляндскаго герцогскаго семейства. Я велъ это дѣло для нихъ въ Сенатѣ и совершенно его выигралъ. Піатоли былъ нѣкогда пріятель и другъ Чарторыйскаго. Онъ былъ классически образованный и ученый человѣкъ, обладавшій большими познаніями и владѣвшій многими языками, кромѣ нѣмецкаго однако. Я съ ними обоими велъ впослѣдствіи въ продолженіе многихъ лѣтъ переписку. Они оба были сдѣланы почетными членами коммиссіи законовъ.

Не стану говорить о ходѣ военныхъ дѣйствій въ 1805 году, всѣмъ извѣстныхъ уже; замѣчу только, что Новосильцовъ и Чарторыйскій сопровождали императора Александра I въ этомъ его походѣ въ предѣлы австрійскихъ владѣній. Кампанія кончилась сраженіемъ при Аустерлицѣ, въ которомъ потерпѣло первое пораженіе и вліяніе обоихъ друзей, пытавшихся удержать государя отъ сраженія, принимаемаго въ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Кутузовъ также раздѣлялъ ихъ

---

[1]) Гекингъ (Göking) Леопольдъ, р. 1748 г. въ Геттингенѣ, занимался камеральными науками и служилъ по финансовому вѣдомству въ Берлинѣ и былъ тайный совѣтникъ. Онъ умеръ въ 1828 году. Піатоли (Сципіонъ), р. въ 1750 г. въ Флоренціи, былъ священникъ у графа Маркизіо, перваго министра въ Моденѣ, и, пользуясь его библіотекою, пріобрѣлъ большія, разностороннія свѣдѣнія. Познакомившись съ княземъ Любомірскимъ, переѣхалъ въ Варшаву, предался политикѣ, имѣлъ большое вліяніе на Станислава-Августа и вмѣстѣ съ нимъ покинулъ Польшу. Онъ жилъ въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ герцогомъ Курляндскимъ и сдѣлался учителемъ его дочерей. Вмѣстѣ съ опекуномъ и Гекингомъ Піатоли прибылъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу курляндскихъ герцогинь и познакомился съ Адамомъ Чарторыйскимъ, который опредѣлилъ его на русскую службу въ качествѣ секретаря своего и взялъ его съ собою во время войны 1805 года въ армію. Піатоли велъ тогда большую переписку и писалъ не мало важныхъ дипломатическихъ бумагъ По возвращеніи въ Петербургъ онъ вышелъ въ отставку, покинулъ Россію поселился въ Альтенбургѣ и предался вполнѣ филологическимъ занятіямъ, онъ особенно занимался Ювеналомъ. Піатоли умеръ въ 1809 г. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Фитингофъ, покинувъ духовное званіе.

[2]) По этому дѣлу младшая мужская линія заявляла притязанія на наслѣдство, доставшееся женской линіи курляндскихъ герцоговъ, болѣе чѣмъ на милліонъ альбертъ-талеровъ доходовъ съ герцогскихъ аллодіальныхъ владѣній. Вдовствующая герцогиня сама прибыла въ Петербургъ, чтобы хлопотать по этому дѣлу.

мнѣніе. Но государь былъ увлеченъ юношескимъ пыломъ князя Долгорукова.

По возвращеніи Александра I въ столицу, все повидимому пошло обычнымъ путемъ. Между тѣмъ, по словамъ молвы, Новосильцовъ и Чарторыйскій перестали уже пользоваться довѣренностію государя, всѣмъ казалось несомнѣннымъ, что, несмотря на продолжавшіяся по-прежнему съ ними занятія по дѣламъ государства, его величество рано или поздно порветъ всякія съ ними сношенія. Такъ полагалъ и Козодавлевъ, но я продолжалъ сомнѣваться, потому что былъ убѣжденъ, что въ отношеніи дѣлъ законодательныхъ было трудно положиться на кого-либо инаго, какъ Новосильцова, съ большимъ основаніемъ. Продолжая непрерывно свои занятія, я долго пребывалъ въ нерѣшительности, искать ли мнѣ еще разъ случая къ личному объясненію съ государемъ или нѣтъ, но наконецъ къ этому представился весьма удобный поводъ. Я составилъ особую записку объ учрежденіи при коммиссіи законовъ школы правовѣдѣнія [1]) и вручилъ ее Новосильцову, представившему ее

---

[1]) Для удовлетворенія потребности въ юридической подготовкѣ лицъ, посвящающихъ свою дѣятельность службѣ по судебной и административной части, была давно уже учреждена по шведскому образцу, такъ называемая, школа для юнкеровъ при Сенатѣ. Ученики ея назывались титулярные юнкера коллегіи и получали преимущественно практическую подготовку. Съ цѣлью доставить преимущественно научное юридическое образованіе и практическую подготовку молодымъ людямъ, поступающимъ на службу, Розенкампфъ основалъ особое училище (школа юнкеровъ упразднялась при этомъ) правовѣдѣнія, въ которое поступали лица, уже окончившія курсъ въ университетахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а также въ гимназіяхъ. Принимали въ школу не болѣе 25 лицъ, которыя получали отъ казны по 300 руб. въ годъ жалованья каждый и полное содержаніе, считаясь на службѣ. Курсъ ученія продолжался три года. Первый годъ читали право естественное, римское (институціи, пандекты), общую теорію процесса, энциклопедію русскаго права и законодательство другихъ европейскихъ народовъ. Во второй годъ— институціи русскаго права, дѣйствующія законодательства, и продолжалось чтеніе по теоріи процесса и энциклопедіи русскаго права. Въ третій годъ читали общее право русское и мѣстное различныхъ губерній и оканчивали теорію процесса и энциклопедію права. Кромѣ теоретическихъ занятій существовали ежедневно еще практическія: молодые люди занимались разборомъ и обработкою матеріаловъ русскаго дѣйствующаго права, при чемъ обращалось вниманіе на то, чтобы направлять умы и силы учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ. Ежегодно происходили испытанія. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ опредѣлялись на службу по министерству юстиціи.

Училище помѣщалось въ томъ же домѣ, гдѣ находилась юнкерская школа, которая упразднялась. Содержаніе училища обходилось въ 18.000 руб., въ томъ числѣ 25 стипендій по 300 руб.—7.500 р. всѣмъ; 4 профессора—6.000 руб., содержаніе помѣщенія 2.000 руб. и т. д. Положеніе объ этомъ училищѣ учреждено было государемъ 1-го августа 1805 года. Розенкампфъ былъ назначенъ директоромъ этой школы правовѣдѣнія въ началѣ 1806 года и былъ тогда же

*

государю. Мои предположенія удостоились высочайшаго одобренія. Я пріискалъ профессоровъ, достаточно удовлетворительныхъ на первое только трехлѣтіе, такъ какъ имѣлось въ виду впослѣдствіи подготовить профессоровъ изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ. До 30 молодыхъ лицъ выразили желаніе поступить въ школу: они были большею частію изъ числа получившихъ образованіе въ С.-Петербургской семинаріи или университетѣ. Школа должна была состоять подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ. Я старался придать ей практическое для русскаго права направленіе, такъ какъ за исключеніемъ повторительнаго курса, естественнаго права, римскаго права и энциклопедіи права, большая часть занятій была направлена на практическую разработку русскаго права, при чемъ учащіеся могли пользоваться всѣми матеріалами архива коммиссіи законовъ и нашими трудами. Два раза въ недѣлю я самъ читалъ лекціи по различнымъ частямъ русскаго права, обращая вниманіе слушателей на источники права и способы пользованія ими. Я возлагалъ большія надежды на эту школу и съ большимъ рвеніемъ занимался ею.

Его величество, по просьбѣ Новосильцова, удостоилъ своимъ присутствіемъ открытіе училища, послѣдовавшее въ августѣ мѣсяцѣ. Всѣ гг. министры, сенаторы и высшія должностныя лица были приглашены на это торжество; я встрѣчалъ государя императора на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и сопровождалъ его въ зало, гдѣ старшій профессоръ произнесъ съ каѳедры рѣчь. Государь императоръ былъ очень милостивъ и выразилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ пріѣхалъ, чтобы меня снова увидѣть. Я попросилъ его пройти въ другое зало и взглянуть на работы редакторовъ. Въ этомъ залѣ были представлены его величеству всѣ чиновники и тетради двухлѣтнихъ ихъ занятій. Государь сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, которые, по его замѣчанію, свидѣтельствовали, что онъ хорошо помнитъ о происходившемъ нѣкогда между нами разговорѣ. Я началъ съ гражданскаго права, потомъ перешелъ къ уголовному, торговому и т. д. и старался обратить въ особенности монаршее вниманіе на государственное право, по отношенію къ внутреннему положенію Имперіи, на раздѣленіе обывателей на сословія, а также на мѣстные законы отдѣльныхъ губерній и т. д. Я очень охотно говорилъ объ этомъ, близкомъ моему сердцу предметѣ, и повидимому его величество слушалъ меня со вниманіемъ. Я не успѣлъ однако докончить свои объясненія, потому что князь Лопухинъ, бывшій,

---

произведенъ въ статскіе совѣтники. Это училище было окончательно упразднено въ 1816 г. по докладу кн. Лопухина (I. П. С. З. № 26170), по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленное. Истиннымъ побужденіемъ къ закрытію училища была необычайная скупость Лопухина къ казеннымъ деньгамъ, по словамъ гр. Корфа („Рус. Стар." 1903 г., апр., стр. 33).

такъ сказать, хозяиномъ торжества, предполагая, что моя продолжавшаяся съ четверть часа бесѣда съ государемъ можетъ его утомить, прервалъ ее, пригласивъ его величество къ завтраку, накрытому въ помѣщеніи библіотеки коммиссіи.

Во время завтрака, его величество бесѣдовалъ съ княземъ и другими приглашенными лицами. По окончаніи завтрака, государь подозвалъ меня къ окну для возобновленія прерваннаго разговора и сказалъ:

— Вы мнѣ только-что говорили о законахъ областныхъ и мѣстныхъ?

Я возобновилъ разговоръ и старался уяснить мою мысль, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, образованномъ изъ столь различныхъ частей, не могутъ существовать повсемѣстно одинаковыя законоположенія и одинаковые правовые порядки, потому что таковые проистекаютъ изъ свойствъ самихъ народностей, сохранившихся въ продолженіе многихъ столѣтій, народностей, которыя могутъ быть разрушены грубою силою или слиты съ другими народностями. Всѣ нынѣ существующія учрежденія покоятся на этихъ свойствахъ и такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ наилучшія обезпеченія для сохраненія, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ обывателей, то было бы совершенно безполезно нарушать усвоенныя преданіями правовыя воззрѣнія многихъ милліоновъ покорныхъ императору и преданныхъ государству подданныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ и исправно отбывающихъ повинности и подати, и навязывать этимъ подданнымъ правовыя воззрѣнія совершенно чуждыя, изложенныя на другомъ совсѣмъ языкѣ.

— Но развѣ моя бабка не распространила учрежденіе о губерніяхъ на всѣ губерніи безъ различія народностей, ихъ населяющихъ, и ихъ языка? Развѣ равенство правъ можетъ оскорбить одну народность скорѣе, нежели другую?

— Да, ваше величество. Императрица Екатерина II установила это, но вашъ августѣйшій родитель возвратилъ отдѣльнымъ провинціямъ ихъ мѣстные законы.

— Но дѣла въ послѣдней инстанціи должны рѣшаться Сенатомъ; какимъ же образомъ сей послѣдній въ состояніи будетъ хорошо знать и разобрать всѣ видоизмѣненія въ законахъ и отправлять высшую справедливость во всѣхъ провинціяхъ Имперіи, коль скоро въ каждой изъ нихъ должны будутъ примѣняться особые законы, особые порядки и при томъ на различныхъ языкахъ?

— Сенатъ, ваше величество, о д и н ъ и, въ интересахъ самой справедливости, скорѣе пусть самъ Сенатъ изучитъ законы каждой отдѣльной провинціи, нежели всѣ различныя народности должны были бы изучить русскій языкъ, чтобы быть судимыми по законамъ, которыхъ они не понимаютъ. Правосудіе не можетъ быть отправляемо безъ изу-

ченія законовъ и обрядовъ, существующихъ и утвержденныхъ вашимъ величествомъ, а также вашими августѣйшими предшественниками. Министръ юстиціи можетъ всегда наблюдать за дѣятельностью судебныхъ мѣстъ въ провинціяхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда высшая инстанція этого суда не будетъ находиться въ Петербургѣ. Благоугодно вашему величеству припомнить проектъ закона о перемѣщеніи по мѣстностямъ различныхъ отдѣленій Сената, который, собственно говоря, представляетъ собою коллегію юстиціи, въ извѣстныхъ округахъ. Если трудно Сенату знать законы и языки всѣхъ народностей Имперіи или провинцій, находящихся подъ его вѣдѣніемъ, то совершенно невозможно, чтобы эти народности выучились бы русскому языку и русскимъ законамъ. Законы приводить трудно. При томъ же единообразіе въ законахъ или правѣ среди 50 мил. населенія и въ 50 губерніяхъ существуетъ только повидимому. На дѣлѣ же слишкомъ мало единообразія; различія возникаютъ сами собою и рождаются повсюду, гдѣ встрѣчается различіе въ мѣстности, народности, языкѣ.

— Но есть же однако много правъ общихъ всѣмъ подданнымъ имперіи?

— Права, ваше величество? Позвольте мнѣ утверждать, что очень мало п р а в ъ, одинаково принадлежащихъ всѣмъ народамъ вамъ подвластнымъ и всѣмъ сословіямъ. Общаго у нихъ то, что нельзя называть правомъ; – это р а б с т в о, крѣпостное состояніе, въ которомъ находится девять десятыхъ всего народа.

Государь очень хорошо понялъ, что я намекаю на сообщенную мнѣ имъ записку, пожалъ плечами и сказалъ:

— Это правда, но необходимо время. Мы возвратимся къ этому.

Послѣ этого его величество отошелъ отъ окна и, обращаясь опять ко мнѣ, произнесъ очень громко:

— Я въ особенности ввѣряю вамъ заботу хорошо наблюдать за новою школою правовѣдѣнія. Я надѣюсь, что ваши ученики будутъ заниматься прилежно и что вы доставите государству хорошихъ юрисконсультовъ.

Государь послѣ этого обратился снова къ тѣснившемуся около него кругу присутствующихъ, поговорилъ немного съ княземъ Лопухинымъ и другими лицами и затѣмъ уѣхалъ.

Князь Лопухинъ и Новосильцовъ послѣдовали за нимъ, и я поспѣшилъ снова стать на послѣднюю ступень, на которой его величество мнѣ еще разъ очень благосклонно выразилъ:

— Я всѣмъ очень доволенъ. То же самое изволилъ онъ повторить на другой день Новосильцову. По принятому въ Россіи порядку я получилъ разрѣшеніе представить къ наградамъ моихъ подчиненныхъ. Вскорѣ послѣ этого я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и получилъ орденъ св. Анны съ алмазами.

Здѣсь я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ и упомянуть о совершившемся въ томъ же 1806 году, но ранѣе открытія школы правовѣдѣнія.

Новосильцовъ, повидимому, пользовался еще прежнимъ довѣріемъ государя, хотя личныя его объясненія и доклады его величеству стали рѣже. Расположеніе государя къ нему замѣтно уменьшалось; снова надвигавшіяся на дипломатическомъ горизонтѣ тучи разразились скоро бурею, которая произвела большое разрушеніе.

Послѣ сраженія при Аустерлицѣ отношенія Россіи къ Франціи были неопредѣленны и очень шатки. Необходимо было приступить къ переговорамъ, и съ этою цѣлью Новосильцовъ былъ отправленъ въ Парижъ, его сопровождалъ Піатоли. Между тѣмъ свершилось присоединеніе къ Франціи Генуи.

Вслѣдствіе этого Новосильцовъ на пути своемъ въ Парижъ получилъ въ Берлинѣ приказаніе вернуться обратно въ Петербургъ. Князь Чарторыйскій предложилъ начать новые переговоры съ Франціею и при томъ исключительно о взаимной выдачѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ минувшую войну. Назначенный для этого статскій совѣтникъ Убри [1]) получилъ въ то же время обширныя полномочія и на тотъ случай, если бы представилась возможность заключить миръ на выгодныхъ къ тому условіяхъ. Такъ и случилось. Вмѣсто того, чтобы посылать еще особаго курьера съ проектомъ мирнаго условія, Убри заключилъ миръ. Этотъ миръ былъ на самомъ дѣлѣ очень почетенъ и выгоденъ, на сколько это было въ то время только возможно, въ особенности же сохраняя за нами Іоническіе острова. Сравнивая условія этого мира съ заключеннымъ годомъ позже въ Тильзитѣ, трудно понять, почему встрѣтили препятствія его ратификовать. Чарторыйскій, бывшій въ то время еще министромъ, былъ того мнѣнія, что надо ратификовать мирный договоръ, заключенный Убри; такого же мнѣнія былъ и Новосильцовъ, хотя и отстаивалъ это свое мнѣніе довольно слабо. Эта загадка разрѣшается однако тѣмъ, что императоръ Александръ, отправляя Убри въ Парижъ, составилъ себѣ уже заранѣе рѣшеніе, тщательно скрываемое отъ своихъ министровъ. Когда Убри вернулся, онъ былъ очень изумленъ такимъ оборотомъ дѣлъ и полагалъ, что столь важное дѣло должно подлежать разсмотрѣнію Совѣта. Если бы у каждаго члена Совѣта въ отдѣльности спросили по совѣсти его мнѣніе объ этомъ трактатѣ, то каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выразилъ, что необходимо принять этотъ трактатъ обѣими руками. Но эти господа обладаютъ до-

---

[1]) Убри, Петръ Яковлевичъ, р. 1774 г. и умеръ въ 1847 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Онъ служилъ по дипломатической части и былъ посланникомъ въ Мадридѣ и Франкфуртѣ.

стойнымъ изумленія талантомъ угадывать истинное намѣреніе государя. Самъ Убри былъ приглашенъ въ засѣданіе Совѣта, въ которомъ онъ самъ, а также Чарторыйскій отстаивали трактатъ, насколько только было возможно. Однако трактатъ этотъ значительнымъ большинствомъ Совѣта былъ признанъ невыгоднымъ для Россіи. Пренія объ этомъ происходили на русскомъ языкѣ. Порицали дѣйствія Убри и находили, что онъ преступилъ свои полномочія. Убри былъ на нѣкоторое время удаленъ въ деревню, но впрочемъ ничего не потерялъ и былъ даже скоро награжденъ. Только Чарторыйскій почувствовалъ двуличность государя и, не будучи въ силахъ снести подобное униженіе, просилъ уволить его отъ дѣлъ. Государь, казалось, былъ этимъ изумленъ и, не соглашаясь на его просьбу, укорялъ Чарторыйскаго, что онъ хочетъ поставить его въ затруднительное положеніе, зная хорошо, что онъ никого не имѣетъ въ виду, кому бы могъ вручить портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. На неоднократные вопросы государя, кого князь можетъ указать ему какъ его замѣстителя, князь между прочимъ назвалъ Румянцева (министра коммерціи), но государь отклонилъ это какъ нѣчто смѣшное (dérision), зная хорошо, что Румянцевъ очень расположенъ къ Франціи. Такимъ образомъ государь и Чарторыйскій разстались. Государь въ то время и не думалъ о Румянцевѣ, котораго онъ очень хорошо понималъ и судилъ. Румянцевъ былъ тогда, какъ и позднѣе, горячій приверженецъ Наполеона. Оба императора совершенно не могли существовать одновременно. Оба не признавали иного божества кромѣ силы. Наполеонъ безконечно превосходилъ Александра I геніальностію, познаніями и своими великими военными дарованіями, но Александръ превосходилъ его именно настолько же въ хитрости, притворствѣ и лукавствѣ. Онъ былъ всегда полный властелинъ своей тайны, которую никогда нельзя было отъ него вывѣдать. Онъ умѣлъ сдерживать все хитростью, кажущеюся податливостью и уступчивостью и очаровывать хоть только на время; но никто изъ знавшихъ его не любилъ и не цѣнилъ его подъ конецъ. До самой своей кончины Александръ I умѣлъ всѣхъ и все держать въ рукахъ своихъ, тогда какъ Наполеонъ, своею личностью умѣвшій приковывать къ себѣ людей всякаго рода и навсегда, кончилъ тѣмъ, что возстановилъ противъ себя всѣхъ и все, и бѣжавъ два раза долженъ былъ пасть предъ собственными своими кумирами. Оба они будутъ жить въ исторіи, но они не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и не осуществили своего великаго предназначенія.

Александръ I въ то время полагалъ, что настало для него время вмѣстѣ съ прочею Европою помѣриться съ Наполеономъ. Ему нельзя сдѣлать упрека, что онъ въ какомъ-либо случаѣ упустилъ достойно и справедливо оцѣнить дѣйствія своего противника и побудительныя къ

тому причины и что не слѣдовалъ самъ ого правиламъ. Какъ Наполеонъ устроилъ лагерь Булонскій, ни минуты не вѣря въ возможность высадки въ Англію, но единственно съ цѣлію имѣть предлогъ дѣлать во Франціи необходимыя вооруженія, точно также Александръ I стоялъ съ поднятымъ мечемъ надъ турками, съ которыми по желанію своему во всякое время могъ заключить миръ, и увеличивалъ все свои военныя силы, чтобы двинуть ихъ прежде всего противъ Наполеона, а затѣмъ и противъ Австріи, и никогда не упускалъ изъ вида славянъ. Онъ держался тутъ логикѣ и правиламъ, неразрывно связаннымъ съ большою деспотическою властію, которая обращаетъ вниманіе на учрежденія и людей, по сколько ихъ можно направить къ тому, чтобы пріобрѣсти силу и господство. Оба они, Наполеонъ и Александръ, простирали руки на славянъ, но Александръ имѣлъ при этомъ то надъ Наполеономъ преимущество, что былъ одного племени со славянами, отчасти одного съ ними вѣроисповѣданія, говорилъ на одномъ съ ними языкѣ и не упустилъ случая собрать различныя о нихъ свѣдѣнія.

Средства, къ которымъ прибѣгали эти оба представителя властолюбія, были также одинаковы; они не пренебрегали ничѣмъ и совершили при этомъ тѣ же непослѣдовательности, потому что таковыя, при слабостяхъ человѣчества, которыхъ нельзя отрицать, нераздѣльны съ системою абсолютной власти. Чарторыйскій, хотя и желалъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ серіозно получить отставку, но Новосильцовъ и Строгановъ съумѣли убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія. Первый очень сильными доводами представлялъ государю, чтобы онъ не отпускалъ Чарторыйскаго, котораго ему удалось также убѣдить отступиться отъ своего намѣренія.

Тѣмъ болѣе было ему тягостно услыхать, когда государь, пожавъ плечами, отвѣтилъ ему, что онъ съ большимъ сожалѣніемъ узнаетъ объ этой перемѣнѣ желанія Чарторыйскаго, но уже поздно, такъ какъ выборъ его преемника имъ уже сдѣланъ. Александръ I настаивалъ, чтобы князь сохранилъ за собою прочія занимаемыя имъ должности, въ особенности попечителя Виленскаго учебнаго округа и оставался бы по прежнему его другомъ и добрымъ совѣтникомъ. Но кто была особа, на которую уже палъ выборъ его величества, въ преемники Чарторыйскаго,—оставалось еще ему неизвѣстнымъ. Объ этомъ узнали только нѣсколько дней спустя, когда состоялся высочайшій указъ, которымъ Будбергъ [1]), громче всѣхъ возставшій противъ ратификаціи мир-

[1]) Будбергъ, Андрей-Эбергардъ р. 1750 г. близъ Риги и позднѣе, въ 1806 г., назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будучи противникомъ Тильзитскаго мира, въ заключеніи котораго не принималъ участія, Будбергъ вышелъ въ отставку въ 1808 г. и умеръ въ Петербургѣ въ 1812 году.

наго договора, заключеннаго Убри, назначался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ вовсе не дипломатъ и вообще не имѣлъ ни научнаго образованія и ни малѣйшаго знанія въ дѣлахъ. Въ первый годъ царствованія Александра I онъ былъ временнымъ военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ, но не могъ долго удержать за собою это мѣсто; каждому было ясно, что и на этотъ разъ онъ будетъ управлять министерствомъ не долго, только временно, пока состоится выборъ другаго лица, болѣе соотвѣтствующаго обстоятельствамъ времени.

Я не былъ близокъ къ Чарторыйскому и встрѣчался съ нимъ очень рѣдко, и тѣмъ безпристрастнѣе наблюдалъ я за образомъ его дѣйствій. Перемѣна въ его положеніи была поучительна и въ томъ отношеніи, что коль скоро человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшій столь высоко, долженъ былъ удалиться, то и каждому другому, въ болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, ничего лучшаго предстоять не могло. Я не сомнѣвался болѣе въ томъ что цѣль законодательной комиссіи никогда вполнѣ достигнута не будетъ предоставленными въ ея распоряженіе средствами. Достиженіе цѣли являлось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если бы государь со своими приближенными и совѣтниками, проникнутыми соотвѣтствующими къ тому воззрѣніями, какъ Новосильцовъ и Чарторыйскій, пожелалъ бы принять участіе въ работахъ коммиссіи съ полною самодѣятельностію и искреннимъ намѣреніемъ. Но къ этому повидимому не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что все болѣе и болѣе пріобрѣтала распространеніе система управленія департаментами и канцеляріями, совершенно не согласная съ моими воззрѣніями на законодательство и администрацію. Послѣ камеръ и мануфактуръ-коллегіи исчезли постепенно одна за другою и прочія коллегіи. Личный составъ канцеляріи, бумажное дѣлопроизводство увеличивалось непрерывно, и временемъ освященные порядки и формы, совмѣщавшія и опытность и контроль, вытѣснялись все болѣе и болѣе усиливающимся потокомъ новыхъ формальностей. Мѣстныя власти утратили свое значеніе; все сосредоточилось въ министерскихъ управленіяхъ, которыя не въ состояніи были всего обнять и постичь. Должностныя лица быстро смѣщались и замѣнялись одно другимъ; ни одно изъ нихъ не имѣло ни времени, ни спообовъ изучить основныя начала ввѣренной ему отрасли управленія и пріобрѣсти должную опытность. Потокъ становился все сильнѣе; разобраться въ этомъ хаосѣ отдѣльныхъ частныхъ улучшеній было трудомъ совершенно тщетнымъ, тѣмъ болѣе, что подобный ложный кругъ нигдѣ не имѣлъ твердой точки опоры.

Такимъ образомъ я ограничилъ всю свою дѣятельность возможнымъ улучшеніемъ законодательнаго матеріала и выясненіемъ его современнаго содержанія, которое должно было служить основаніемъ будущаго

законодательства. Жизнѣйшею моею заботою при этомъ являлось училище правовѣдѣнія. И это уже было прекрасное признаніе, которому я охотно и совершенно вполнѣ посвятилъ себя. Прошедшее и столь лестную для меня въ началѣ надежду содѣйствовать вблизи императора достиженію великой прекрасной цѣли отодвинулъ я совсѣмъ на задній планъ. Я и моя жена жили впрочемъ въ очень благопріятныхъ условіяхъ, въ кругу добрыхъ и любезныхъ людей и посѣщали нерѣдко Козодавлева, дюка Серра де Капріолли [1]), князя Голицына и многихъ другихъ лицъ. Я посѣщалъ также часто домъ Нарышкиной [2]) (Маріи Антоновны). Тѣмъ временемъ, со дня водворенія моего въ Петербургѣ испыталъ я нѣкоторыя невзгоды въ моемъ семействѣ. Въ Лифляндіи экономическія условія дворянства ухудшились вслѣдствіе различныхъ мѣръ и событій. Первая война съ Англіей, а также происшедшія измѣненія въ Голландіи дали иное направленіе вывозной нашей торговлѣ. Нарушеніе торговыхъ сношеній съ Голландіею, существовавшихъ въ продолженіе двухъ столѣтій, было самимъ чувствительнымъ ударомъ для балтійскихъ провинцій.

Недочетъ ежегодно поступавшихъ въ эти провинціи суммъ отъ 4 до пяти сотъ тысячъ альберттаперовъ, которые Голландія ежегодно выдѣлывала исключительно для торговли съ прибалтійскимъ краемъ, принудилъ значительную часть землевладѣльцевъ съ предложеніемъ избытка ихъ хлѣбныхъ произведеній обратиться въ Россію и преимущественно въ Петербургъ, гдѣ, вслѣдствіе конкуренціи съ хлѣбомъ внутреннихъ русскихъ губерній, цѣны на хлѣбъ значительно упали; кромѣ того прибалтійскія губерніи были наводнены русскими бумажными деньгами. На серебряную же монету, на которой заключались всѣ торговыя сдѣлки Россіи, постоянно стоялъ лажъ, вслѣдствіе постоянно неблагопріятныхъ для Россіи ежегодныхъ торговыхъ балансовъ. По всему этому цѣны на хлѣбъ въ имѣніяхъ прибалтійскихъ упали, а затѣмъ и всѣ прочіе предметы хозяйства соотвѣтственно понизились въ цѣнѣ. Все пришло въ разстройство, и значительное число землевладѣльцевъ потеряли свои помѣстья. Мой братъ, который

---

[1]) Серра Капріолли (Антуанъ Мареска) р. 1750 г., былъ неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1782 по 1807 годы, а затѣмъ дипломатическимъ агентомъ монархической клерикальной реакціи, поддерживавшей на вѣнскомъ конгрессѣ права Бурбоновъ на неаполитанскій престолъ. Онъ умеръ въ 1822 году.

[2]) Марія Антоновна Нарышкина, рожд. Четвертинская, р. 1779 г., вступила въ бракъ въ 1795 г. съ оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ и пользовалась большимъ расположеніемъ Александра I. Овдовѣвъ въ 1838 г., она позднѣе вступила во второй бракъ съ Брозинымъ и умерла въ 1854 году.

взялъ на себя арендованіе большими имѣніями, очень пострадалъ преимущественно отъ этихъ обстоятельствъ.

Къ этому присоединились другіе, совершенно непредвидимые, несчастные случаи, такъ что, хотя мой братъ и былъ извѣстенъ какъ опытный дѣятельный сельскій хозяинъ, но не могъ удержать за собою наше родовое имѣніе Керзель, доставшееся намъ отъ нашего дѣда. При этомъ и я потерялъ всю причитавшуюся мнѣ по наслѣдству часть этого имѣнія; за мною осталась только небольшая деревня Куксъ, къ которой я прикупилъ небольшой еще дворъ. Въ 1791 году я пріобрѣлъ имѣнія г. Бока, Рейгофъ и Фокферъ, и затѣмъ вскорѣ продалъ ихъ съ значительнымъ барышемъ въ 45.000 рублей серебромъ. Къ этому надо присоединить еще капиталъ въ 6.000 руб., который моя мать получила по наслѣдству отъ Кампенъ.

Съ этими деньгами я купилъ имѣніе Вительгофъ и затѣмъ промѣнялъ его тайному совѣтнику барону Кампенгаузену на замокъ Амесъ, купленный у моего свояка, барона Унгерна. Мой братъ очень запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и изъ вниманія и расположенія къ дружественному, уважаемому семейству Кампенгаузенъ, я согласился на заключенную имъ уступку имѣнія Лиліенфельду съ значительной потерею.

Подобное положеніе дѣлъ явилось отчасти слѣдствіемъ моего пребыванія въ Петербургѣ, потому что, находясь на мѣстѣ, въ Лифляндіи, я могъ бы успѣшнѣе быть полезнымъ моему брату совѣтами своими и содѣйствіемъ. Теперь же я не могъ да и не желалъ заниматься ничѣмъ инымъ, какъ моими служебными дѣлами. Я мечталъ, что живу единственно для законодательства Россіи и долженъ всѣмъ для него пожертвовать. Эти мои мечты были разсѣяны самымъ жестокимъ для меня образомъ.

Я нашелъ средство помочь моему брату. Онъ былъ зачисленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и какъ опытный сельскій хозяинъ посланъ въ Саксонію для закупки мериносовъ. Позднѣе онъ былъ инспекторомъ иностранныхъ колоній на югѣ Россіи подъ начальствомъ герцога Ришелье въ Одессѣ, гдѣ и умеръ въ 1814 году. Я взялъ его сыновей къ себѣ, изъ которыхъ старшій теперь уже служитъ по управленію водяныхъ коммуникацій и начальникъ по урегулированію рѣкъ и пороговъ въ Финляндіи, а младшій состоитъ въ томъ же вѣдомствѣ.

Я скоро понесъ еще одну утрату.

Отношенія Новосильцова къ его величеству становились все холоднѣе. Послѣднее доказательство довѣрія къ нему государя заключалось въ томъ, что когда возникли несогласія между Беннигсеномъ и

графомъ Буксгевденомъ [1]), послѣ сраженія при Пултускѣ, Новосильцовъ былъ посланъ въ главную квартиру Беннигсена, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, до прибытія въ армію его величества. Александръ I по отчету Новосильцова склонялся на сторону Беннигсена; захваченныя при Пултускѣ французскія знамена имѣли большее при этомъ значеніе, нежели старшинство службы Буксгевдена. Битва при Прейсишъ-Эйлау, въ которой принялъ такое большое участіе Барклай-де-Толли, укрѣпила довѣріе императора къ Беннигсену.

Отправляясь въ армію въ сопровожденіи Новосильцова, Александръ I взялъ съ собою также и Будберга, чтобы имѣть его подъ рукою на случай паденія Новосильцова.

По прибытіи государя въ армію послѣдовало дѣло при Гейльсбергѣ, гдѣ былъ убитъ достойный Анрепъ.

Неблагопріятный исходъ сраженія при Фридландѣ произвелъ очень сильное впечатлѣніе на государя.

Такъ какъ его армія была слишкомъ слаба, то онъ рѣшился еще разъ умилостивить грозу, и послѣдовавшее за тѣмъ свиданіе въ Тильзитѣ разомъ измѣнило всю его политику. Достовѣрный свидѣтель разсказывалъ мнѣ, что императоръ за день передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на полную перемѣну своей политики, сидѣлъ нѣсколько часовъ одинъ, запершись въ комнатѣ, терзаемый то мыслію отступить въ предѣлы своего государства для продолженія войны, то мыслію заключить сейчасъ же мирныя условія съ Наполеономъ. Недостатка въ средствахъ продолжать войну не ощущалось; ополченіе было уже сформировано; я самъ принималъ участіе въ планѣ его организаціи, составленномъ Новосильцовымъ съ Дружининымъ. Это было почти тотъ же самый планъ, который, позднѣе, въ 1812 г., стоявшій во главѣ ополченія престарѣлый графъ Татищевъ снова выдвинулъ въ переработанномъ Олениннымъ [2]) видѣ.

Финансами завѣдывалъ очень разумный и практическій Васильевъ,

---

[1]) Буксгевденъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, р. 1750 г., былъ при Павлѣ I генералъ-поручикомъ и петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ 1798 г. уволенъ отъ службы. При Александрѣ I назначенъ инспекторомъ лифляндской инспекціи и рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ началѣ войны 1806—1807 г. командовалъ корпусомъ, но былъ отозванъ отъ арміи, а послѣ Тильзитскаго мира получилъ начальство надъ арміею послѣ Беннигсена. Въ шведскую войну 1808 г. командовалъ нашими войсками въ Финляндіи, а затѣмъ поселился въ Эстляндіи и умеръ 23-го августа 1811 г. въ Лоде.

[2]) Олениннъ Алексѣй Николаевичъ, р. въ 1763 г. и при Павлѣ I былъ оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной при Сенатѣ для образованія дѣятелей по судебному вѣдомству. Позднѣе онъ былъ директоромъ Публичной библіотеки и президентомъ Академіи Наукъ въ 1817 году. Онъ умеръ въ 1843 году.

и они находились въ прекрасномъ состоянiи; подати были не велики, и народъ преисполненъ рвенiя.

Даже въ завоеванныхъ отъ Польши губернiяхъ не выказывалось ни малѣйшихъ признаковъ возстанiя, потому что императоръ Павелъ возвратилъ ихъ обывателямъ прежнiе статуты и съ ними обращались хорошо. Если бы дѣло дошло до необходимости, не оказалось бы недостатка и въ другихъ вспомогательныхъ средствахъ, которыя могли бы поддерживать и подкрѣплять побудительные поводы къ продолженiю войны; не было недостатка также и въ совѣтахъ продолжать войну. Новосильцовъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры и могъ бы явиться очень скоро къ дѣлу, Будбергъ также. Но государь не призвалъ ни одного изъ нихъ, потому что нисколько не дорожилъ мнѣнiемъ ни того, ни другаго. Графъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, былъ единственный, съ которымъ онъ въ это время говорилъ. Конечно, этотъ ловкiй царедворецъ, бывшiй рѣшительнымъ врагомъ Новосильцова, посовѣтовалъ государю то, что по мнѣнiю его являлось наиболѣе пріятнымъ Александру I.

Толстой хорошо видѣлъ, что императоръ, подобно тому, какъ и при Аустерлицѣ, находился подъ сильнымъ впечатлѣнiемъ видимой опасности; великiй князь Константинъ Павловичъ былъ также не изъ храбрыхъ; Беннигсенъ не вселялъ къ себѣ большаго довѣрiя; Анрепа не было въ живыхъ, Барклай единственный не совѣтовалъ заключать мира и утверждалъ, что возможно продолжать войну. Но этотъ дальновидный мужъ не обладалъ даромъ сильно высказывать свои мнѣнiя и доказать ихъ; однако императоръ не забылъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ мыслей. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, и государь въ сильно возбужденномъ состоянiи переходилъ отъ одного рѣшенiя къ другому.

Должно было для виду поручить кому-нибудь вести переговоры; къ этому былъ призванъ генералъ-отъ-инфантерiи Дмитрiй Ивановичъ Лобановъ-Ростовскiй [1]), племянникъ Репнина и Панина; онъ и подписалъ Тильзитскiй мирный трактатъ во французской редакцiи, одобренной уже государемъ. Этотъ договоръ въ сравненiи съ заключеннымъ Убри былъ несравненно болѣе для насъ невыгоденъ. Онъ видимо по-

---

[1]) Дмитрiй Ивановичъ Лобановъ-Ростовскiй, р. въ 1758 г. и съ 14 лѣтъ находился въ военной службѣ. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1807 г. и въ заключенiи Тильзитскаго мира и Наполеономъ былъ назначенъ въ 1810 г. военнымъ губернаторомъ Риги и генералъ-губернаторомъ трехъ балтiйскихъ провинцiй, формировалъ резервныя войска въ 1812 г., а въ 1815 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1817 г. министромъ юстицiи Онъ отправлялъ эту должность до 1827 года, когда былъ уволенъ по прошенiю.

ложилъ основаніе преимущественному господству Наполеона во всѣхъ дѣлахъ европейскаго материка. Но это было еще не такъ важно, потому что императоръ Александръ I могъ на материкѣ опять пріобрѣсти господство, какъ это и показали послѣдующія событія. Самая непростительная ошибка заключалась въ предстоящемъ разрывѣ съ Англіею, который нельзя было не предвидѣть и въ потерѣ Іоническихъ острововъ, этого столь важнаго пункта для морской силы Россіи, безъ котораго оба флота, находящіеся въ крѣпостяхъ Кронштадтѣ и Севастополѣ, и весь остальной флотъ военный (торговаго флота собственно не имѣлось вовсе), являются для насъ только чрезвычайно дорогимъ предметомъ роскоши.

Государь заключилъ миръ; увидѣвъ Новосильцова въ какомъ-то мѣстечкѣ на возвратномъ пути въ Россію, онъ встрѣтилъ его словами: «итакъ я получилъ орденъ Почетнаго Легіона».

Чувства Новосильцова были раздражены до чрезвычайности; съ этого времени онъ былъ утраченъ для русскаго законодательства. Онъ зналъ государя слишкомъ хорошо и имѣлъ слишкомъ большія права на его къ нему довѣріе, чтобы не выразить своихъ чувствъ. Онъ уже ранѣе выѣхалъ изъ дворца, въ которомъ жилъ, а теперь даже не являлся съ докладами къ государю лично, но посылалъ съ портфелемъ своего директора канцеляріи Дружинина, очень ловкаго и жизнерадостнаго человѣка.

Это неудовольствіе не могло долго продолжаться; Новосильцовъ наконецъ уѣхалъ къ графинѣ Софіи Потоцкой, бывшей нѣкогда красавицѣ-гречанкѣ и во всякое время ловкой интриганкѣ безъ всякаго образованія, но обладавшей изумительною хитростію и ловкостью, благодаря которымъ она умѣла узаконить всѣхъ своихъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и выиграть самыя трудныя тяжбы.

Новосильцовъ передалъ завѣдываніе дѣлами духовныхъ исповѣданій князю Александру Голицыну, назначенному оберъ-прокуроромъ Синода. Голицынъ былъ другомъ дѣтства и собственно довѣреннымъ человѣкомъ и угодникомъ государя, умѣвшимъ всегда пріятно съ нимъ бесѣдовать. Онъ никогда не имѣлъ собственнаго о чемъ-либо мнѣнія, но схватывалъ съ величайшей готовностью и самымъ безграничнымъ подражаніемъ воззрѣнія своего повелителя. Ему поручено было завѣдывать и дѣлами просвѣщенія. Новосильцовъ былъ назначенъ сенаторомъ. Графъ Павелъ Строгановъ, послѣ того какъ Кочубей переталъ завѣдывать министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, перешелъ въ военную службу генералъ-маіоромъ. Онъ былъ слишкомъ прямой и откровенный человѣкъ, чтобы пожелать оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ. За одно блестящее кавалерійское дѣло Беннигсенъ вполнѣ справедливо представилъ его къ наградѣ. Строгановъ удостоился получить орденъ

св. Георгія 3 класса и позднѣе былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Въ дѣлѣ законодательства я остался теперь одинъ подъ начальствомъ князя Лопухина, который вовсе не интересовался этимъ дѣломъ и только по временамъ отдавалъ разныя приказанія. Онъ и прочіе министры неоднократно посѣщали мои лекціи въ школѣ правовѣдѣнія и оставались очень довольны. Молодые люди были прилежны и очень понятливы.

Профессора со своими тетрадями, въ которыхъ излагались извлеченія изъ сочиненій нѣмецкихъ ученыхъ съ русскимъ переводомъ, являлись не всегда вполнѣ удовлетворительными, но практическія занятія, которыя производились при первомъ публичномъ испытаніи по печатной программѣ, дали очень благопріятные результаты. Государь на этотъ разъ на экзаменъ не пріѣхалъ.

Я по-прежнему работалъ съ большимъ рвеніемъ по составленію изложенія дѣйствующаго права и дѣлалъ первые опыты составленія отдѣльныхъ статей по различнымъ главамъ. Мы всѣ изучали источники, и я могу сказать о себѣ, что не былъ самымъ лѣнивымъ изъ всѣхъ насъ. Князь Лопухинъ, любившій шутить, забавлялся очень, когда я доказывалъ, что каждый по окончаніи своего обученія и достиженія 20 лѣтъ долженъ быть опредѣленъ по призванію своему къ какой-либо дѣятельности, одинъ въ профессора, другой въ доктора, третій въ школу правовѣдѣнія, коммиссію законовъ, по судебной части и т. д., чтобы въ 45—60 лѣтъ быть совершенно пригоднымъ руководить извѣстными отраслями дѣятельности, если только не отступать отъ своего предназначенія. Я указывалъ въ подтвержденіе моего мнѣнія на графа Оксенштерна [1]) и еще болѣе знаменитаго Питта [2]), при чемъ первый въ концѣ своего долгаго земнаго поприща выразилъ своему сыну, что «міръ управляется ничтожною долею мудрости». Лопухинъ замѣтилъ, что такимъ образомъ не много окажется занимающихся по призванію и, указавъ на одного изъ писцовъ, который очень хорошо переписывалъ, не понимая ни одного слова изъ того, что онъ списывалъ, спросилъ меня, на что предназначить можно этого генія? Я отвѣтилъ, что этотъ примѣръ подкрѣпляетъ высказанное мною, такъ какъ этотъ писецъ прекрасно уже исполняетъ свое предназначеніе, будетъ въ немъ усовершенствоваться и далѣе этого призванія и не пойдетъ. Другой разъ

---

[1]) Оксеншернъ (Аксель, р. 1583†1654), извѣстный шведскій дипломатъ и министръ при Густавѣ-Адольфѣ, принявшій начальство надъ войсками послѣ его смерти. Онъ былъ полнымъ правителемъ Швеціи при королевѣ Христинѣ.

[2]) Питтъ Вильямъ, р. 1759†1806 г., первый министръ Англіи, возвысилъ ея морскія силы, сильный защитникъ роялизма, боровшійся всѣми силами противъ французской революціи.

въ тотъ день, когда Лопухинъ около 12 часовъ долженъ былъ быть съ докладомъ у государя, я отправился къ нему со своимъ шуриномъ, очень милымъ молодымъ человѣкомъ, состоявшимъ въ то время помощникомъ при мнѣ и потомъ пріобрѣвшимъ извѣстность, какъ ученый знатокъ Ольвійскихъ и другихъ греческихъ древностей. Я передалъ Лопухину записку о немедленномъ опредѣленіи этого молодаго человѣка на службу съ производствомъ, сказавъ, что полагаю самъ едвали это исполнимо, потому что я на лѣстницѣ встрѣтилъ священника и старую женщину и при этомъ забылъ по обычаю плюнуть на лѣвую сторону. Лопухинъ отвѣтилъ мнѣ, что трудно исправить подобный съ моей стороны промахъ, но тѣмъ не менѣе въ тотъ же день прислалъ мнѣ указъ объ опредѣленіи молодаго человѣка на службу и приписалъ «il ne faut pas désespérer de rien» (не надо ни въ чемъ отчаяваться). Но эти добрыя отношенія между нами являлись солнечнымъ лучемъ, который первая туча могла легко закрыть.

Я долженъ тутъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ особыхъ порученіяхъ, которыя получала коммиссія законовъ по порученію государя, а именно въ началѣ 1807 года ей было повелѣно неотлагательно заняться преобразованіемъ въ Петербургской губерніи губернскаго управленія и судебной части, вмѣстѣ съ аппелляціонной инстанціею во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Это сообщили мнѣ князь Лопухинъ и Новосильцовъ по приказанію государя, съ тѣмъ чтобы окончить эту работу какъ можно скорѣе; государь приказалъ при этомъ сообщить мнѣ и всѣмъ редакторамъ, которые въ той работѣ будутъ участвовать, что если наша работа будетъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ, то послѣдующія съ его стороны награды за это превзойдутъ всѣ наши ожиданія.

Мнѣ показался только весьма страннымъ тотъ спѣхъ, съ которымъ не только сопровождалось это порученіе, но самое приказаніе его скорѣе исполнить. Я представилъ князю Лопухину, что мы конечно вполнѣ всецѣло предадимся этой работѣ, съ наибольшимъ прилежаніемъ, но возможность скораго его окончанія крайне сомнительна, такъ какъ мы должны ближе ознакомиться собственно на дѣлѣ съ практической стороною дѣлопроизводства въ губернскихъ учрежденіяхъ и потому уже не можемъ работать со спѣхомъ. Кромѣ того общія начала тяжебнаго дѣлопроизводства, компетенція судебныхъ мѣстъ и исполнительной власти не были еще установлены, а затѣмъ, улучшенія, которыя предположено будетъ ввести въ предметы вѣдомствъ учрежденій Петербургской губерніи, необходимо должны повлечь за собою различныя измѣненія и въ установленіяхъ первой инстанціи, подчиненныхъ губернскимъ. Вмѣстѣ съ двумя лучшими редакторами (Геномъ и Беллингсгау-

зеномъ) [1]) мы отправились по формальному приказанію министра юстиціи въ губернскія присутственныя мѣста, ознакомились съ разными бумагами и дѣлами въ канцеляріяхъ, а также бывали въ присутствіяхъ при засѣданіяхъ. Мы не щадили трудовъ и открывали, насколько могли, различные недостатки и злоупотребленія, изыскивали средства къ ихъ устраненію, совѣщались съ самими членами присутствій объ установленіи болѣе цѣлесообразныхъ порядковъ дѣлопроизводства и о возможномъ усиленіи началъ, выраженныхъ въ уставѣ судопроизводства, но худо соблюдаемыхъ на дѣлѣ.

Мы скоро замѣтили, что недостатки кроются собственно не столько въ отсутствіи знаній законовъ и порядковъ дѣлопроизводства, сколько въ другихъ обстоятельствахъ, безъ отмѣны которыхъ даже наиболѣе обдуманныя и цѣлесообразныя правила не принесутъ существенной пользы, какъ, напр., въ худо оплачиваемомъ трудѣ, въ отсутствіи независимости суда и должнаго его значенія, а слѣдовательно и отсутствія чувства должностной чести какъ въ членахъ различныхъ судовъ, такъ и у служащихъ въ канцеляріяхъ. Давно существовало правило, по которому судьи за каждое въ высшей инстанціи отмѣненное ихъ рѣшеніе подвергались штрафу отъ 5 до 10 процентовъ исковой суммы. Губерскія судебныя учрежденія, какъ апелляціонная инстанція, присуждали къ штрафамъ въ подобныхъ случаяхъ членовъ уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, какъ суда первой инстанціи, а Сенатъ, въ свою очередь, какъ третья инстанція, присуждалъ къ штрафамъ членовъ губернскихъ судебныхъ палатъ, а въ концѣ концовъ все это падало на самихъ тяжущихся. Это чудовищное правило было невозможно совмѣстить съ совѣстью судей и безопасностью сторонъ, такъ какъ подобное правило ставило судей и секретарей въ необходимость, чтобы не умирать съ голоду, соглашаться на всякіе подкупы. Мы подробно изслѣдовали всѣ эти чудные порядки и ни одного не скрыли, чтобъ придать бо̀льшую силу предлагаемымъ нами мѣрамъ къ уврачеванію подобнаго зла.

Негласное производство дѣлъ и неопредѣленное изложеніе различныхъ порядковъ процесса были вторымъ основаніемъ, поводомъ къ выше указанной продажности. Не упоминаю о многихъ другихъ недостаткахъ. Мы раздѣлили всю сдѣланную нами работу на двѣ отдѣльныя части, при чемъ въ одной было изложено устройство судебной части,

---

[1]) Первый былъ ранѣе секретаремъ губернскаго правленія, а второй губернскій прокуроръ. Генъ состоялъ послѣ при герцогѣ Ольденбургскомъ, былъ очень способный человѣкъ. Въ 1820 г. государь черезъ графа Аракчева предложилъ ему мѣсто статсъ-секретаря у принятія прошеній, но Генъ отказался отъ этого. Они оба уже умерли. Мнѣ также это дѣло не было совершенно чуждо, такъ какъ я 13 лѣтъ былъ окружнымъ судьею и ландсратомъ. (Kreis und Landrath).

а во второй—самый порядокъ тяжебнаго дѣлопроизводства. Мы ограничивались предварительно только общимъ порядкомъ [1]) судопроизводства, предоставивъ себѣ изложить позднѣе различныя особенности судопроизводства. Эта работа заняла до 2 мѣсяцевъ, чему конечно никто ни удивится. Я дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ ускорить работу, и тѣмъ не менѣе опоздалъ, какъ это сейчасъ объясню. Государь только бросилъ бѣглый взглядъ на работу. Чтобы представить ему этотъ трудъ нагляднѣе и понятнѣе, мнѣ слѣдовало бы самому лично явиться съ объясненіями къ его величеству, но государь меня не потребовалъ, а князь Лопухинъ, хотя самъ и не имѣлъ никакого вліянія на эту работу, былъ однако не вполнѣ согласенъ съ многими изъ моихъ воззрѣній. Онъ преимущественно не соглашался съ тѣмъ, чтобы не подвергать судей наказанію за поставляемыя ими рѣшенія за исключеніемъ случаевъ личнаго ихъ преступнаго дѣйствія (взяточничества, неправосудія и т. д). Онъ полагалъ, что въ Россіи безъ такого наказанія судъ быть не можетъ. Онъ равнымъ образомъ не хотѣлъ слышать объ увеличеніи чиновникамъ содержанія, объ установленіи закономъ сборовъ при дѣлопроизводствѣ, потому что всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что судьи, получай они большое или малое жалованье, не будутъ воздерживаться отъ взятокъ и побочныхъ доходовъ [2]). Онъ полагалъ, что никакой пользы не будетъ отъ отступленія существующихъ порядковъ. Я же не могъ никакъ отступиться отъ моихъ воззрѣній. Позднѣе отъ этой теоріи денежныхъ наказаній судей наконецъ отказались, но очень многое другое осталось безъ измѣненія. Это доказываетъ только то, что всѣ улучшенія совершаются медленно, постепенно вмѣстѣ съ временемъ, какъ и постройка какого-либо города. Первыя постройки постепенно съ годами старѣютъ, приходятъ все болѣе и болѣе въ негодность, и съ каждымъ годомъ на ихъ фундаментѣ возвышаются, если можно такъ выразиться, вторыя и третьи поколѣнія новыхъ зданій.

При первомъ же докладѣ государь приказалъ послать мой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы истребовать мнѣніе онаго (такъ какъ губернскія правленія и всѣ прочія исполнительныя власти въ губерніи находятся въ его вѣдѣніи), а затѣмъ съ возраженіями на оное со стороны коммиссіи законовъ представить вновь его величеству.

---

[1]) Этотъ общій порядокъ покоится совершенно на началахъ русскаго права; онъ позднѣе обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ принятъ имъ и напечатанъ въ 5-мъ томѣ трудовъ законодательной коммиссіи въ 1820—1821 годахъ.

[2]) Въ одномъ своемъ процессѣ, который князь велъ въ губерніи, гдѣ находились его земли, онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что его управляющій показывалъ по отчетамъ расходы на подарки судьямъ.

Противъ этого конечно ничего нельзя было возражать, но именно въ томъ министерствѣ (внутреннихъ дѣлъ) проектъ мой нашелъ себѣ противника въ Сперанскомъ, который имѣлъ въ виду не столько отстраненіе недостатковъ мѣстнаго управленія или улучшенія онаго, сколько желаніе взять въ свои руки руководство нашими работами. Онъ былъ въ то время еще директоромъ у графа Кочубея, пользовался особеннымъ его довѣріемъ и имѣлъ сильное на него вліяніе. Мнѣ необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ въ то время еще молодомъ человѣкѣ; ему было тогда лѣтъ 30 не болѣе.

Сынъ бѣднаго деревенскаго священника, Сперанскій былъ воспитанъ въ семинаріи и кромѣ богословскихъ познаній пріобрѣлъ и другія, которымъ обучали въ то время въ семинаріи, какъ-то въ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ (нѣмецкаго онъ не зналъ), въ логикѣ по Баумейстеру и т, д. Онъ скоро былъ признанъ достойнымъ занять каѳедру въ семинаріи и если бы пожелалъ принять монашескій санъ, то безъ сомнѣнія достигъ бы званія епископа и архіепископа. Но его тянулъ къ себѣ свѣтъ со всѣми его наслажденіями. Онъ старался перейти въ гражданскую службу. Ему удалось сперва получить мѣсто учителя при дѣтяхъ въ домѣ князя Куракина, въ то время генералъ-прокурора, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть зачисленнымъ въ канцелярію онаго.

Обладая очень счастливыми дарованіями, привлекательною наружностью и при томъ въ высшей степени искусствомъ, лестью, уступчивостью соглашаться со всѣми мнѣніями лицъ высшихъ, уступавшихъ ему въ дарованіяхъ, ему удалось быстро пройти по первымъ ступенямъ служебной лѣстницы, отодвигая въ сторону сослуживцевъ, при чемъ не было недостатка съ его стороны въ различныхъ всякаго рода интригахъ.

Князь Куракинъ вмѣстѣ съ должностію генералъ-прокурорскою передалъ Сперанскаго своему преемнику князю Лопухину, а сей послѣдній въ свою очередь—Беклешеву. При вступленіи на престолъ императора Александра I, Сперанскій домогался расположенія Трощинскаго, работалъ съ нимъ вмѣстѣ по составленію перваго положенія о Государственномъ Совѣтѣ 1801 года и достигъ этимъ должности начальника одного изъ 4-хъ отдѣленій, на которыя дѣлился Совѣтъ въ то время, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ статсъ-секретаря. Его сотоварищами тогда были Энгель (уже статсъ-секретарь при Павлѣ), гораздо болѣе его основательно образованный, не менѣе интриганъ и быть можетъ не столь дѣятельный, а также Оленинъ и князь Циціановъ, впослѣдствіи начальникъ войскъ въ Грузіи, гдѣ онъ былъ убитъ.

Когда Трощинскій утратилъ довѣріе императора и были учреждены въ 1802 г. министерства, Сперанскій перешелъ къ Кочубею, въ качествѣ директора, и составлялъ вышеупомянутую записку о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отъ іюля 1803 г., которою основныя начала системы

министерствъ, находившейся еще въ соотношеніи съ бывшею ранѣе системою коллегій, были совершенно вытѣснены абсолютною системою централизаціи, составленной еще болѣе по французскому образцу.

Пока графъ Кочубей сохранялъ за собою министерство, Сперанскій пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы положить основаніе своему матеріальному положенію, приблизиться къ государю и играть еще бо́льшую роль. При уходѣ Кочубея, Сперанскій неоднократно являлся съ докладами къ его величеству, такъ какъ товарищъ графа Кочубея, графъ Строгановъ, не отправлялъ уже этой обязанности. Сперанскій съумѣлъ своимъ прекраснымъ даромъ слова, своими дарованіями произвести для себя выгодное впечатлѣніе на государя, поддѣлаться подъ его воззрѣнія и скоро очаровалъ Александра I.

Сперанскій былъ назначенъ состоящимъ при немъ по особымъ дѣламъ, безъ болѣе точнаго обозначенія какихъ именно дѣлъ. Онъ тогда сталъ громко выражать желаніе принять участіе въ дѣлахъ коммиссіи законовъ и объявилъ, что намѣренъ вполнѣ подчиниться составленному плану ея занятій и методу работъ коммиссіи. Меня лично онъ увѣрилъ, что считаетъ себя моимъ ученикомъ. Князь Лопухинъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ ранѣе уже и который его спасъ, когда онъ сдѣлался подозрительнымъ императору Павлу I, не задумался на вопросъ государя о назначеніи Сперанскаго въ коммиссію законовъ высказать, что рабочія силы коммиссіи законовъ будутъ значительно усилены, коль скоро Сперанскій будетъ назначенъ третьимъ ея членомъ.

Между тѣмъ проектъ улучшенія тяжебнаго дѣлопроизводства въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ поступилъ еще во время министерства графа Кочубея къ Сперанскому, который не упустилъ случая съ начала до конца раскритиковать его. Онъ съумѣлъ объяснить иначе всѣ мною указанныя злоупотребленія и выставить другія для нихъ причины. Кто прочтетъ съ истиннымъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла его разборъ моего проекта, мнѣ сообщенный, тотъ легко усмотритъ, что все изложенное имъ несравненно неудовлетворительнѣе, имѣетъ много пробѣловъ и несравненно слабѣйшія основанія.

Въ его возраженіяхъ заключалось множество ничего не значущихъ общихъ фразъ объ общемъ судебномъ порядкѣ и особенномъ, придававшихъ его замѣчаніямъ видъ какъ бы обстоятельности. Эти фразы, при поверхностномъ воззрѣніи на предметъ, могли вести къ ложнымъ заключеніямъ и заблужденіямъ. Критика и оппозиція всегда полезны, но для этого, особенно въ дѣлахъ законодательныхъ, въ которыхъ все покоится на основательномъ знаніи дѣла, требуется самое тщательное изслѣдованіе, чтобы представить дѣло въ истинномъ его видѣ. Мнѣ потребовалось не мало времени на возраженія, которыя

были пространны и обстоятельны. Но князь Лопухинъ относился къ нимъ равнодушно; государь находился большею частію въ отсутствіи, а Новосильцовъ близился уже къ немилости. Случись все это двумя годами ранѣе, проектъ послужилъ бы къ основательному пересмотру нашего законодательства.

Паденіе Новосильцова проявлялось постепенно. Онъ одинъ за другимъ лишался докладовъ у государя по разнымъ дѣламъ, и доклады его, при отсутствіи уже благосклонности къ нему государя, не имѣли большаго значенія. Прежнія его отношенія къ государю прекратились совершенно. Чарторыйскій также почти его не видѣлъ. Недостатка въ недругахъ не оказалось; всякій, недовольный Новосильцовымъ, или надѣявшійся что-либо выиграть отъ оставленія его и перехода на сторону Сперанскаго, старался приблизиться къ послѣднему. Новосильцовъ былъ хотя и абсолютистъ, но въ лучшемъ значеніи сего слова. Онъ не стоялъ за особенныя права, или мѣстные законы, а также за народности, за отдѣльныя сословія, корпораціи и муниципальныя учрежденія; по его мнѣнію, все это не являлось основнымъ условіемъ для управленія, которое онъ, во что бы то ни стало, непремѣнно хотѣлъ централизировать, сдѣлать зависимымъ единственно отъ воззрѣній министра и его замѣстителей. Всѣ народности въ государствѣ должно было, по его мнѣнію, слить въ одну. Освобожденіе народа, т. е. эмансипацію земледѣльческаго и промышленнаго класса, онъ соглашался едва допускать. Онъ признавалъ пользу перовъ, но не допускалъ свободы для лицъ, отъ нихъ зависѣвшихъ. Онъ основательно оспаривалъ предъ государемъ крайне либеральныя воззрѣнія Лагарпа, но не понималъ совмѣщенія элементовъ монархическаго государственнаго организма съ надлежащею либеральностью въ управленіи страною, хотя вообще нельзя отрицать въ немъ недостатка ума и проницательности.

Такова была однако его система. Поэтому еще во время его наибольшаго сближенія съ Чарторыйскимъ я замѣчалъ разладъ между ними въ отношеніи этихъ пунктовъ, столь близкихъ сердцу Чарторыйскаго, но о которыхъ онъ очень мало высказывался, понимая невозможность возвести эти взгляды въ Россіи на степень государственной догмы. Я тогда уже предвидѣлъ, что если бы царь пожелалъ раздѣлить мои воззрѣнія вполнѣ, то противоположное имъ мнѣніе должно было бы разсѣяться, потому что между этими двумя системами съ трудомъ могла быть средняя, переходная; эти системы сбоюдно уничтожали другъ друга, имѣя однако совершенно одно и то же стремленіе, именно дѣлать все для укрѣпленія монархіи и законности. Во всякомъ случаѣ Новосильцовъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ являлся въ то время (позднѣйшія его воззрѣнія мнѣ неизвѣстны; и я не хочу

повторять разныя клеветы лицъ, говорящихъ по слухамъ), заслуживалъ полной признательности, и это является тѣмъ болѣе справедливо, когда видишь его среди Строганова и Чарторыйскаго. Новосильцовъ, увидѣвъ, что его не понимаютъ и отодвигаютъ назадъ, не съумѣлъ умѣрить своихъ порывовъ порицанія. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ и громко порицалъ оскорбившаго его, который презрѣлъ его добрые совѣты. Чарторыйскій же напротивъ того, ближе всѣхъ стоявшій къ царю и пользовавшійся одно время болѣе всѣхъ его довѣріемъ, былъ долгое время исполненъ превосходствомъ своихъ побудительныхъ причинъ, что считалъ недостойнымъ для себя говорить объ этомъ и тѣмъ менѣе нисходить до оправданія самого себя, когда онъ, въ свою очередь, оказался также непонятымъ. Въ бесѣдахъ съ классическими писателями древности, которыхъ онъ никогда не забывалъ, находилъ онъ себѣ утѣшеніе и вознагражденіе за непостоянство воззрѣній и нрава своего царственнаго друга. Новосильцовъ же не умѣлъ такъ терпѣливо, какъ онъ, сносить несправедливость и непризнанность, и громко порицалъ: Тильзитскій миръ, занятіе Финляндіи, преданность Румянцева ко всему французскому, предстоящій разрывъ съ Англіею и т. д. Будучи не столь высокаго происхожденія и не столь прекрасно образованъ, какъ Чарторыйскій, Новосильцовъ сталъ въ открытую оппозицію. Неосторожныя слова, произнесенныя имъ на какомъ-то, не помню хорошо, обѣдѣ въ общественномъ собраніи, были доведены до свѣдѣнія императора и ускорили ихъ разрывъ.

Находясь въ несравненно низшемъ служебномъ положеніи, нежели этотъ нѣкогда любимецъ царя, согрѣвавшій меня непосредственными лучами своего величія, я усмотрѣлъ, однако, въ его удаленіи, приближеніе и моего собственнаго паденія, а вмѣстѣ со мною—паденіе законодательныхъ трудовъ моихъ. Этотъ случай произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; я твердо рѣшился какъ можно скорѣе и при первой возможности удалиться отъ дѣлъ. Я совершенно откровенно сообщилъ объ этомъ только моему другу Козодавлеву, назначенному тѣмъ временемъ товарищемъ князя Куракина. Онъ хотя и не порицалъ моего намѣренія, но, какъ вполнѣ разумный человѣкъ, вовсе не желавшій быть только министромъ, но и желавшій умереть въ этомъ званіи, какъ онъ не разъ увѣрялъ меня въ этомъ, посовѣтовалъ мнѣ обождать первую грозу и затѣмъ посмотрѣть что дѣлать.

Сперанскій долженъ былъ въ скоромъ времени быть товарищемъ министра юстиціи, а Козодавлевъ въ такомъ случаѣ являлся нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между имъ и мною. Мои работы, въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ существованія коммиссіи, значительно подвинулись. Лежавшая на мнѣ ея задача была очень

обширна; она учреждалась на долгое время, но я могъ уже предъявить каждому доказательства, что ею сдѣлано не мало.

Я всегда презиралъ мнимую славу составленія эфемерной книги законовъ и всегда имѣлъ предъ собою важную цѣль выдвинуть впередъ общественныя сословныя учрежденія въ соотвѣтствующемъ Россійской имперіи видѣ, и при посредствѣ моихъ законодательныхъ историческихъ таблицъ, составленныхъ для всей имперіи, составить одновременно редакцію русскихъ пандектовъ и русскихъ институцій.

Козодавлевъ находилъ, что хотя Сперанскій и явится моимъ естественнымъ противникомъ и будетъ стараться приписать себѣ лично все сдѣланное мною, но лучше всего дать ему время осмотрѣться вполнѣ съ занятіями коммиссіи и ознакомиться со всѣми ея работами; Козодавлевъ полагалъ, что я этимъ могу обезпечить себѣ отставку болѣе выгодную, нежели показавшись обиженнымъ имъ, ранѣе чѣмъ со мною что-либо послѣдуетъ. «Всегда будетъ время», говорилъ онъ, «удалившись, или получать мѣсто губернатора въ какой-либо губерніи, или совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ».

Онъ отъ себя уже началъ необходимые по этому поводу переговоры и находилъ, что государь имѣетъ намѣреніе не отстранять меня отъ занятій по коммиссіи законовъ.

Первое время все оставалось въ коммиссіи по-прежнему, но все остановилось. Сперанскій сдѣлался дѣйствительнымъ ея начальникомъ, а князь Лопухинъ собственно самъ не зналъ, при чемъ онъ остался. Сперанскій нашелъ излишними совсѣмъ ежемѣсячные отчеты, въ которыхъ я излагалъ подробно о всемъ происходившемъ въ коммиссіи; эти отчеты болѣе не докладывались государю. Мои редакторы и прочіе чиновники обратились къ новому начальнику; каждый изъ нихъ остался доволенъ его внѣшнимъ обхожденіемъ, обѣщаніями, данными имъ, и различными надеждами, всѣ они дѣлались менѣе привязанными ко мнѣ. Я узналъ, что Сперанскій отзывается съ малымъ уваженіемъ о нашихъ работахъ, но приписалъ это болѣе одностороннему отзыву мелкихъ чиновниковъ, изъ числа которыхъ только самая небольшая часть постигла и мой планъ и мой методъ. Я настаивалъ строго на правильномъ и постоянномъ трудѣ; они всѣ были рады освободиться отъ подобнаго принужденія. Насколько было возможно, я продолжалъ работы по-прежнему. Я преимущественно занимался программою предстоящаго публичнаго экзамена въ школѣ, и мнѣ было очень прискорбно, что и въ отношеніи школы нашелъ я нѣкоторыхъ, измѣнившихъ прежнее о ней мнѣніе.

Наступила поѣздка въ Эрфуртъ; Сперанскій, дѣлавшійся все болѣе и болѣе любимцемъ государя, былъ назначенъ сопровождать его величество. Графъ Румянцевъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и

князь Александръ Голицынъ также отправлялись съ Александромъ I. Наполеонъ имѣлъ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ окружающихъ государя лицахъ; онъ стремился расположить къ себѣ вполнѣ императора, а потому и не пренебрегъ никакими средствами къ тому, чтобы и каждаго изъ свиты государя расположить къ себѣ и къ французской системѣ правленія, которой должна была покориться Россія, когда настанетъ къ тому часъ. Онъ постоянно бывалъ только у Александра I, который былъ преисполненъ къ нему удивленія, но давно уже рѣшилъ въ самомъ себѣ надѣть на него оковы, которыя временно допустилъ наложить на себя.

Сперанскій, до отъѣзда еще въ Эрфуртъ, безъ моего вѣдома занимался съ нѣкоторыми редакторами, добивавшимися его расположенія, которымъ онъ сулилъ золотыя горы, хотя позднѣе онъ ихъ всѣхъ, кромѣ единаго, бывшаго наименѣе даровитымъ, удалилъ отъ себя, и они были точно такъ же обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, какъ и государь. Я показывалъ видъ, какъ будто ничего не знаю объ этихъ мелкихъ поступкахъ, и собственно говоря не могъ нисколько этимъ обижаться. Въ самый день отъѣзда Сперанскаго въ Эрфуртъ, я бесѣдовалъ съ нимъ и представилъ ему схему всего государственнаго управленія и новаго губернскаго учрежденія въ особенности. Онъ хвалилъ мою работу, оставилъ ее у себя, и мы разстались въ хорошихъ отношеніяхъ.

По возвращеніи его изъ Эрфурта, я нашелъ въ немъ совершенно другаго человѣка. Онъ принялъ меня гордо, какъ обыкновенно выскочки принимаютъ подчиненнаго. Онъ прошелъ по кабинету раза два, и мои вступительныя слова къ приглашенію его посѣтить коммиссію законовъ вызвали съ его стороны выраженія, указывавшія мнѣ, что предо мною злой, надменный выскочка, вполнѣ созданный для этой роли; онъ считалъ себя возвеснным особыми геніальными крыльями превыше всѣхъ затрудненій, представляемыхъ состояніемъ русскаго законодательства. Еще ранѣе, вполнѣ ревностный приверженецъ французской системы централизаціи (которой онъ былъ обязанъ своимъ служебнымъ поприщемъ, своимъ имѣніемъ, домомъ, деньгами), совершенно преданный кодексу Наполеона, какъ мастерскому произведенію геніальнаго человѣка, Сперанскій, почерпнувъ теперь непосредственно у самаго источника различныя воззрѣнія, явился вполнѣ убѣжденнымъ, что подобное же мастерское произведеніе должно и можно сотворить и у насъ въ Россіи. Весь французскій кодексъ содержалъ въ себѣ 1.800 статей, которыя онъ полагалъ возможнымъ легко изложить, въ какой-нибудь годъ, въ лучшемъ русскомъ обликѣ, послѣ того какъ подчиненные его соберутъ весь необходимый для него матеріалъ. Онъ мнѣ выразилъ, что въ настоящую минуту ничего другаго мнѣ

сказать не можетъ, какъ то, что коммиссіи должно дать совершенно иное устройство и новый планъ ея занятій по всѣмъ отраслямъ законодательства и что онъ неупустительно этимъ и займется. Изъ этихъ словъ я могъ легко уже заключить, какое направленіе примутъ всѣ наши работы. Я хотѣлъ объясниться съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, но онъ казался такъ занятымъ, такъ обремененнымъ посѣтителями, дѣлами, аудіенціями, что я не успѣлъ ничего сказать ему. Взоры всѣхъ были устремлены на новаго великаго государственнаго мужа, который теперь съ большею самоувѣренностію, съ большею бѣглостію сталъ говорить по-французски, нежели ранѣе, до поѣздки своей въ Эрфуртъ.

Я ушелъ отъ него и болѣе къ нему не ходилъ, ожидая развязки Сперанскій во время поѣздки въ Эрфуртъ имѣлъ удобный случай и полную возможность совсѣмъ расположить къ себѣ императора, и сей послѣдній былъ столько же и еще болѣе имъ воохищенъ, чѣмъ, повидимому, Наполеономъ, такъ какъ сей послѣдній могъ современемъ сдѣлаться его врагомъ, чего онъ не допускалъ со стороны Сперанскаго, находившагося въ его власти. Императоръ въ то время смотрѣлъ глазами Сперанскаго, осыпалъ его различными знаками своей милости и всякаго рода доказательствами своего довѣрія къ нему. Сперанскому могло быть не трудно изобразить его величеству столь часто затрагиваемую картину худо устроеннаго и еще хуже осуществляемаго на дѣлѣ порядка управленія, въ самыхъ яркихъ краскахъ, такъ какъ имѣлось много къ тому основаній, и при томъ никто менѣе Сперанскаго не сомнѣвался въ разоказахъ о недостаткахъ управленія и никто менѣе его не смотрѣлъ на самыя дѣла и указы, которые трудно было провѣрить. Личный составъ бывшихъ министровъ давалъ ему обильный къ тому матеріалъ, и онъ никого не щадилъ. Система управленія была до сего времени ввѣрена вообще слабымъ рукамъ; она являлась какимъ-то слабымъ очеркомъ, ожидавшимъ отъ государя дальнѣйшаго своего развитія и усовершенствованія. Эти вполнѣ на личность государя разсчитанныя картины вызывали, конечно, обсужденіе о необходимости лучшей организаціи Государственнаго Совѣта, учрежденнаго по образцу бывшаго въ Парижѣ, но примѣненнаго къ особенностямъ Россіи, также Сената, и преимущественно учрежденія министерствъ, департаментовъ и т. д.; все это проложило Сперанскому дорогу къ должности государственнаго секретаря, который, въ сущности, являлся главнымъ министромъ.

Въ отношеніи же законодательства, Сперанскій внушилъ государю, что работы коммиссіи законовъ совершенно неудачны, что для осуществленія въ Россіи хорошаго законодательства необходимо совсѣмъ иначе руководиться занятіями, именно дать имъ направленіе, соотвѣт-

ствующее видамъ государя. Между тѣмъ императоръ неоднократно выражался одобрительно и о моемъ планѣ, и о моей дѣятельности, и Сперанскій нѣкоторымъ образомъ соглашался съ этимъ, утверждалъ также, что я вполнѣ пригоденъ для обработки книги гражданскихъ законовъ, но не въ состояніи руководить общимъ ходомъ всѣхъ законодательныхъ работъ уже потому, что не владѣю достаточно русскимъ языкомъ. Кромѣ того, поручивъ мнѣ руководство подробностями законодательныхъ работъ, Сперанскій признавалъ необходимымъ высшее главное руководство сосредоточить въ Государственномъ Совѣтѣ, чрезъ который восходятъ законодательныя дѣла къ его величеству.

Все это я услыхалъ тремя днями позже, изъ устъ самого государя, а также отъ Аракчеева, которому его величество передалъ подробно весь разговоръ свой съ Сперанскимъ. Въ словахъ Сперанскаго были перемѣшаны истина и ложь. Его утвержденіе, что я не владѣю русскимъ языкомъ, являлось клеветою, потому что хотя я и не говорилъ на русскомъ языкѣ съ тою же легкостью и развязностію, какъ природный русскій, но тѣмъ не менѣе могъ вполнѣ объясняться по-русски и писалъ по-русски совершенно правильно. Хотя я и не обладалъ такимъ обиліемъ словъ, какъ Сперанскій, но вполнѣ владѣлъ русскою рѣчью и безъ затрудненія велъ пренія на русскомъ языкѣ, что̀ и оказалось на дѣлѣ позднѣе, когда съ 1812 г. я докладывалъ дѣла по законодательной части Совѣта и въ теченіе 10 лѣтъ послѣдовательно составилъ на русскомъ языкѣ не мало книгъ законовъ и болѣе, нежели 200 проектовъ отдѣльныхъ законовъ и заключеній, которые были приняты всѣми членами Государственнаго Совѣта. Все это доказываетъ, что я владѣю достаточно русскимъ языкомъ, чтобы выражаться на немъ ясно и основательно по различнымъ предметамъ и вопросамъ, не только юридическимъ и законодательнымъ, но также историческимъ. Это подтверждаютъ мои институціи русскаго права, мои мнѣнія, представленныя Совѣту, мой трудъ объ источникахъ каноническаго права, а также и другія мои историческія изслѣдованія, которыхъ Сперанскій не былъ въ состояніи написать, потому что онъ никогда не изучалъ основательно источниковъ ни законодательныхъ, ни историческихъ. Кто изъ насъ являлся способнѣе и годнѣе быть органомъ государя при обсужденіяхъ законодательныхъ и другихъ предметовъ въ Государственномъ Совѣтѣ—еще вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ того, кто изъ насъ двоихъ правильнѣе понималъ устройство государственнаго механизма и общественные элементы, входящіе въ составъ онаго, и кто изъ насъ могъ лучше проводить высшія, руководствующія начала.

Сперанскій одновременно представилъ государю, что Новосильцовъ и князь Лопухинъ одинаково не способны руководить законодательными работами. О первомъ я уже высказался ранѣе достаточно, въ особен-

ности же сравнительно съ Чарторыйскимъ. Что же касается князя Лопухина, то онъ не являлся къ чему-либо препятствіемъ, коль скоро узнавалъ волю объ этомъ государя. Сперанскій, въ отношеніи Лопухина, встрѣчался вполнѣ съ мнѣніемъ Александра I, который о князѣ не могъ имѣть большаго выгоднаго понятія изъ прежнихъ своихъ о немъ воспоминаній.

Результатомъ впечатлѣній, произведенныхъ въ Эрфуртѣ, было то, что Александръ I довѣрилъ Сперанскому исключительное руководство законодательствомъ и администраціею въ имперіи. Государь, подобно Сперанскому, имѣлъ непреодолимое стремленіе къ образованіямъ; каждый изъ нихъ при этомъ преслѣдовалъ особый идеалъ. Но все дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія объ этомъ идеалѣ, а потому это ихъ согласіе въ стремленіяхъ не могло быть продолжительнымъ. На время однако законодательство и управленіе Россіею находились въ рукахъ Сперанскаго. Въ его власти было если не вполнѣ достичь желаемой цѣли, то по крайней мѣрѣ положить прочное къ тому основаніе, именно тѣмъ, чтобы основательно и правильно постигнуть значеніе общественныхъ учрежденій. Сперанскій въ состояніи былъ бы это сдѣлать, если бы эту большую заслугу не принесъ въ жертву своему стремленію къ новшествамъ, своему пустому тщеславію *все передѣлать*. Онъ бредилъ только блестящими, красивыми фразами и отдалялъ отъ себя все болѣе и болѣе истинную цѣль.

Скоро, послѣ вышеупомянутаго разговора, меня потребовалъ князь Лопухинъ. Отправляя все по-прежнему свои служебныя обязанности, я захватилъ съ собою разные журналы и доклады. У князя я встрѣтился съ Сперанскимъ, который немедленно однако удалился.

Князь вручилъ мнѣ составленное безъ моего участія, но уже совсѣмъ начисто переписанное постановленіе, съ приказаніемъ привести его въ исполненіе. Въ этомъ постановленіи заключались побудительныя причины къ преобразованію коммиссіи, основныя начала новаго ея устройства, а также новое распредѣленіе работъ между чиновниками и т. д., все это должно было быть представлено установленнымъ порядкомъ на утвержденіе государя. Я послѣ этого простился съ княземъ и пожелалъ ему много счастья и преуспѣянія, при предстоящемъ преобразованіи коммиссіи, и затѣмъ уже и не ходилъ къ нему въ домъ до самаго 1812 года. Я очистилъ даже занимаемую мною комнату въ помѣщеніи коммиссіи и не касался болѣе ея дѣлъ занятій.

Новое положеніе о коммиссіи [1]), дѣйствительно, вскорѣ состоялось.

---

[1]) Новое преобразованіе коммиссіи составленія законовъ состоялось на основаніи высочайше утвержденнаго 7-го марта 1806 г. доклада (I. П. С. 3.

Сперанскій чрезъ нѣсколько дней созвалъ циркуляромъ всѣхъ служащихъ въ коммиссіи, чтобы открыть новую коммиссію, дать каждому изъ нихъ новое назначеніе и предписать каждому новыя его занятія. Это новое положеніе, вскорѣ напечатанное, представляло собою не что иное, какъ сокращенное и испорченное изложеніе прежняго положенія о коммиссіи, о которой даже почти и не упоминалось. Новаго существеннаго въ положеніи было очень мало; всѣ нововведенія состояли въ переименованіяхъ и въ измѣненіяхъ формъ. Моя должность перваго референдаря и главнаго секретаря дирекціи упразднялась, также упразднялись редакторы и ихъ помощники. На ихъ мѣста явились начальника отдѣленій (для гражданскаго права, уголовнаго, торговаго, мѣстныхъ законовъ и т. д.), при чемъ каждый имѣлъ при себѣ канцелярію и юрисконсульта. Мнѣ предназначалось завѣдывать отдѣленіемъ гражданскихъ законовъ, которые я долженъ былъ разработать по новому, мнѣ сообщенному плану. Этотъ планъ содержалъ въ себѣ рубрики, почти тѣ же самыя, которыя встрѣчаются въ кодексѣ Наполеона, и которыя по мѣрѣ надобности могли быть расширены.

Единственно новымъ въ положеніи являлось назначеніе особаго верховнаго совѣта для разсмотрѣнія гражданскихъ законовъ, который долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ лицъ: князя Лопухина, графа Завадовскаго (который ни разу не явился), Новосильцова, Чарторыйскаго, графа Северина Потоцкаго, сенаторовъ: Алексѣева и Каринѣева. Сперанскій былъ собственно директоромъ коммиссіи, а князь Лопухинъ, особымъ на то указомъ, былъ устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ коммиссіи.

Такимъ образомъ прежняя коммиссія составленія законовъ, учрежденная нѣкогда по моему проекту, была совершенно упразднена; по революціонерному принципу, которому вполнѣ предался Сперанскій, не должно было ничего остаться отъ стараго порядка вещей и еще менѣе отъ моего метода и направленія моего руководительства работами. Для меня это было совершенно безразлично, потому что я терялъ при этомъ менѣе, нежели теряло самое дѣло, хорошее само по себѣ. Но мнѣ были крайне непріятны слѣдующія, принятыя вмѣстѣ съ преобразованіемъ коммиссіи мѣры.

Еще въ 1805 году государь одобрилъ сдѣланное ему предоставленіе коммиссіею законовъ о приглашеніи извѣстныхъ заграничныхъ профессоровъ и государственныхъ дѣятелей въ корреспонденты или почетные члены коммиссіи, при чемъ назначалось имъ по 400 р. въ годъ вознагражденія (тогда рубль по курсу стоилъ 25 пенсовъ или штюве-

---

№ 23525), при чемъ былъ опредѣленъ и личный составъ ея и труды, на нее возлагаемые.

ровъ). Предложенные мною кандидатами въ эти члены: Гекингъ, Піатоли, Ерхартъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго-Шлецеръ, Тибо, Фейербахъ [1]), все достопочтенные люди, которые могли быть очень полезны комиссіи,—были утверждены государемъ. Подписанные Новосильцовымъ и мною дипломы этимъ лицамъ на это званіе были имъ посланы, и каждый изъ нихъ прислалъ мнѣ что-нибудь изъ трудовъ своихъ или письма съ весьма полезными замѣчаніями. Два раза возникавшая съ 1805 года война и поѣздка государя замедлили уплату этимъ лицамъ назначеннаго имъ вознагражденія, но наконецъ послѣдовало положительное объ этомъ приказаніе. При вступленіи Сперанскаго въ управленіе коммиссіею, я вновь возбудилъ вопросъ объ уплатѣ вознагражденія корреспондентамъ, но Сперанскій, ничего не знавшій о трудахъ нѣмецкихъ юристовъ, потому что не умѣлъ читать по-нѣмецки, не пожелалъ упустить случая меня скомпрометтировать и хотя не могъ отмѣнить состоявшагося высочайшаго повелѣнія о ихъ назначеніи, убѣдилъ однако князя Лопухина, что лучше не выплачивать имъ вознагражденія, потому, что отъ нихъ не было никакой пользы коммиссіи и ничего они для нея не дѣлаютъ.

Я повторялъ два раза мое представленіе, но получалъ тотъ же отвѣтъ; въ слѣдствіе чего дальнѣйшая переписка съ этими лицами была прекращена. Князь Лопухинъ позднѣе не раздѣлялъ этого мнѣнія Сперанскаго, принятаго имъ теперь исключительно изъ экономическихъ соображеній. Одинъ Фейербахъ получилъ при содѣйствіи графа Брея знаки ордена св. Анны, но слѣдуемое ему вознагражденіе не было уплачено, какъ и остальнымъ. Объ этомъ предметѣ я коснусь еще разъ позднѣе. Я также увѣдомилъ государственнаго министра Глобига, что

---

[1]) Къ поясненію, почему именно были приглашены вышепомянутыя лица, достаточно упомянуть въ немногихъ словахъ слѣдующее: Фейербахъ (Павелъ Аксельмъ, р. 1775—1833 г.) былъ извѣстный составитель уголовнаго уложенія для Баваріи и знаменитый криминалистъ своего времени; Тибо (Антонъ Фридрихъ, р. 1772—1840 г.), извѣстный знатокъ римскаго права, доказывавшій необходимость имѣть одно общее гражданское уложеніе для всей Германіи; Гуго (Густавъ, р. 1764—1844), основатель вмѣстѣ съ Савиньи школы историческаго изученія права въ Германіи и профессоръ римскаго права въ Геттингенѣ; Клейнъ (Эрнестъ р. 1743 г. въ Бреславлѣ и умеръ 1810 въ Берлинѣ), профессоръ уголовнаго права въ Галле, принимавшій большое участіе въ переработкѣ прусскаго законодательства; Шлецеръ (Августъ, р. 1735—1809 г.), извѣстный помощникъ нашего исторіографа Миллера, а затѣмъ профессоръ въ Геттингенѣ, гдѣ онъ и умеръ: Эрхардъ, профессоръ государственнаго права, авторъ сочиненія „Ueber das Recht des Volkes zur Revolution. 1795. Iena и т. д. Противъ выбора такихъ лицъ для содѣйствія коммиссіи законовъ въ ея трудахъ—едва-ли можно возражать. Насколько достигалась желаемая цѣль ихъ приглашенія—также нельзя было сказать заранѣе.

за присланный имъ проектъ онъ получитъ орденъ св. Анны, но и эта награда была отмѣнена.

Еще болѣе чувствительнымъ для меня явилось послѣдовавшее закрытіе школы правовѣдѣнія. Сперанскій доложилъ государю, что до тѣхъ поръ, пока не составлена общая книга законовъ, совершенно излишне имѣть эту школу и, что университеты даютъ достаточно средствъ къ образованію по юридическимъ факультетамъ [1]). Это очевидно было неправильное заключеніе, потому что не во всѣхъ университетахъ находились въ достаточномъ числѣ профессора юридическихъ наукъ и не во всѣхъ имѣлись средства къ познанію русскаго права, которыми бы могли пользоваться профессора, и за отсутствіемъ которыхъ они могли читать только одни подготовительные къ тому курсы. Направленіе и цѣль школы были чисто практическія, и въ эту школу принимались лица, уже кончившія курсъ, чтобы приготовить изъ нихъ для практической дѣятельности судей и ученыхъ юристовъ. Эта спеціальная школа должна была дополнять полученное уже университетское образованіе. Первыя два публичныя испытанія въ школѣ достаточно доказали характеръ преподаванія въ оной, и я былъ убѣжденъ, что это заведеніе доставитъ пользу, каждые три года формируя хорошихъ юристовъ и судей.

Сперанскій смотрѣлъ на эту школу со свойственнымъ ему пренебреженіемъ къ существующему, не имъ сдѣланному. Послѣ послѣдняго экзамена студенты были по уставу распредѣлены по присутственнымъ мѣстамъ, но о новомъ комплектованіи этого учрежденія не было уже и рѣчи.

Наконецъ нѣкоторые изъ редакторовъ, мною ранѣе назначенныхъ, и нѣкоторые чиновники коммиссіи были принуждены Сперанскимъ просить о своемъ увольненіи.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, Сперанскій предложилъ каждому начальнику отдѣленія изложить подробное развитіе общаго, составленнаго имъ плана, который онъ намѣревался представить на утвержденіе государя. Я ему передалъ чрезъ нѣкоторое время таковое изложеніе по гражданскимъ законамъ, которымъ онъ, повидимому, остался доволенъ по прочтеніи, и сказалъ мнѣ, что о дальнѣйшемъ ходѣ работѣ поставитъ меня въ извѣстность. Я не ходилъ къ Сперанскому съ осени 1808 года, занимался приведеніемъ въ порядокъ юридическихъ матеріаловъ, собранныхъ мною, и забылъ собственно объ обѣщаніи Сперанскаго сообщить мнѣ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что хотя положеніемъ коммиссіи 1809 г. высшее училище правовѣдѣнія и упразднялось, но оно просуществовало до 1816 г., когда было упразднено по докладу князя Лопухина (см. I. П. С. З. № 26710).

Прошло не мало времени, пока я снова съ нимъ свидѣлся. Поводомъ этого явилось то, что онъ склонился убѣжденіями нѣкоторыхъ изъ моихъ редакторовъ поручить имъ составленіе проекта первой части книги законовъ (права личныя); быть можетъ, онъ и самъ склонилъ ихъ просить объ этомъ.

Въ концѣ февраля 1809 года я узналъ дальнѣйшее о себѣ отъ самого Сперанскаго. Онъ прошелъ неожиданно въ мою рабочую комнату съ большою пачкою бумагъ подъ руками и показалъ мнѣ, по его словамъ, совершенно готовый кодексъ. Я пожелалъ ему счастья съ этою работою, но онъ не принялъ этого пожеланія и признался мнѣ, что ошибся въ лицахъ, взявшихся составлять гражданскіе законы, и что ихъ крайне неудачную работу онъ никакъ не можетъ представить Совѣту, который долженъ открыться 1-го мая. Поэтому онъ просилъ меня теперь же заняться, какъ можно скорѣе, изложеніемъ личныхъ правъ въ законахъ гражданскихъ.

Какъ начальникъ отдѣленія, я не могъ отказаться отъ этого порученія, но возражалъ только противъ краткаго срока, назначеннаго мнѣ на эту работу до 1-го мая. Онъ высказалъ мнѣ по этому поводу самыя лестныя для меня фразы и намѣревался довести до свѣдѣнія государя о моихъ заслугахъ, но конечно воздержался что-либо замолвить объ этомъ его величеству. Я обѣщалъ ему сдѣлать наилучшее, что могу, и въ нашемъ продолжительномъ разговорѣ обратилъ его вниманіе на необходимость и значеніе изложенія всѣхъ положеній законовъ, которое должно предшествовать окончательнымъ новымъ проектамъ законовъ. Это изложеніе должно быть сдѣлано не по рубрикамъ указовъ, но по ихъ содержанію, часто разбросанному и очень разностороннему.

Въ эту минуту Сперанскій вполнѣ съ этимъ согласился и предоставилъ мнѣ указать составныя части книгъ законовъ изъ различныхъ источниковъ по моему желанію. Онъ заботился только о томъ, чтобы скорѣе справиться съ этимъ дѣломъ. Онъ хотѣлъ жать, не только не посѣявъ, но даже и не пахавъ земли. Повсюду обнаруживалась его поверхностность. Какая же была возможность приступить въ маѣ мѣсяцѣ въ Совѣтѣ министровъ къ разсмотрѣнію свода, ни одной строчки котораго не было написано въ февралѣ, и къ чему для этого созывать Совѣтъ? Сперанскій остался при томъ, что при моихъ подготовительныхъ работахъ и при моемъ признанномъ дарованіи мнѣ не трудно будетъ справиться съ возлагаемой на меня задачею къ назначенному сроку. Я и самъ надѣялся что справлюсь, но желалъ по возможности менѣе поверхностно работать и быть возможно болѣе самъ доволенъ своею работою.

Я не требовалъ удаленія тѣхъ плохихъ мастеровъ, которые вмѣшались въ мое дѣло, но Сперанскій уже ихъ уволилъ. Я поставилъ

условіемъ, чтобы онъ самъ аккуратно, правильно просмотрѣлъ со мною въ коммиссіи и обсудилъ каждую отдѣльную главу проекта, потому что я не могъ таскать съ собою къ нему всѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ были составлены означенныя главы, и Сперанскій исправно исполнялъ это условіе и приходилъ въ коммиссію. Обработка законовъ о личныхъ правахъ по началамъ русскаго права являлась дѣломъ не легкимъ, въ особенности глава о бракѣ, для которой имѣютъ большое значеніе славянскіе и греческіе источники, а также инструкція Синода 1768 г.; все это смѣшивалось въ этой главѣ. Я на эту главу и ранѣе обратилъ большое вниманіе, какъ это можно усмотрѣть изъ источниковъ, приведенныхъ мною во второмъ томѣ русскихъ пандектовъ, гдѣ они всѣ собраны и изложены мною.

Сперанскій почти каждодневно являлся на наши совѣщанія въ коммиссію. Ссылки на отдѣльные указы и другія законныя опредѣленія, относившіяся къ нашей работѣ, которая на нихъ и основывалась и для которой они являлись частію источниками, частію доводами, были означены буквами. Присоединенное изложеніе мотивовъ на манеръ французскаго образца приводило все въ стройное цѣлое, совершеннѣйшую гармонію.

1-го мая 1809 г. члены новаго Совѣта собрались въ законодательную коммиссію. Всѣмъ имъ было сообщено, что государю угодно, чтобы прежде всего читался текстъ главы, подлежащей обсужденію. Новосильцовъ, Чарторыйскій, а также графъ Потоцкій сдѣлали при чтеніи очень основательныя замѣчанія, которыя частію въ томъ же засѣданіи, частію въ слѣдующемъ были опровергнуты или разъяснены. Въ особенности это случилось при вопросахъ о правахъ родительской власти, о раздѣлѣ имущества между дѣтями и т. д. Князь Лопухинъ не разъ значительно поглядывалъ на меня. Сенаторъ Алексѣевъ, очень большой приверженецъ всего стараго, хотя и подписалъ журналъ, но находилъ, что новое изложеніе, даже и оправдываемое ссылками на законы, тѣмъ не менѣе являетъ собою нѣчто чуждое, новое, не совсѣмъ понятное русскимъ судебнымъ дѣятелямъ. Въ то время я еще совсѣмъ не зналъ этого Алексѣева, о которомъ мнѣ придется говорить позднѣе. Сперанскій сообщилъ мнѣ, что онъ несвѣдущій рутинеръ, котораго потому только посадили въ Совѣтъ, что онъ пользуется репутаціею знатока русскихъ законовъ, такъ какъ онъ долго сидѣлъ въ Сенатѣ. Недѣлю за недѣлею тянулось чтеніе главы новаго проекта и подписывались журналы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ отдѣлъ о личныхъ правахъ былъ оконченъ разсмотрѣніемъ и началось печатаніе онаго. Сперанскій лично держалъ корректуру и дозволялъ себѣ при томъ различныя исправленія въ словахъ и выраженіяхъ. Заданный мнѣ урокъ на этотъ годъ былъ такимъ образомъ оконченъ.

Я очень рѣдко посѣщалъ Новосильцова, мнѣ было больно напоминать ему о прошедшемъ. Чарторыйскаго видѣлъ я по временамъ у любезнаго и пріятнаго графа Строганова (старика), который оказывалъ мнѣ свое благосклонное расположеніе и повидимому лучше понималъ положеніе дѣлъ, чѣмъ это казалось многимъ.

Однажды въ осенній вечеръ, въ своемъ прекрасномъ дачномъ домѣ на Малой Невкѣ, онъ устроилъ прекрасный фейерверкъ, и когда я къ нему подошелъ, онъ сказалъ мнѣ со свойственною ему шутливостью: «Voila, mon cher, comme nous lançons nos fusées; chacun à sa manière. Mais vous voyez que l'obscurité y succède immediatement». (Вотъ, мой дорогой, какъ мы пускаемъ ракеты; всякій на свой ладъ. Но вы замѣчаете, что темнота наступаетъ немедленно).

Я ему отвѣтилъ: «La lumière est toujours bonne à quelque chose, ne fut ce que pour quelques moments. (Свѣтъ всегда къ чему-либо годенъ, хотя бы и на нѣсколько минутъ).

Старый графъ, въ то время президентъ Академіи художествъ, былъ очень занятъ постройкою Казанскаго собора. «Non omnis moriar». (Не весь умру), сказалъ онъ, когда соборъ былъ построенъ и освященъ.

Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай видѣть его въ послѣдній разъ, когда поздравлялъ его съ назначеніемъ въ особы перваго класса, за успѣшное сооруженіе собора. Въ тотъ же день единственный его внукъ, сынъ графа Павла Строганова, молодой юноша, подававшій большія надежды, былъ произведенъ въ офицеры. Нѣсколько дней послѣ этого старый графъ окончилъ свою земную жизнь и со всѣми своими чинами и прекрасными качествами былъ погребенъ въ сооруженномъ имъ соборѣ.

Во все время обсужденій главъ и статей новаго кодекса мои отношенія оо Сперанскимъ были самыя дружественныя. Мы разсуждали съ нимъ о многихъ другихъ законодательныхъ вопросахъ, и я всегда удивлялся поверхностности и неустойчивости его мыслей, выражаемыхъ имъ съ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ. Такъ напр. онъ утверждалъ однажды, что законодатель долженъ совершенно отречься отъ понятія о собственности и что можно совсѣмъ обойтись безъ этого понятія потому, что одно государство—единственный собственникъ въ настоящемъ значеніи этого слова; всѣмъ же прочимъ предоставляется право пользованія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Право частной собственности быть можетъ являлось полезнымъ въ прошлыя, отдаленныя времена, но при современномъ положеніи цивилизаціи можно обойтись безъ этого права. Начало централизаціи онъ считалъ самымъ совершеннымъ типомъ управленія, принятымъ Наполеономъ, этимъ по его мнѣнію величайшимъ изъ геніевъ; этотъ типъ ни въ какой странѣ не можетъ

имѣть такого полезнаго примѣненія, какъ въ Россіи, гдѣ съ верху до низу все должно быть преобразовано.

Все должно зависѣть отъ одного. Сообщество въ матеріальныхъ интересахъ Сперанскій еще допускалъ, но отнюдь не въ государственныхъ отношеніяхъ. Сохраненіе коллегій онъ считалъ за нѣчто пагубное, препятствующее твердому неуклонному примѣненію законовъ.

Отдохновеніемъ для Сперанскаго являлось чтеніе мистическихъ сочиненій, и его библіотека изобиловала произведеніями этого рода. Онъ не любилъ занятій историческихъ и философскихъ во всѣхъ ихъ отрасляхъ. Должно было по его мнѣнію стремиться прозрѣть сквозь матеріальную оболочку, насъ облекающую, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ нашъ глазъ могъ взирать въ безконечность. На второмъ планѣ у него стоялъ піэтизмъ, въ который легко впадаетъ простой народъ и менѣе образованные классы его.

Выписка, сдѣланная мною для него изъ сочиненія Захарія о гернгутерахъ [1]), доставила ему большое удовольствіе. Это направленіе, которое позднѣе много разъ видоизмѣнялось въ Сперанскомъ и которое онъ былъ принужденъ не разъ покидать, являлось въ немъ господствующимъ въ то время; оно проглядываетъ во всѣхъ его письменныхъ работахъ за это время. При этомъ онъ обнаруживалъ пренебреженіе въ отношеніи различныхъ другихъ воззрѣній и смотрѣлъ на всѣхъ лицъ съ какой-то недосягаемой высоты.

Такъ какъ онъ самъ дошелъ до всего своими личными заслугами, то и смотрѣлъ на все его окружавшее какъ на сырой матеріалъ (металлъ или камень), который надлежитъ выкинуть, коль скоро изъ него выдѣлана уже извѣстная фигура. Онъ хвалилъ и уважалъ въ данную минуту только тѣхъ, которые по его предположеніямъ могутъ ему пригодиться для его цѣлей, и нерѣдко хвалилъ даже людей, которыхъ мало очень зналъ и конечно не желалъ бы хвалить. Такъ напр. князя Чарторыйскаго онъ называлъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя воззрѣнія ихъ обоихъ до крайности расходились и въ законодательной и публицистической дѣятельности. Короля Густава-Адольфа [2]) онъ считалъ за величайшую личность, которую только можетъ указать исторія царственныхъ особъ. Только одинъ Наполеонъ по его мнѣнію

---

[1]) Гернгутеры или моравскіе или богемскіе братья—особая религіозная секта, возникшая въ Богеміи въ началѣ XV столѣт., стремившаяся возвратиться къ первымъ временамъ христіанства. Она получила свое названіе отъ деревни Гернгутъ, гдѣ впервые проявилась. Гернгутеры поселились и у насъ въ Сарептѣ.

[2]) Густавъ-Адольфъ, р. 9-го декабря 1594 г., знаменитый шведскій король, герой тридцатилѣтней войны, убитый въ сраженіи при Люценѣ 16-го ноября 1632 года.

стоялъ выше его, потому что онъ съумѣлъ все обнять, все подчинить своей личности, своей политикѣ, своему господству, тогда какъ шведскій король проявилъ болѣе глубокую проницательность тѣмъ, что предпочелъ скорѣе потерять тронъ, нежели измѣнить свой образъ дѣйствія. Такихъ правителей, какъ Фридриха-Вильгельма [1]) и Франца [2]), при всѣхъ признанныхъ за ними качествахъ, онъ считалъ только куклами въ рукахъ ихъ министровъ и генераловъ. Вся Европа до появленія Наполеона имѣла учрежденія на половину устарѣлыя, на половину пришедшія въ упадокъ. Русскій государственный строй долженъ былъ быть совершенно преобразованъ до самаго его основанія. Императрица Екатерина II дѣйствовала при этомъ преобразованіи въ потьмахъ, а Александру I недостаетъ твердой воли, что тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что французскій идеалъ находился во всемъ своемъ блескѣ предъ его глазами.

Сперанскій былъ врагъ родоваго дворянства; всѣ титулы, званія почетныя, чины должны быть по моему мнѣнію только личными. Крестьянское сословіе должно быть прикрѣплено къ землѣ и ему должно уступить пользованіе землею за опредѣленные оброки.

Владѣльцы прочихъ земельныхъ участковъ должны подлежать различнымъ ограниченіямъ. Сперанскому казалось великою ошибкою государственнаго управленія, что вся большая масса производительныхъ силъ государства предоставлена произволу трехъ, четырехъ сотъ тысячъ лицъ. Городскія общественныя управленія должно считать обыкновенными общинами, которыя должны вполнѣ подчиняться тому направленію, которое признаетъ за благо дать имъ правительство; они должны управляться сверху.

Прочіе органы мѣстнаго управленія должны зависѣть равнымъ образомъ отъ центральныхъ мѣстъ, и губернское управленіе—являться въ меньшемъ только размѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же министерствами и снимкомъ съ государственнаго управленія.

Позднѣе Сперанскій сталъ допускать, что Сенатъ съ отдѣленіемъ отъ него судебныхъ обязанностей долженъ составить одно центральное административное учрежденіе, которое должно быть поставлено въ самую тѣсную связь съ министерствами, чтобы имѣть полную возможность производить во всякое время контроль надъ управленіемъ. Въ та-

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, р. 1770 г. и умеръ въ 1845 г.; онъ вступилъ въ бракъ въ 1793 г. съ герцогинею мекленбургъ-стрелицкою Луизою, а послѣ ея кончины въ 1810 г. состоялъ въ морганатическомъ бракѣ съ графинею Гаррахъ, княгинею Лигницъ.

[2]) Францъ II Іосифъ, императоръ австрійскій, р. 12-го февраля 1768 г. во Флоренціи и умеръ въ Вѣнѣ 12-го марта 1835 г. Онъ велъ неудачныя войны съ Наполеономъ и выдалъ дочь свою Марію-Луизу за Наполеона I въ 1810 г.

комъ видѣ онъ выставилъ это отношеніе и въ своемъ проектѣ объ учрежденіи Сената, представленномъ имъ въ 1811 году государю. Сперанскій уже тогда сознавалъ всѣ замѣшательства, произведенныя его запискою 1803 года, и потому принималъ на себя трудъ исправить прежнюю свою непослѣдовательность новою. Самъ государь это замѣтилъ, и это явилось одною изъ первыхъ причинъ, поколебавшихъ его довѣріе къ Сперанскому.

Высшее духовенство было Сперанскому ненавистно, а также и монашество; то и другое притѣсняло и угнетало низшее свѣтское духовенство, въ особенности сельское. Первыя впечатлѣнія юности, а также вынесенныя имъ изъ семинаріи должны были освоить и познакомить Сперанскаго болѣе, чѣмъ-кого либо другаго, съ недостатками и потребностями русскаго духовенства вообще; но когда государь поставилъ его во главѣ комитета, долженствовавшаго упорядочить положеніе обоихъ видовъ духовнаго состоянія, Сперанскій не сдѣлалъ ничего для улучшенія приходскаго духовенства.

Правда, мѣстныя семинаріи и духовныя училища были надѣлены денежными средствами, потому что на то послѣдовала высочайшая воля, но за то у нихъ отняты были свѣчныя деньги, а самое управленіе семинаріями и школами отнято у епархіальныхъ епископовъ и сосредоточилось въ высшемъ управленіи школъ при духовной академіи. Все должно было быть направляемо изъ Петербурга.

Таковы были неимовѣрно обивчивыя воззрѣнія (colossal verworene Ansichten), высказываемыя Сперанскимъ при различныхъ случаяхъ. Я избѣгалъ всякаго подробнаго о нихъ разсужденія потому отчасти, что большая часть оныхъ не соотвѣтствовала моимъ воззрѣніямъ, а также и потому, что самъ Сперанскій часто мѣнялъ свои собственныя. Онъ какъ творецъ стоялъ среди хаоса матеріаловъ и обломковъ, составленныхъ частью изъ развалинъ существовавшаго, частью же изъ его собственныхъ уложеній, и извлекалъ изъ этого хаоса и обращалъ вниманіе то на одно, то на другое, Сперанскій даже не всегда былъ въ согласіи съ самимъ собою; часто было достаточно одного слова, чтобы склонить его на другія воззрѣнія.

Я припоминаю, что когда онъ разъ опровергалъ мои предположенія и воззрѣнія о губернскомъ управленіи и другихъ различныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, я указалъ ему между прочимъ на нѣсколько его собственныхъ отзывовъ объ этомъ трудѣ моемъ. Но Сперанскій, едва взглянувъ на нихъ, немедленно сталъ опровергать ихъ, говоря, что они были высказаны имъ съ поспѣшностью, безъ зрѣлаго обсужденія. Онъ такъ же скоро чуждался своихъ собственныхъ мыслей, какъ и выраженныхъ другими, въ особенности когда не имѣлъ передъ собою книги или источника, которымъ пользовался ранѣе.

Главнѣйшимъ предметомъ занятій Сперанскаго осенью 1809 г. являлось учрежденіе новаго Государственнаго Совѣта.

Русскіе цари и императоры всегда имѣли при себѣ совѣщательное собраніе изъ бояръ. На востокѣ и на сѣверѣ совѣтъ подобныхъ лицъ сопровождалъ властителей всегда. Петръ I совѣтовался съ подобными совѣтниками только въ рѣдкихъ случаяхъ, пока не постигъ должнымъ образомъ системы и формъ внутренняго управленія государствомъ и пока не учредилъ Сената въ качествѣ высшаго центральнаго учрежденія въ государствѣ для дѣлъ управленія и суда. Совѣтъ же, какъ государственное учрежденіе, явился въ нашемъ отечествѣ въ первый разъ при императрицѣ Екатеринѣ I съ опредѣленными протоколами своихъ засѣданій. При Аннѣ Іоанновнѣ Совѣтъ получилъ болѣе обширныя обязанности и права, которыя подчинили ему даже Сенатъ, такъ какъ Совѣтъ именемъ государыни издавалъ указы. Сенатъ по-прежнему продолжалъ именоваться высокій Сенатъ, но уже не назывался правительствующій.

Императрица Елизавета возвратила Сенату прежнія его права и принадлежности, а Совѣтъ явился только чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ. Таковымъ застала Совѣтъ Екатерина II, при которой онъ и оставался въ томъ же видѣ во все продолженіе ея царствованія. Императрица хорошо понимала петровскую коллегіальную систему управленія, а также элементы русскаго государственнаго организма. Она хотя быть можетъ и являлась самою полною представительницею абсолютизма, но путемъ изученія понимала потребности своей страны и соотношеніе различныхъ частей управленія и кромѣ того сохранила съ благоразуміемъ и твердостью то, что она создала. Она не благоволила ни отдѣльнымъ партикулярнымъ (частнымъ) правамъ, ни отдѣльнымъ національностямъ, ни личной свободѣ; она разрушила Польшу, лишила многія провинціи ихъ особыхъ правъ и учрежденій по древнимъ статутамъ, обратила два милліона свободныхъ казаковъ въ крѣпостныхъ (Leibeigene), наблюдая впрочемъ за тѣмъ, чтобы имъ въ этомъ новомъ положеніи было по возможности хорошо. Она не увеличивала податей, держала небольшія арміи, была снисходительна къ мелкимъ хищеніямъ, но противодѣйствовала большимъ злоупотребленіямъ. Прежде всего она упорядочила низшія правительственныя учрежденія. Въ 1766, 1772, 1783 и 1785 году она дополнила изданныя Петромъ I учрежденія въ ихъ настоящемъ духѣ. Хозяинъ, хорошо знающій всѣ части своего хозяйства и своей земли, а также умѣющій прилагать съ умомъ и бережливостью всѣ свои силы, всегда будетъ процвѣтать, хотя быть можетъ его рабочіе и его сосѣди не всегда будутъ имѣть возможность хвалить его поступки. Мудрость пользуется всѣмъ и дѣлаетъ даже жестокость менѣе чувствительною. Въ этомъ состоитъ искусство упра-

влять большимъ и малымъ. Императрица держала бразды повидимому мягко, но съ неумолимою строгостью, если это было нужно. Она была въ высшей степени не благосклонна къ либеральнымъ идеямъ, хотя сама написала книгу о правахъ и обязанностяхъ и отмѣнила цензуру. Но горе тому, кто хвалилъ свободу, и за нѣсколько строкъ, за нѣкоторыя выраженія былъ наказанъ извѣстный Новиковъ [1]), оказавшій столько услугъ изученію историческихъ источниковъ, а также разжалованъ и сосланъ въ Сибирь Радищевъ [2]). Все это не мѣшало однако тому, что императрица была великою правительницею государства и оставила свое государство въ цвѣтущемъ состояніи.

Неосновательно упрекаютъ императрицу въ томъ, что она первая отмѣнила учрежденіе коллегій, возложивъ въ губерніяхъ все руководство новымъ экономическимъ управленіемъ на камеральные суды и передавъ исполнительную власть въ губерніи особымъ правленіямъ, а судебную особымъ палатамъ (гражданскаго и уголовнаго суда), какъ составившимъ третью аппеляціонную инстанцію. Чрезъ это многія центральныя коллегіи, бывшія въ Петербургѣ, становились конечно излишними. Когда Екатерина II по введеніи губернскихъ учрежденій упразднила мануфактуръ и ревизіонную коллегіи, она однако не заявила, что должны быть отмѣнены центральныя административныя управленія. Этимъ не разрушилась система коллегій, напротивъ того, она усиливалась, ибо всѣ мѣстныя провинціальныя коллегіи находились подъ вѣдомствомъ центральной коллегіи, т. е. Сената. Вопросъ шелъ только о томъ, что независимо отъ этихъ 50 провинціальныхъ коллегій необходима тѣмъ не менѣе еще средняя инстанція, коммерцъ и мануфактуръ-коллегіи, а также бергъ-коллегія и другія, чтобы не слишкомъ обременять различными мелочными дѣлами и подробностями Сенатъ, какъ центральную коллегію.

Въ царствованіе императора Павла I было принято это вполнѣ правильное воззрѣніе (по предложенію Васильева), и коллегіи были снова возстановлены, при чемъ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ положеніи о губернскомъ управленіи; единство управленія и контроль вполнѣ были сохранены. Но эта лучшая система правленія, вполнѣ соотвѣтствующая природѣ вещей, была, какъ и мѣстныя особенности управленія, несовмѣстима съ тѣми личными воззрѣніями,

---

[1]) Новиковъ, Николай Ивановичъ, р. 1744 г. извѣстный ревнитель народнаго просвѣщенія при Екатеринѣ II, издатель журналовъ, собиратель матеріаловъ для исторіи Россіи и ея литературы, учредитель типографской компаніи и т. д. Онъ умеръ въ 1818 году.

[2]) Радищевъ, Александръ Николаевичъ, р. 1749 г., авторъ извѣстнаго описанія Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, сильно разгнѣвавшаго императрицу Екатерину II. Онъ умеръ въ 1802 году.

подъ вліяніемъ которыхъ директоръ разсматривалъ все дѣло. Только путемъ этихъ личныхъ его воззрѣній, защищаемыхъ слабыми софизмами, было проведено расширеніе министерскаго наказа и Сенатъ утратилъ чрезъ это всѣ свои исполнительныя права и преимущества. Легкомысліе, съ которымъ при этомъ поступали, было превзойдено только поверхностнымъ выполненіемъ этого преобразованія. Сохранялся первый департаментъ Сената, въ которомъ были сосредоточены всѣ обязанности Сената относительно управленія государствомъ; онъ остался наравнѣ съ министрами и комитетомъ министровъ. Въ этомъ крылась двойная непослѣдовательность, которая стала теперь очевидною и для лицъ, создавшихъ всю эту аномалію. Съ переходомъ всей исполнительной власти вполнѣ въ руки министровъ, прекратилось на самомъ дѣлѣ значеніе Сената. Самое выдающееся въ этой аномаліи заключается въ томъ, что тѣ же министры—въ то же время всѣ члены Сената и часто въ комитетѣ министровъ отмѣняютъ распоряженія Сената и измѣняютъ то, что они, какъ министры, сами одобрили и подтвердили.

Всѣ эти недостатки я не разъ указывалъ какъ въ составленномъ мною въ 1803 г. проектѣ о Сенатѣ, такъ и при другихъ случаяхъ. Конечно, этотъ же вопросъ долженъ былъ возникнуть, когда Сперанскій сталъ заниматься устройствомъ Государственнаго Совѣта, Сената и комитета министровъ, и хотя онъ во многихъ отношеніяхъ соглашался съ моими воззрѣніями, но я сомнѣвался, чтобы онъ принялъ ихъ въ какое-либо соображеніе. Тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыми онъ руководствовался ранѣе, теперь уже не существовало. Государственный человѣкъ, стоявшій на такой новой, высокой степени, конечно, долженъ бы былъ поступить не столь легкомысленно, но Сперанскій, думая только о своемъ собственномъ *я*, о вліяніи, которое *онъ* можетъ оказывать на всѣхъ министровъ, упустилъ совершенно изъ виду матеріальные интересы всѣхъ государственныхъ сословій. Онъ добивался *единства* административныхъ началъ въ Государственномъ Совѣтѣ и сдѣлалъ себя независимымъ, всемогущимъ государственнымъ секретаремъ онаго. Но это была слишкомъ слабая опора; — ему по крайней мѣрѣ слѣдовало бы сгладить нѣкоторыя отдѣльныя коллизіи между Сенатомъ и министерствами. И если для него лично дѣло шло о томъ, чтобы на мѣсто Сената поставить Государственный Совѣтъ, то ему слѣдовало бы освободить Совѣтъ отъ коллегіальныхъ формъ, отъ всѣхъ порядковъ дѣлопроизводства коллегій, отъ внѣшнихъ и внутреннихъ связей съ коллегіями или департаментами министерскими, короче сказать—отъ связи и отношеній между всѣмъ государственнымъ организмомъ, безъ чего Государственный Совѣтъ, конечно, не могъ ни дѣйствовать, ни контролировать. Въ отношеніи управленія онъ являлся

какъ бы за кулисами стоящій авторитетъ, къ которому не могло обращаться ни одно учрежденіе и также ни одно частное лицо. Онъ не имѣлъ никакихъ способовъ слѣдить за ходомъ управленія.

Я допускаю, что при этомъ, какъ и при составленіи кодекса на французскій манеръ, положенъ въ основаніи эрфуртскій типъ. Таковы были уже убѣжденія Сперанскаго и его привязанности. Но стоитъ только устройство французскаго государственнаго совѣта со всѣми его департаментами, докладчиками, съ его формами, порядками дѣлопроизводства и т. д. сравнить съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ нашего Государственнаго Совѣта, гдѣ все неопредѣленно, гдѣ члены никогда не знаютъ, что будетъ имъ доложено, гдѣ имъ даже не дозволено брать съ собою документовъ и бумагъ, чтобы имѣть возможность обсудить дѣло [1]), гдѣ предсѣдатель лишенъ всякой власти, а государственный секретарь являлся всемогущимъ и всевѣдущимъ, — то легко скоро убѣдиться въ пустотѣ и совершенной безполезности подобнаго преобразованія. Въ Россіи же, кромѣ того, гдѣ едва было столько интеллигенціи, столько знаній прошлаго, столько охранительныхъ формъ и опытности дѣловой, сколько требовалось для того, чтобы ходъ управленія по крайней мѣрѣ не сдѣлать еще хуже, еще произвольнѣе,—новая система, которая собою все подрывала, ничего не основывала, должна была причинить сумбуръ, который становился съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе и значительнѣе.

Опытъ уже достаточно указалъ, что въ ходѣ этихъ перемѣнъ не было никакой связи, никакой руководящей мысли, и если по временамъ какому-либо министру удавалось осуществить или провести что-либо полезное, то это достигалось скорѣе о б х о д о м ъ Государственнаго Совѣта, нежели при его содѣйствіи. Точно такъ же при осуществленіи чего-либо вреднаго, Государственный Совѣтъ не имѣлъ возможности этому препятствовать. Его учрежденіе и составъ въ такой степени недостаточны, что онъ не можетъ содѣйствовать къ осуществленію чего-либо полезнаго или воспрепятствовать совершенію чего-либо вреднаго.

---

[1]) По правиламъ образованія Государственнаго Совѣта 1-го января 1810 г. (I П. С. З. № 24064) всѣ дѣла докладывались государственнымъ секретаремъ (§ 45); чтеніе дѣла никѣмъ не прерывается до самаго окончанія онаго (§ 46). По прочтеніи дѣла каждый членъ могъ требовать поясненія или повторенія тѣхъ статей кои представятся неясными (§ 49). Никакое дѣло, Совѣту предложенное, не можетъ быть сообщено внѣ онаго безъ особеннаго на то высочайшаго дозволенія; но каждый членъ можетъ потребовать дѣла для особеннаго прочтенія въ самомъ Совѣтѣ (§ 56). Никакихъ записокъ по дѣламъ не разсылалось членамъ Совѣта для предварительнаго прочтенія.

Руководство и контроль какъ отдѣльныхъ министерствъ, такъ и всего управленія государствомъ являлись одною изъ обязанностей, включенныхъ въ сферу дѣятельности Государственнаго Совѣта, и должны были сосредоточиваться въ такъ называемомъ отдѣленіи государственнаго хозяйства.

Вторымъ предметомъ являлась судебная дѣятельность, возложенная на отдѣленіе гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

Сенатъ, именно судебные его департаменты, являлись ничѣмъ инымъ, какъ высшею или третью аппеляціонною инстанціею. При несостоявшемся единогласіи между членами отдѣльныхъ департаментовъ или по предложенію министра юстиціи, судебныя дѣла переходятъ въ общее собраніе нѣкоторыхъ департаментовъ, такимъ образомъ имѣется нѣсколько общихъ собраній, и никто не станетъ отрицать, что вполнѣ достаточно этихъ 3 или 4 судебныхъ инстанцій. Можно однако еще упомянуть п я т у ю, именно при министерствѣ юстиціи, когда министръ юстиціи предлагаетъ обсудить дѣло своимъ юрисъ-консультамъ въ своемъ присутствіи и потомъ даетъ заключеніе свое Сенату. При этомъ происходитъ потери времени, интриги и происки тяжущихся сторонъ и пр. пр., точно такъ же, какъ и при всякой обыкновенной судебной инстанціи.

Сперанскій къ этому добавилъ еще н о в ы я и н с т а н ц і и и открылъ тѣмъ безконечное поле для неопредѣленности законовъ и правъ, для медленности суда, для протекціи и т. д., не прибавивъ никакихъ охранительныхъ формъ для лучшаго отправленія правосудія. Учрежденіе Государственнаго Совѣта повлекло за собою то именно, что послѣ того какъ Сенатъ рѣшитъ дѣло окончательно, стороны получаютъ право просить государя о новомъ пересмотрѣ дѣла. Если ходатайство будетъ уважено, то государственный секретарь требуетъ извлеченіе изъ дѣла отъ канцеляріи Сената, и по этому извлеченію дѣло разсматривается сперва въ отдѣленіи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ Совѣта и разрѣшается тамъ. Стороны ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ при разсмотрѣніи ихъ дѣлъ въ Совѣтѣ; нѣтъ публичности дѣлопроизводства и нѣтъ никакихъ охранительныхъ формъ. Стороны имѣли только возможность познакомиться тайно съ извлеченіемъ изъ дѣла; они составляютъ и роздаютъ маленькія выписки изъ извлеченія и стараются склонить на свою сторону мнѣніе Канцеляріи и членовъ Совѣта, въ особенности же государственнаго секретаря и статсъ-секретаря того отдѣленія, въ которомъ разсматривается дѣло, и ихъ подчиненныхъ. Но формально, установленнымъ порядкомъ, стороны не узнавали ничего о состоявшемся рѣшеніи (ибо все сохранялось въ тайнѣ), а только п о л ю б е з н о с т и Канцеляріи. Рѣшеніе же Государственнаго Совѣта препровождалось въ Сенатъ, ко-

торый и сообщалъ оное указомъ сторонамъ и подчиненнымъ ему въ губерніяхъ учрежденіямъ для надлежащаго приведенія рѣшенія въ исполненіе. Изъ губерній же опять генералъ-губернаторъ могъ остановить исполненіе этого рѣшенія, сдѣлавъ о томъ представленіе, которое могло часто явиться основаніемъ или поводомъ къ тому, что дѣло вновь возвращалось въ Сенатъ, опять поступало въ консультацію, опять переходило въ Государственный Совѣтъ и нерѣдко даже въ комитетъ министровъ, прежде нежели восходило до высочайшаго утвержденія. Государь или утверждалъ мнѣніе большинства или меньшинства или же иногда постановлялъ совершенно иное рѣшеніе. Что при этомъ соблюдается величайшая тайна—это подразумѣвается само собою.

Законодательство Имперіи было возложено на отдѣленіе законодательное, дѣятельность котораго возникала или по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ или по почину кого-либо изъ министровъ, когда онъ вносилъ на разсмотрѣніе проектъ новаго положенія или закона, или по почину Сената, когда сей послѣдній признавалъ необходимость новаго опредѣленія по вопросамъ, на которые существующіе законы не могли дать отвѣта. Во всѣхъ сихъ случаяхъ дѣло поступало къ государственному секретарю, какъ директору законодательной коммиссіи, и прежде всего въ законодательное отдѣленіе, а послѣ онаго въ общее собраніе, гдѣ предложеніе принималось или отвергалось или измѣнялось и затѣмъ съ мнѣніемъ коммиссіи представлялось государю. Тотъ же порядокъ соблюдался и при законопроектахъ, разработанныхъ самою коммиссіею подъ руководствомъ директора оной. Никакой новый законъ, никакое измѣненіе существующаго не должно было въ будущемъ состояться безъ предварительнаго разсмотрѣнія онаго вышеуказаннымъ порядкомъ. Это правило, которое отчасти имѣлось въ прежнемъ учрежденіи, являлось единственно полезнымъ и въ то же время послѣдовательно проведеннымъ во всемъ планѣ.

При этомъ изложеніи самъ государь, всѣ его министры должны были сами ограничить свою власть и волю, но по общему положенію дѣлъ это было невозможно и неисполнимо. Стремленіе къ централизаціи, деспотизмъ и тщеславіе Сперанскаго обнаружились здѣсь вполнѣ. Онъ одинъ былъ все, всѣ остальные—ничто. Администрація—это я! (L'administration—s'est moi); но онъ не считалъ хозяина. Наконецъ при Совѣтѣ было еще четвертое отдѣленіе, учрежденное на тѣхъ же началахъ для дѣлъ военныхъ.

Коммиссія составленія законовъ являлась теперь только какимъ-то чуждымъ придаткомъ, подчиненнымъ не столько Государственному Совѣту, сколько государственной канцеляріи или, точнѣе, государственному секретарю.

Коммиссія прошеній была вторымъ подобнымъ придаткомъ и госу-

дарственная канцелярія, во главѣ которой былъ Сперанскій—третьимъ, которое включало въ себѣ оба первые. Все это было снабжено введеніемъ, въ которомъ излагались такъ называемыя конституціонныя опредѣленія или основныя начала, и кромѣ того различными образцами формъ. Изъ всего этого возникли въ обществѣ самые странные толки объ этомъ учрежденіи. Я часто толковалъ объ этомъ съ Козодавлевымъ (въ то время уже министромъ внутреннихъ дѣлъ), который, будучи неопытенъ въ изслѣдованіи, не могъ постичь, какъ и многіе другіе, сущность и цѣль всего учрежденія. Румянцовъ (Н. П.), скоро послѣ Фридрихсгамскаго мира назначенный государственнымъ канцлеромъ (онъ назначался въ предсѣдатели будущаго Государственнаго Совѣта), былъ приглашенъ для виду только къ обсужденію положенія о Совѣтѣ, т. е. ему дали только прочесть проектъ онаго. Сперанскій, который вполнѣ уже обворожилъ государя и овладѣлъ имъ, не нуждался ни въ какомъ совѣтѣ. Самъ графъ Кочубей не могъ ничего узнать объ этомъ проектѣ, хотя онъ еще 30-го декабря два или три раза останавливался у дверей Сперанскаго, но не былъ принятъ. Сперанскій говорилъ о немъ: «c'est un homme qui jamais n'a eu une idée» (это человѣкъ, у котораго никогда не было ни единой мысли).

Моя частная жизнь въ то время была очень пріятна. Кромѣ дома Козодавлева я съ женою моею посѣщалъ еще дюка Серра Капріола, прекраснаго человѣка, даровитаго, обладавшаго силою сужденія, здравымъ смысломъ и со всею подвижностью веселаго неаполитанца; онъ былъ очень ко мнѣ благожелателенъ. Мы часто бывали также у Анны Никитичны Нарышкиной [1]), тетки Румянцова и нѣкогда подруги молодости императрицы Екатерины II; она принимала насъ очень ласково; князя Куракина, князей Михаила и Бориса Голицыныхъ и т. д. Меня очень часто посѣщалъ очень достопочтенный дипломатъ Наварро (Navarro), позднѣе баронъ de Villa Secca, графъ Местръ [2]), очень разговорчивый, свѣдущій человѣкъ, и многіе ученые и художники. Моя молодая супруга развивала все болѣе свой умъ и свои таланты. Учите-

---

[1]) Нарышкина, Анна Никитична, рожденная Румянцова, род. 1730 г., была другомъ Екатерины II и повѣренною личныхъ ея тайнъ и статсъ-дамою. При Павлѣ I сдѣлана гофмейстериной и умерла въ глубокой старости въ 1820 году. Она вступила въ бракъ въ 1746 г. съ оберъ-гофмаршаломъ Алекс. Алекс. Нарышкинымъ.

[2]) Мэстръ, графъ Жозефъ, р. 1754 г., французскій философъ, представитель ученія о церковномъ абсолютизмѣ, авторъ извѣстныхъ сочиненій «Soirées de St. Petersbourg, Etude sur la Souveraineté» и т. д. Онъ былъ посланникомъ Савойскаго герцогства въ Петербургѣ съ 1803 по 1817 годъ. Онъ умеръ въ 1821 году.

лями ея въ музыкѣ были Фильдъ [1]) и Клементи [2]); она занималась много рисованіемъ и дѣлала значительные въ этомъ успѣхи. Она получила въ Эрмитажѣ особую комнату, гдѣ срисовывала многія знаменитыя картины итальянской школы съ особеннымъ тщаніемъ.

Такъ истекъ 1809 годъ, и 31-го декабря министры и прочіе сочлены получили приглашеніе явиться 1-го января къ открытію засѣданія Совѣта въ Императорскомъ дворцѣ.

Первое засѣданіе было одною простою формальностью. Государь открылъ его краткою вступительною рѣчью, обращенною къ членамъ. Я въ тотъ день получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ газетахъ былъ распубликованъ этотъ конституціонный статутъ.

Въ напыщенномъ манифестѣ, служившемъ ему введеніемъ, были изложены обычныя общія мѣста и упомянуто о неудавшихся до сего времени попыткахъ законодательства, а также о необходимости болѣе совершеннаго управленія. Старая тема, что начатое еще Петромъ I и продолженное его преемниками должно быть усовершенствовано въ настоящее время болѣе цѣлесообразно, повторялась съ новыми фразами и красивыми оборотами. Манифестъ возвѣщалъ еще, что проектъ первой части новой книги законовъ «благодаря помощи Всевышняго, къ великому нашему удовольствію уже законченъ и что послѣдующія части будутъ тѣмъ же порядкомъ закончены».

Этими словами признана была оффиціально, насколько возможно, и моя работа [3]).

Я только вкратцѣ изложилъ основныя черты новаго учрежденія. Кто прочтетъ положеніе о немъ со вниманіемъ или съ знаніемъ доселѣ существовавшаго учрежденія, тотъ скоро признаетъ мощную руку, касавшуюся различныхъ частей существующаго государственнаго организма,

---

[1]) Фильдъ, Джонъ, р. 1782 г., англійскій піанистъ и композиторъ, ученикъ Клементи, поразительно игравшій фуги Баха. Онъ имѣлъ необычайный успѣхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ окончательно поселился въ 1820 году и умеръ въ 1853 году.

[2]) Клементи, Муціо, р. 1752 г., извѣстный итальянскій піанистъ и композиторъ множества сонатъ и Gradus ad Parnassum. Жилъ преимущественно въ Лондонѣ и Петербургѣ. Онъ умеръ въ 1832 г.

[3]) Г. Розенкампфъ говоритъ о манифестѣ 1-го января 1810 (I П. С. З. №24064), которымъ возвѣщалось также, что первая часть гражданскаго уложенія окончена, а другія — постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ. При этомъ указывалось, что Государственный Совѣтъ обратитъ вниманіе: 1) на гражданское уложеніе, а затѣмъ на уголовное; 2) на различныя части, министерствамъ ввѣренныя, и главныя основанія общаго Наказа министерствамъ; 3) на положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ, которые требуютъ неукоснительно разсмотрѣнія и опредѣленія.

чтобы дать ему другой составъ и достигнуть, разорвавъ старое, поверхностнаго подражанія французской наполеоновской монархіи...

На этомъ прекращаются листки записокъ Розенкампфа, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Трудно рѣшить вопросъ, было ли написано Розенкампфомъ дальнѣйшее продолженіе этихъ листковъ. Быть можетъ, онъ не успѣлъ ихъ написать, а быть можетъ написанные листки испытали ту же участь, которой весьма часто подвергаются у насъ различные историческіе памятники и важные документы дорогаго нашего отечества. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что не имѣется дальнѣйшаго продолженія записокъ Розенкампфа, въ которыхъ ему предстояло говорить о паденіи Сперанскаго, о его возвращеніи въ Петербургъ и вторичномъ назначеніи въ коммиссію составленія законовъ, въ которой Розенкампфъ продолжалъ трудиться все время. Въ заключеніе нашей статьи считаемъ не лишнимъ сказать въ немногихъ словахъ о дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности Розенкампфа.

Необходимо прежде всего упомянуть, что еще въ 1809 году, вскорѣ послѣ завоеванія Финляндіи, для ближайшаго завѣдыванія ея дѣлами была учреждена въ Петербургѣ особая коммиссія, но скоро, 6-го ноября 1811 года, по предложенію Сперанскаго преобразованная въ комитетъ, который долженъ былъ разсматривать и подготовлять къ докладу дѣла, требовавшія высочайшаго утвержденія или разрѣшенія. Первымъ предсѣдателемъ этого комитета былъ извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельдъ [1]), пользовавшійся большимъ расположеніемъ Александра I. Членомъ комитета былъ назначенъ также Розенкампфъ [2]), который и

---

[1]) Армфельтъ, Густавъ-Морицъ, р. въ 1757 г. въ Финляндіи, любимецъ короля шведскаго Густава III, участвовавшій въ заговорѣ противъ его преемника Карла XIII и бѣжавшій въ Россію. Позднѣе Армфельтъ былъ прощенъ Густавомъ IV, осыпанъ милостями, назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи въ 1805 г., но скоро навлекъ на себя неудовольствіе короля и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ радушно и возведенъ въ графское достоинство. Онъ сопровождалъ императора Александра I въ армію въ 1812 г., возбудилъ въ немъ мысль объ освобожденіи Польши и усердно работалъ на пользу своего отечества—Финляндіи, будучи президентомъ комитета по финляндскимъ дѣламъ. Онъ скоропостижно умеръ въ 1814 году. Сынъ его, графъ Александръ Армфельдъ, былъ долгое время статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи.

[2]) Прочими членами этого комитета были Іоаннъ Аминовъ, Яковъ Хизингеръ и Карлъ Валлэнъ. Статсъ-секретаремъ комитета былъ Робертъ Ребиндеръ, горячій приверженецъ Финляндіи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая I этотъ комитетъ по финляндскихъ дѣламъ былъ упраздненъ 17-го марта 1826 года, и оставленъ только одинъ статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ (каковымъ былъ Ребиндеръ до самой его кончины въ 1841 году), при которомъ была канцелярія для дѣлопроизводства.

занималъ это мѣсто до самаго упраздненія комитета въ 1826 году. Это назначеніе очень сблизило Розенкампфа съ Армфельдомъ (скоро впрочемъ скончавшимся, въ 1814 году), который находился съ нимъ въ интимной перепискѣ во время поѣздки своей съ императоромъ Александромъ I въ Вильно въ 1812 г., какъ это можно заключить изъ писемъ Армфельда къ Розенкампфу.

Въ томъ же 1811 г. Розенкампфъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [1]) и назначенъ предсѣдателемъ особаго комитета для устройства нерѣшенныхъ дѣлъ по Финляндіи.

Въ началѣ марта 1812 г. послѣдовало удаленіе Сперанскаго.

Князь Лопухинъ, которому, по предсѣдательству его во всѣхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, было ввѣрено императоромъ и управленіе коммиссіею составленія законовъ, передалъ на разсмотрѣніе означенной коммиссіи составленную Розенкампфомъ записку или, точнѣе, обозрѣніе о дѣйствіяхъ коммиссіи составленія законовъ отъ начала ея учрежденія, въ которомъ выражалась самая ожесточенная критика всѣхъ распоряженій и мѣръ Сперанскаго съ того времени, какъ она была ввѣрена его управленію. (Корфъ, ч. II, стр. 42).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопухинъ поручилъ Розенкампфу, какъ старшему изъ начальниковъ отдѣленія, наблюденіе за производствомъ дѣлъ коммиссіи и за занятіями чиновниковъ, съ тѣмъ однако, чтобы представленія коммиссіи вносились къ нему, Лопухину, за подписаніемъ не только Розенкампфа, но и Тургенева (тогда помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта). Не много позднѣе, 11-го мая, Розенкампфъ былъ назначенъ въ вновь учрежденный при коммиссіи составленія законовъ особый совѣтъ (состоящій изъ него, Тургенева и Дружинина). Этотъ совѣтъ замѣнялъ собою прежняго директора коммиссіи и учреждался съ цѣлью сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ. Въ этотъ совѣтъ поступали отъ начальниковъ отдѣленій всѣ ихъ проекты для внесенія въ Государственный Совѣтъ отъ Лопухина.

Такимъ образомъ Розенкампфъ явился однимъ изъ главныхъ руководителей работъ коммиссіи составленія законовъ.

Въ 1812 г., когда изыскивались средства всякаго рода для борьбы съ Наполеономъ, Розенкампфъ вмѣстѣ съ Армфельдомъ внесъ въ Госу-

---

[1]) Если припомнить, что Розенкампфъ, назначенный въ 1809 г. начальникомъ отдѣленія въ коммиссіи законовъ, былъ 1-го января 1810 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, а черезъ годъ произведенъ въ чинъ, то должно заключить, что онъ и въ глазахъ Сперанскаго выдавался по своимъ трудамъ изъ среды лицъ, служившихъ въ коммиссіи. Нежелательно допустить, чтобы Сперанскій, подъ начальствомъ котораго состояла въ то время коммиссія, представлялъ бы къ такимъ наградамъ лицъ безъ всякаго къ тому основанія.

дарственный Совѣтъ свой проектъ о земельныхъ облигаціяхъ [1]). При прочтеніи первой статьи этого проекта соединенные департаменты Совѣта замѣтили, что достаточно оной одной, дабы во всемъ народѣ возродить величайшее безпокойство, и что мѣры, въ запискѣ излагаемыя, произвести могутъ самыя вредныя впечатлѣнія. Проектъ этотъ былъ отклоненъ. По словамъ графа Мордвинова, писавшаго возраженіе на проектъ Розенкампфа, таковой представляетъ собою не что иное, какъ списокъ съ поземельныхъ мандатовъ, введенныхъ во Франціи въ 1790 г. (mandats territoriaux) и уничтоженныхъ въ 1797 году, въ самое лютѣйшее время французской революціи. Съ введеніемъ ихъ изчезла и цѣна монеты и способы исправленія оной. Правительство должно было объявить себя банкротомъ, и только хитрые выдумщики мандатовъ нажились. У насъ это не осуществилось. Воспрещеніемъ выпуска такихъ облигацій Россія спасена была отъ подобнаго бѣдствія и поставлена преграда похищенію за безцѣнокъ казенныхъ имѣній (Арх. графа Мордвинова, т. IV, стр. 147 и дал.). Розенкампфъ, будучи старшимъ членомъ Совѣта коммиссіи составленія законовъ, былъ также назначенъ въ 1812 г. помощникомъ статсъ-секретаря Энгеля въ департаментъ финансовъ Государственнаго Совѣта.

Работа по коммиссіи законовъ тѣмъ временемъ подвигалась, и она вскорѣ закончила подготовленную 3-ю часть гражданскаго уложенія и составила 1-ю часть устава гражданскаго судопроизводства и напечатала съ измѣненіями прежніе проекты уложенія торговаго и уголовнаго, а также сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія. Въ воздаяніе неусыпныхъ трудовъ по коммиссіи составленія законовъ Розенкампфъ удостоился получить при рескриптѣ 4-го декабря 1812 г. изъ [2]) Карлсруэ орденъ Св. Анны 1-й степени, а позднѣе, 13-го іюня 1817 г., онъ былъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ возведенъ въ баронское достоинство вел. кн. Финляндскаго, при чемъ ему данъ гербъ, въ золотомъ полѣ котораго помѣщались двѣ лавровыя вѣтви а между ними серебряный столбъ, увѣнчанный императорской короною, а на столбѣ доска со словомъ «законъ». При этомъ былъ девизъ: principi, legi, patriae (Царю, закону, отечеству) [3]).

Такая награда вызвала слѣдующія строки М. М. Сперанскаго въ

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ проектъ Розенкампфа и проектъ манифеста объ этихъ облигаціяхъ до насъ не сохранились; въ архивѣ Госуд. Совѣта имѣется одна обложка журнала 1812 г. № 1 (см. архивъ графа Мордвинова, т. IV, стр. 147).

[2]) См. Сборникъ истор. матер., извлеченныхъ изъ архива I отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, т. III, стр. 154.

[3]) См. россійская родословная книга князя Долгорукова, ч. III, стр. 380. Дѣтей Розенкампфъ не имѣлъ, какъ видно изъ этой родословной книги.

письмѣ его къ Столыпину изъ Пензы отъ 31-го іюля 1817 года: «правда, у васъ такъ много совершается невозможностей, что и мѣру теряешь, чего можно желать и чего нельзя. Напримѣръ, какъ можно было угадать, что Розенкампфъ будетъ возведенъ и съ племянникомъ его въ баронское достоинство. Правду говорятъ, что на милость образца нѣтъ». (См. «Рус. Архивъ», 1870 г., стр. 1143). Нельзя при этомъ не замѣтить, что Розенкампфъ не забывалъ своего начальника, находившагося въ опалѣ, и послалъ ему всѣ труды коммиссіи составленія законовъ при самомъ учтивомъ письмѣ, по словамъ самого же Сперанскаго. (См. «Рус. Архивъ» 1870 г., стр. 1181, письмо къ Столыпину 27-го марта 1817 г.).

Нельзя не упомянуть также, что Розенкампфъ составилъ новый штатъ коммиссіи составленія законовъ, который удостоился высочайшаго утвержденія 25-го февр. 1816 г. (1 П. С. З. № 26170). По этому штату при коммиссіи полагался Совѣтъ; однимъ изъ членовъ его былъ Розенкампфъ, и кромѣ того при ней находились прежніе ея корреспонденты.

Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи различныхъ проектовъ уложеній, внесенныхъ Розенкампфомъ, нашелъ необходимымъ, чтобы своды прежнихъ законовъ, находящіеся въ виду коммиссіи составленія законовъ, были приведены въ систематическій порядокъ и напечатаны по матеріямъ для большаго удобства разсмотрѣнія самихъ уложеній. Вслѣдствіе этого Розенкампфъ занялся составленіемъ «систематическаго свода существующихъ законовъ въ Россійской имперіи съ основаніями правъ, изъ оныхъ извлеченныхъ», который былъ напечатанъ и состоялъ изъ немалаго числа частей.

Кромѣ того Розенкампфъ съ 1817 г. издавалъ такъ называемый Журналъ законодательства, который выходилъ до 1819 года.

Вскорѣ послѣдовало возвращеніе Сперанскаго изъ ссылки въ 1821 году, при чемъ за отъѣздомъ князя Лопухина за границу Сперанскому поручено было управлять коммиссіей составленія законовъ. Это, конечно, не было особенно благопріятно Розенкампфу, ранѣе порицавшему всѣ дѣйствія Сперанскаго по означенной коммиссіи, и 13-го апрѣля 1822 г. послѣдовало увольненіе Розенкампфа изъ коммиссіи законовъ, на основаніи особаго указа на имя князя Лопухина.

Весьма часто удаленіе Розенкампфа изъ коммиссіи составленія законовъ объясняется крайнимъ нерасположеніемъ къ нему Сперанскаго и совершенною противоположностію взглядовъ его и Сперанскаго на законодательство и кодификацію. Но такое объясненіе является предположеніемъ, не имѣющимъ твердаго основанія и при томъ опроверга-

емымъ заявленіемъ самого Розенкампфа о причинахъ его удаленія [1]). Если бы причиною онаго являлся Сперанскій, то конечно Розенкампфъ упомянулъ бы объ этомъ. Между тѣмъ онъ не только не указываетъ этого, но даже ни словомъ не намекаетъ объ этомъ, онъ прямо говоритъ, что причиною удаленія его изъ коммиссіи законовъ является князь Лопухинъ и вотъ по какому поводу. Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи внесенныхъ коммиссіею составленія законовъ проектовъ гражданскаго и уголовнаго уложенія, призналъ необходимымъ напечатать законодательные источники, служившіе основаніемъ для этихъ проектовъ, а также различные объяснительные къ нимъ проекты и предложилъ князю Лопухину привести это въ исполненіе.

Осуществленіе этого требовало не мало расходовъ, и князь Лопухинъ, отличавшійся вообще чрезмѣрнымъ сбереженіемъ казенныхъ денегъ, предложилъ Розенкампфу принять изданіе этого сборника на себя, съ тѣмъ условіемъ, что у него будетъ пріобрѣтено извѣстное количество экземпляровъ по опредѣленной цѣнѣ, чѣмъ и покроются всѣ издержки изданія и устройства необходимой для этого типографіи. Розенкампфъ на это согласился, въ виду полезности подобнаго изданія не только для законодательныхъ работъ, но и для чиновъ судебнаго вѣдомства. Вслѣдствіе сего и было сдѣлано княземъ Лопухинымъ надлежащее предоставленіе комитету министровъ, утвердившему это распоряженіе князя Лопухина, при чемъ цѣна каждаго тома въ 40—50 листовъ опредѣлена по 8 руб. за томъ. Въ то же время на Розенкампфа было возложено изданіе особаго періодическаго изданія, подъ названіемъ «Журналъ русскаго законодательства». Съ Розенкампфомъ было заключено условіе на изданіе въ 1820—21 годахъ этого систематическаго свода, въ размѣрѣ 12 томовъ, по 8 рублей каждый, при чемъ Лопухинъ обѣщалъ ему взять у него до 680 экземпляровъ, на сумму около 50.000 руб. Розенкампфъ приступилъ къ работамъ и къ устройству типографіи, затративъ на это весьма значительную часть своего состоянія, чтобы не задерживать принятую на себя работу, которую и окончилъ къ сроку. Между тѣмъ князь Лопухинъ, всячески заботясь о сбереженіи денегъ, **не взялъ** обѣщаннаго числа экземпляровъ, но гораздо меньшее, и платилъ за нихъ по частямъ, изъ процентовъ, получаемыхъ по сберегаемымъ суммамъ. Министръ же юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій возбудилъ къ тому же вопросъ, не имѣется ли въ

---

[1]) Все нижеслѣдующее извлечено нами изъ рукописнаго сочиненія Розенкампфа на нѣмецкомъ языкѣ. Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexandre I, написаннаго имъ послѣ увольненія отъ службы и послѣ преобразованія коммиссіи составленія законовъ во II отдѣленіе соб. его императорскаго величества канцеляріи въ 1826 году.

систематическомъ сводѣ произвольныхъ вставокъ и добавленій. Уклоненіе князя Лопухина отъ исполненія своего обѣщанія побудило Розенкампфа изложить все это дѣло его величеству и просить объ увольненіи его изъ коммиссіи составленія законовъ [1]). Вслѣдствіе этого и состоялся высочайшій указъ Лопухину 13-го апрѣля 1822 года объ увольненіи Розенкампфа отъ должности старшаго члена коммиссіи составленія законовъ. При этомъ Розенкампфу никакой пенсіи назначено не было, но онъ продолжалъ получать по-прежнему содержаніе, оставаясь членомъ комитета по Финляндскимъ дѣламъ. Однако вскорѣ, въ 1826 году, и этотъ комитетъ былъ закрытъ, и Розенкампфъ, по его словамъ, остался безъ содержанія и безъ пенсіи. Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, оставленный и забытый прежними знакомыми, гдѣ-то на Садовой ул. въ деревянномъ домѣ, довольно ветхой наружности, по словамъ Печорина, оставившаго намъ въ своихъ запискахъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ годахъ жизни Розенкампфа. Печоринъ приходилъ къ нему каждое утро въ 8—9 часовъ и садился съ нимъ за работу по историческимъ и филологическимъ изысканіямъ о Кормчей книгѣ, предпринятую по желанію канцлера графа Н. П. Румянцова.

Оба они, Розенкампфъ и Печоринъ, занимались вмѣстѣ до 4 часовъ, когда приходилъ старый, какъ лунь, парикмахеръ, причесывалъ посѣдѣлыя кудри барона, послѣ чего послѣдній отправлялся къ своей супругѣ, особѣ лѣтъ сорока не болѣе. Она была очень блѣдна, какое-то облако грусти висѣло на ея челѣ, но видны были слѣды прежней красоты; она нѣкогда блистала при дворѣ Александра I. Дѣтей у нихъ не было. Рѣдко кто заходилъ въ этотъ опальный домъ, въ которомъ господствовала оппозиція; всѣ дѣйствія новаго правительства были безпощадно порицаемы [2]). Окончивъ изслѣдованіе Кормчей книги, Розенкампфъ написалъ къ ней предисловіе и посвятилъ этотъ трудъ графу Румянцову [3]).

---

[1]) Розенкампфъ при этомъ ни слова не упоминаетъ о Сперанскомъ, который только всего нѣсколько мѣсяцевъ какъ вступилъ вновь въ сношенія съ коммиссіею. Сперанскому, какъ извѣстно, по возвращеніи его изъ Сибири было поручено заниматься трудами коммиссіи составленія законовъ, поступающими въ Государственный Совѣтъ, только въ 1821 году (ноября 3-го) и при томъ безъ всякаго участія въ управленіи означенною коммиссіею. Такимъ образомъ Розенкампфъ могъ находиться въ сношеніяхъ съ Сперанскимъ не болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ Сперанскій вовсе не являлся начальникомъ его.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1870 года, стр. 1334 и слѣд.

[3]) Этотъ трудъ изданъ въ 1829 г. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при импер. Московск. университетѣ. Второе изданіе онаго сдѣлано Анастасевичемъ съ немалыми прибавленіями въ 1839 г. послѣ кончины Розенкампфа.

Самъ Розенкампфъ былъ большой почитатель канцлера графа Румянцова, какъ это можно заключить изъ письма его отъ 25-го апрѣля 1825 года къ кіевскому митрополиту Евгенію (см. сочиненіе Ивановскаго, «Госуд. канцлеръ графъ Румянцовъ»), съ которымъ Розенкампфъ находился въ перепискѣ, какъ это видно изъ сообщенія г. Шмурло въ журналѣ «Библіографъ», Лиссовскаго, 1889 г., стр. 64.

Вскорѣ послѣ этого занимаясь новымъ изданіемъ Обозрѣнія Кормчей книги, Розенкампфъ прилегъ отдохнуть и вскорѣ 16-го апрѣля 1831 года умеръ. Онъ погребенъ на кладбищѣ св. Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ.

Розенкампфъ умеръ въ великой бѣдности, такъ что не нашлось ста рублей на его похороны. Деньги, необходимыя на погребеніе, были выданы изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вдова же его, баронесса Розенкампфъ, продала библіотеку покойнаго своего мужа и лучшую мебель, чтобы дать обычный послѣ погребенія обѣдъ духовенству, а затѣмъ она перебралась на маленькую квартиру и, по словамъ Погодина, умерла съ голода [1]).

Розенкампфъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, а также членомъ: общества исторіи и древностей россійскихъ при означенномъ университетѣ, общества вольно-экономическаго въ Петербургѣ и Минералогическаго. Кромѣ упомянутаго Обозрѣнія Кормчей книги, онъ написалъ также на французскомъ языкѣ записку по поводу ссылки Сперанскаго, напечатанную въ полномъ объемѣ въ сочиненіи барона Корфа «Жизнь Сперанскаго» (т. II, отр. 31). Ранѣе этого Розенкампфъ составилъ еще записку о ходѣ финансоваго управленія. По словамъ барона Корфа («Жизнь Сперанскаго», т. II, стр. 42) Розенкампфъ оставилъ послѣ себя въ рукописи рядъ мемуаровъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которыми пользовался баронъ Корфъ при составленіи біографіи Сперанскаго, но гдѣ таковые мемуары хранятся, въ настоящее время не извѣстно; въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки имѣются только отрывки этихъ мемуаровъ, нами выше помѣщенные, а также еще слѣдующія бумаги Розенкампфа: 1) Sur les basiliques—краткое обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ; 2) Materialien und Vorarbeitungen zur geschichtlichen Darstellung des russischen Kirchenrecht—матеріалы и предварительныя работы къ историческому изложенію русскаго церковнаго права; 3) Über den Ursprung des älteren russischen und nordischen Rechts—о происхожденіи древняго русскаго права.

Кромѣ этого имѣется переписка Розенкампфа съ различными лицами по поводу изслѣдованія о Кормчей книгѣ и описанія списковъ

---

[1]) См. Жизнь и труды Погодина—Н. Барсукова, т. II, стр. 35.

Кормчей книги. Розенкампфъ самъ упоминаетъ о слѣдующихъ своихъ литературныхъ трудахъ:

1) Essai sur la statistique de la Russie. Leipzig 1785 г. (Опытъ статистики Россіи).

2) Einzelne Abhandlungen über verschiedene juristische Gegenstände.

3) Materialien zur Liwländischen Bauerverfassung. Dorpat 1797 г. (Матеріалы по освобожденію крестьянъ въ Лифляндіи).

4) Über den Tarif (russischen) mit einer Vorrede von O. P. Kosodovleff. (О русскомъ тарифѣ съ предисловіемъ Козодавлева).

5) Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peters des Grossen bis zum Tode Alexander I,—дошедшее до насъ въ рукописи въ двухъ спискахъ.

П. Майковъ.